

С О В Е Т С К А Я Т Ю Р К О Л О Г И Я

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

АКАДЕМИЯ НАУК
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ
ССР

НАУЧНО-
ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

БАКУ—1970

6

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я Т Ю Р К О Л О Г И Я

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Выходит 6 раз в год

№ 6

НОЯБРЬ—ДЕКАБРЬ

БАКУ — 1970

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Г. А. АБДУРАХМАНОВ, П. А. АЗИМОВ, Н. А. БАСКАКОВ, М. А. ДАДАШЗАДЕ,
С. К. КЕНЕСБАЕВ, А. Н. КОНОНОВ, Г. И. ЛОМИДЗЕ, Э. В. СЕВОРТЯН,
И. С. СЕИДОВ (зам. главного редактора), Э. Р. ТЕНИШЕВ, Е. И. УБРЯТОВА,
М. Ш. ШИРАЛИЕВ (главный редактор), ЯШЕН КАМИЛЬ

Ответственный секретарь Э. Х. ИБРАГИМОВ

Технический редактор *Б. А. Абдуллаев*

Корректоры *А. Е. Сорокина, С. В. Лисицова.*

Рукописи не возвращаются

Сдано в набор 1/XII 1970 г. Подписано к печати 7/IV-1971 г. ФГ 10117. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Бум. л. 4,2. Физ. печ. л. 8,75. Усл. печ. л. 12. Уч.-изд. л. 11,5. Заказ № 729.

Тираж 3200. Цена 1 руб.

Адрес редакции: Баку-73, просп. Нариманова, 31.
Типография издательства «Коммунист», ул. Б. Авакяна, 529 кв.

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

С. К. КЕНЕСБАЕВ,
Р. Г. ПИОТРОВСКИЙ, К. Б. БЕКТАЕВ

ИНЖЕНЕРНАЯ ЛИНГВИСТИКА И ТЮРКОЛОГИЯ

Проникновение в лингвистику математических, а затем и инженерных методов, начавшееся 15—20 лет тому назад, диктовалось стремлением к более «точному», строгому и объективному описанию лингвистического материала. Позволяя проникнуть в тайны наблюдаемых объектов и связей языка, эти методы импонировали лингвистам в большей мере, нежели утвердившиеся приемы интуитивной оценки.

Необходимость внедрения инженерно-математической методики исследования вызывается не только лингвистическими (экстралингвистическими), но и народнохозяйственными факторами.

Рост народонаселения и научно-технический прогресс ставят перед языкознанием, как и перед другими науками, все новые и новые проблемы, успешное решение которых имеет огромное значение для дальнейшего развития человеческого общества.

Одна из этих проблем, особенно важная для народов с молодой литературной традицией и письменностью, состоит в необходимости нормализации языка, освоения литературного наследия классиков, изучения исторических памятников.

Составление частотных списков словоформ, слов и словосочетаний по произведениям классиков и современных авторов, а также частотных словарей публицистики, разговорной речи и научно-технических текстов имеет принципиальное значение для нормализации литературных языков, исследований по культуре речи и по истории изменения и формирования тюркской лексики¹.

Для решения этих задач требуется просмотр миллионов страниц текста. Чтобы в течение 5—10 лет дать исчерпывающее описание норм современного литературного языка, например казахского, а также описать его историю, необходима работа сотен языковедов, причем основная затрата труда уходит здесь на собирание примеров, их сортировку и упорядочение. Научный анализ этого материала занимает едва ли 10% всего затраченного времени. Достаточно сказать, что получивший недавно Ленинскую премию 17-томный словарь русского литературного языка составлялся обычным методом более 20 лет коллективом языковедов, насчитывающим около 100 человек. Многие из талантливых и высококвалифицированных участников этой многолетней работы так и не увидели результатов своего труда.

¹ С. К. Кенесбаев, К. Б. Бектаев, Р. Г. Пиотровский. О статистическом изучении тюркских текстов. — В сб.: «Статистическое и информационное изучение тюркских языков». Алма-Ата, 1969, стр. 4.

Спасти положение здесь может только кибернетический автомат — электронно-вычислительная машина, способная во много раз быстрее, чем человек, обработать и оформить огромный поток собранной информации.

Каковы же возможности ЭВМ в отношении переработки письменного текста? Начнем с вопроса об использовании ЭВМ для описания лексики, грамматики, фонетики и графемики современных и старых письменных текстов.

Машина может оказать существенную помощь исследователю при решении следующих элементарных лингвистических задач:

1) составление словника текста — алфавитного (см. рис. 1) или частотного (см. рис. 2);

i		F_i	F_i^*
551	АЙТЫЛМАЙТЫН-Г	1	3152
552	АЙТЫЛУ-Г	1	3153
553	АЙТЫЛЫП-Г	6	3159
554	АЙТЫН ДАР-Г	1	3160
555	АЙТЫН ДАРШЫ-Г	1	3161
556	АЙТЫН ЫЗ-Г	4	3165
557	АЙТЫП-Г	131	3296
558	АЙТЫПТЫ-Г	7	3303
559	АЙТЫСА-Г	1	3304
560	АЙТЫСАДЫ-Г	1	3305
561	АЙТЫСАР-Г	1	3306

Рис. 1. Алфавитный словарь казахского языка (роман М. Ауэзова «Путь Абая»), составленный на ЭВМ «Минск-22». Авторы программы Х. Валиев и А. К. Джубанов (казахский коллектив «Статистика речи»)

2) составление обратного словаря (см. рис. 3), что дает возможность получить исчерпывающую информацию о флективной и агглютинативной морфологии текста;

3) образование морфологических форм слова от исходной или заданной формы (см. рис. 4);

4) составление частотного или алфавитного списка словосочетаний заданной длины (см. рис. 5) или словосочетаний, образующих оформленное с семантико-синтаксической точки зрения целое (см. рис. 10);

5) составление частотных и алфавитных списков буквосочетаний различной длины (см. рис. 6).

Эти задачи целесообразно решать на ЭВМ, имеющих оперативную память объемом около 8 тыс. машинных слов, внешнюю память объемом не менее 1600 тыс. машинных слов по шесть символов в каждом, буквенный ввод и алфавитно-цифровое устройство печати. Этим условиям отвечают такие отечественные ЭВМ, как «Минск-22», «Минск-23», «Минск-32», «Раздан-3», БЭСМ-6, М-220, новые «Урал» и некоторые другие².

² Ср.: Р. Г. Пиотровский. Экстралингвистические и внутриязыковые вопросы при переработке текста в системе «человек — машина — человек». — В сб.: «Вопросы социальной лингвистики». Л., 1969, стр. 52—55; В. И. Грубов, В. С. Кирдан. Электронные вычислительные машины и моделирующие устройства. Киев, 1969.

I		F_i	F_i^*	f_i	f_i^*	H_i	H_i^*
5	БИР	120	248	+58888888+02	+81888888-01	+5936932-01	+1765993+00
6	А*ЭР	124	268	+77888888+02	+81888888-01	+5672827-01	+5323256+00
7	ИЛЭ	127	292	+76688888+02	+8733332-01	+5357508-01	+5862007+00
8	У*ЧУ*Н	122	314	+7333332+02	+1046666+00	+5200297-01	+6382036+00
9	ДА	119	333	+6333332+02	+1108888+00	+425118-01	+6644648+00
10	МУ*ЭЭ	117	350	+8668888+02	+1166666+00	+4229193-01	+7267468+00
11	ИЕРИНО	116	366	+8333332+02	+1219999+00	+4027064-01	+7670174+00
12	БУ*ТУ*Н	116	381	+4988888+02	+1268888+00	+3821827-01	+8052367+00
13	ДЯХ*А	115	399	+4888888+02	+1318888+00	+3821827-01	+8434860+00
14	ТОИ	116	411	+4999998+02	+1268888+00	+3821827-01	+6816752+00
15	СУ*Д	114	426	+4668888+02	+1416666+00	+3613882-01	+5176110+00
16	ЧОУ	114	439	+4668888+02	+1423333+00	+3613882-01	+5539469+00
17	ДӨ	111	450	+3668888+02	+1499999+00	+3056814-01	+5836150+00
18	ИИДИ	111	461	+3668888+02	+1536666+00	+2896814-01	+4013283+01
19	НЕФТ	111	472	+3668888+02	+1573333+00	+2896814-01	+102851+01
20	БАШ	110	482	+3333332+02	+1806666+00	+2742938-01	+1070880+01
21	ВУРАДА	110	492	+3333332+02	+1838888+00	+2742938-01	+1097510+01
22	ЕГММШАИР	110	502	+3333332+02	+1873333+00	+2742938-01	+1125239+01
23	СТАН	110	512	+3333332+02	+1786666+00	+2742938-01	+112658+01
24	КИЛДИРАК	110	522	+3333332+02	+1738888+00	+2742938-01	+1160098+01

Рис. 2. Частотный список азербайджанских словоформ (газетный текст), составленный на ЭВМ «Минск-22». Авторы программы К. Б. Бектаев и Х. Валнев (казахский коллектив «Статистика речи»)

ИП	СЛОВОФОРМА	F	F*
16601	ЭДІЛЕТ-8	1	80803
16602	К'ОШЕМЕТ-8	2	80805
16603	К'ЫЗМЕТ-8	54	80859
16604	К'У'РМЕТ-8	12	80871
16605	ГИПРОЦВЕТМЕТ-8	1	80872
16606	О'КІМЕТ-8	58	80930
16607	У'КІМЕТ-8	60	80998
16608	ПАРТИА-У'КІМЕТ-8	2	80992
16609	ЛАГ'ЫНЕТ-8	2	80994
16610	РЕТ-8	133	81127
16611	ДЕКРЕТ-8	3	81130
16612	ПОРТРЕТ-8	1	81131
16613	СУРЕТ-8	3	81134
16614	КО'РКЕМСУРЕТ-8	1	81135
16615	ФОТОСУРЕТ-8	1	81136

Рис. 3. Обратный словарь казахского языка (газетный текст), составленный на ЭВМ «Минск-22». Авторы программы А. Ахабаев и Х. Валиев (казахский коллектив «Статистика речи»)

О том, какую экономию времени с точки зрения затрат усилий на черновую нетворческую работу дает ЭВМ, можно судить по следующему примеру.

Группа статоллингвистики и автоматизации Института языкознания АН Казахской ССР получила с помощью ЭВМ словники романа М. Ауэзова «Путь Абая» за 8 месяцев (см. рис. 1), причем этой работой было занято два человека. Для выполнения этой же задачи и в том же составе вручную потребовалось бы 10 лет напряженного труда.

Пока это только первый опыт изучения современных тюркских языков с помощью ЭВМ. В настоящее время предпринимаются работы по внедрению машинного анализа казахской морфологии, исследованию на ЭВМ «Codex Sinaiticus», орхоно-енисейских надписей, графемной ком-

76	ИСПРАВИТЬ	ИСПРАВЛЯТЬ
77	СООТВЕТСТВОВАТЬ	СООТВЕТСТВОВАТЬ
78	НАКРЫТЬ	НАКРЫВАТЬ
79	ПОТРЕСКАТЬСЯ	ПОТРЕСКИВАТЬСЯ
80	СОТВОРИТЬ	СОТВОРЯТЬ
81	ВЫЛЕЧИТЬ	ВЫЛЕЧИВАТЬ
82	ИЗОГНУТЬСЯ	ИЗОГИБАТЬСЯ

Рис. 4. ЭВМ «Минск-22» образует от русских форм инфинитива совершенного вида формы несовершенного вида. Авторы программы А. А. Плотровская и Н. А. Рихтер (ленинградская группа «Статистика речи»)

i	F_i	F_i^*
487	ЕНД1-УУ СОНЫН'-ЕЗ ААГ'У-ЗЗ	495
488	ЕНД1Г1-СС ХЫРГ'А-ЗЗ АРК'АУ-ЗЗ	498
489	ЕН'УУ БИК-СС ПЕРНЕС1Н-ЗЗ	497
490	ЕН'КЕЙ1П-ГГ К'АДГ'АН-ГГ ШАК'-ЗГ	498
491	ЕН'ТРЕП-ГГ . ВУЛГ'ЫП-ГГ	499
492	ЕРКЕ-АГ'А АУ-ЗЗ	500
493	ЕРКЕ-АГ'АСЫ-ЗЗ КЕЛД1-ГГ Г'ОЙ-ШШ	501
494	ЕРКЕ-АГ'АУ-ЗЗ . АК'АМНАН-ВЗ	502
495	ЕРКЕБУ+ЛАН-ЗГ . ІН'-Н'-ДД	503
496	ЕРКЕБУ+ЛАН-ЗГ ХОЛДАСЫМЫН'-ЗЗ АТН-ЗЗ	504
497	ЕРКЕБУ+ЛАН-ЗЗ АК'ЫН-ЗЗ ШГ'И-ШШ	505
498	ЕРКЕБУ+ЛАН-ЗЗ АТК'А-ЗЗ ТАК'ЫМЫН-ЗЗ	506
499	ЕРКЕБУ+ЛАН-ЗЗ К'АЙСАРГ'А-ЗЗ К'АРАП-ГГ	507
500	ЕРКЕБУ+ЛАН-ЗЗ К'ОЛЫН-ЗЗ АПАРЫП-ГГ	508

Рис. 5. Частотный список трехсловных сочетаний казахского языка (повесть Г. Мусрепова «Кездеспей кеткен бір бейне»), составленный на ЭВМ «Минск-22». Авторы программы Х. Валиев и К. Молдабеков (казахский коллектив «Статистика речи»)

бинаторики киргизских, каракалпакских, узбекских, азербайджанских, якутских и других текстов.

Использование ЭВМ для описания текста (в первую очередь комбинаторно-статистического) представляет собой первый, простейший уровень автоматизации в лингвистике. Вторым, более высоким уровнем автоматизации является такая переработка текста, при котором ЭВМ принимает семантические решения. Основными формами такой переработки являются автоматическая индексация текста, ее аннотирование и реферирование (АР) и, наконец, машинный перевод (МП).

i		F_i	F_i^*	χ_i
1	АВ	121	121	0,00869310
2	АГ	80	201	0,00574750
3	АД	73	274	0,00524460
4	АЕ	1	275	0,0000708
5	АЗ	24	299	0,00172420
6	АЙ	348	647	0,02500170
7	АК	21	668	0,00130870
8	АК'	13	681	0,0009330
9	АЛ	415	1096	0,02981530
10	АМ	6	1102	0,0004310
11	АН	16	1118	0,00114950

Рис. 6. Частотный список фонемосочетаний каракалпакского языка (Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык, ч. 1, 1951 г.). Авторы программы К. Б. Бектаев и А. К. Джубанов (казахский коллектив «Статистика речи»)

Однако использование для этих целей ЭВМ связано с рядом жестких ограничений. Первое ограничение состоит в том, что память ЭВМ не только средней, но и большой мощности на несколько порядков меньше памяти человека. Только у гигантских ЭВМ типа американской IBM-360 при включении всех внешних устройств объем оперативной и внешней памяти приближается к нижнему порогу реалистической оценки памяти

СПИСОК СЛОВСОЧЕТАНИЙ И ИХ ЧАСТОТА	
СЛОВСОЧЕТАНИЯ	ЧАСТОТА
О ПРОБЛЕМЕ ВЫБОРА АЛГОРИТМИЧЕСКОГО	1
ДЛЯ ПРОГРАММИРОВАНИЯ ЗАДАЧ ОБРАБОТКИ	1
С ПОМОЩЬЮ ЦИФРОВОЙ ВЫЧИСЛИТЕЛЬНОЙ	1
В СЕБЯ ЭТАП ФОРМАЛИЗАЦИИ	1
НА ЯЗЫКЕ	1
НА КОТОРОМ ОПИСЫВАЕТСЯ АЛГОРИТМ	1
ДЛЯ ОБЛЕГЧЕНИЯ ПЕРЕХОДА	1
ДЛЯ ОПИСАНИЯ АЛГОРИТМА	1
С ПРОМЕЖУТОЧНОГО ЯЗЫКА	1
С ПОМОЩЬЮ СПЕЦИАЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ	1
НА САМОЙ ЦВМ	1
К ЗАДАЧАМ ОПРЕДЕЛЕННОГО ТИПА	1
К КОНКРЕТНЫМ МАШИНАМ	1
ПРИ ПРОГРАММИРОВАНИИ ЗАДАЧИ НЕ	1
ДЛЯ ДАННОГО ТИПА ЗАДАЧ	1
С БОЛЬШИМИ НЕУДОБСТВАМИ	1

Рис. 7. Выбор доминантных словосочетаний из русского научного текста на ЭВМ «Минск-22». Автор — В. П. Исаков

человека в 10^{10} дв. ед. информации³. Это значит, что память ЭВМ обычно не вмещает всей информации, содержащейся в лексике и грамматике естественного языка.

Подсчеты показывают, что для обеспечения бинарного пословного перевода с русского языка на английский необходима память примерно в $4,5 \cdot 10^7$ дв. ед.⁴. Если сопоставить эту информацию с возможностями ЭВМ «Минск-22», то оказывается, что она составляет 75% оперативной и внешней памяти указанной ЭВМ, оставляя сравнительно небольшой участок для входного текста и для его пословного перевода.

Если же необходимо получить не пословный перевод-подстрочник, но перевод в виде более или менее связного и грамматически правильного текста, то выполнение такой задачи потребует память на порядок

³ Дж. Амдаль, Дж. Блоу, Ф. Брукс. Архитектура системы IBM-360. — «Кибернетический сборник». Новая серия, вып. I. М., 1965; H. Förster. Das Gedächtnis. Eine quanten physikalische Untersuchung. Wien, 1948; K. Kupfmüller. Informationsverarbeitung durch den Menschen. — «Nachrichtentechnische Zeitung» (Fernmeldetechnische Zeitung), Bd. XII, № 2, 1958.

⁴ Р. Г. Пиотровский. Эвстралингвистические и внутриязыковые вопросы., стр. 44.

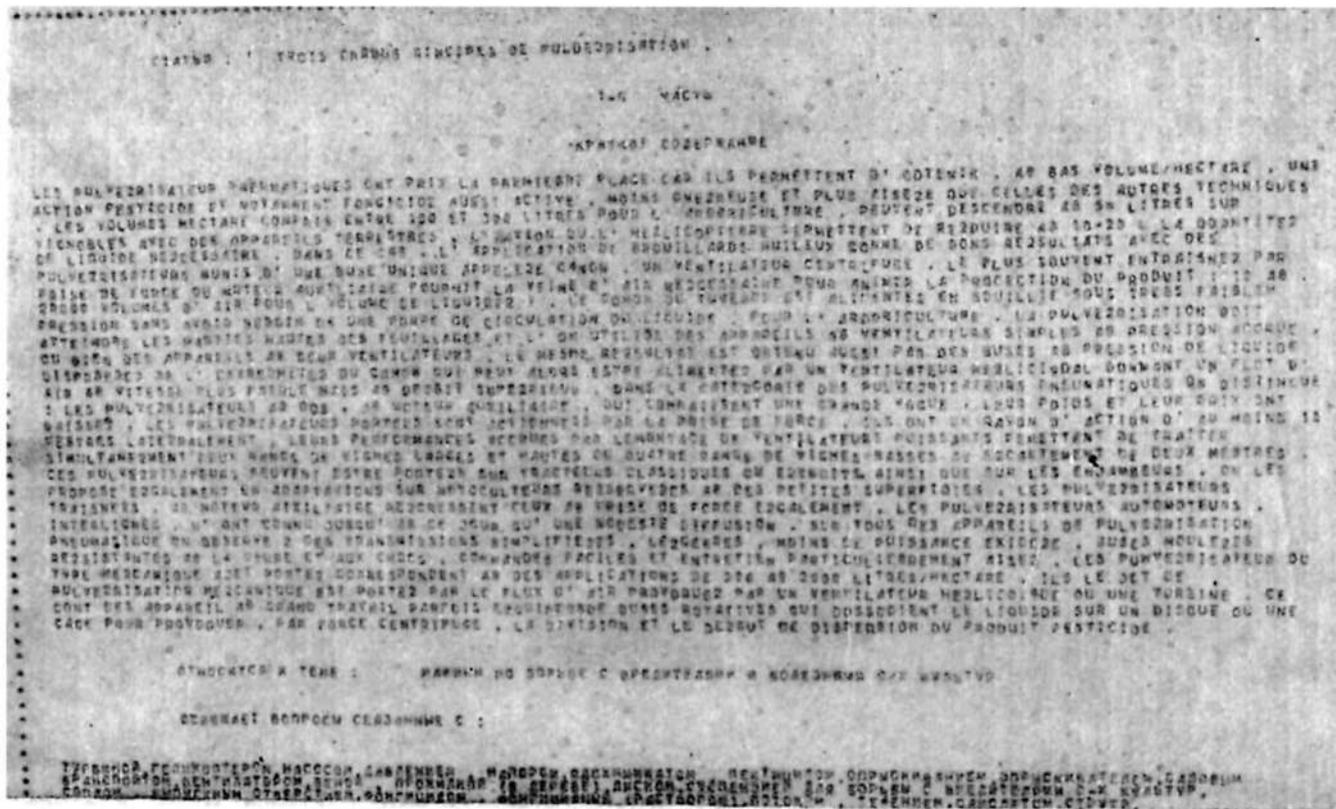

Рис. 8. Автоматический реферат и аннотация — перевод французского текста по механизации сельского хозяйства. Авторы программы А. Н. Попеску и Н. П. Рахубо (кишиневская группа «Статистика речи»)

и научных текста избыточность достигает 90—95%⁶. Это позволяет «компримировать» при введении в ЭВМ как текст, так и сведения, необходимые для его анализа и для синтеза выходного текста. Эта компрессия дает возможность уложиться «в лимит» памяти ЭВМ.

2. Язык распадается на разновидности (функциональные стили, «подъязыки»), каждая из которых обладает ограниченным, по сравнению с языком в целом числом лингвистических единиц и связей.

3. Поскольку единственно реальным в настоящее время является бинарный перевод, то все лингвистические вопросы, возникающие при построении алгоритмов перевода, не должны выходить за рамки соотношения входного и выходного языка (будем называть это соотношение термином «двухязычная ситуация»).

4. Автоматическая переработка текста осуществляется не в автономно работающей ЭВМ, а в системе «человек — машина — человек». Поэтому целесообразно оставлять машине однотипные массовые, требующие большого объема работы операции. Наоборот, сложные эвристические и, самое главное, нестандартные задачи следует оставить человеку.

Исходя из этих четырех обстоятельств, рассмотрим реальные перспективы и особенности машинного перевода и реферирования.

Ограниченность памяти ЭВМ и способность ее работать с закрытой системой, с одной стороны, и возможность компрессии языка — с другой, приводят нас к выводу о том, что машине должно быть сообщено сокращенное и вместе с тем закрытое описание языка, которое тем не менее являлось бы хорошим приближением к реальной открытой его системе. Такое приближенное его описание будем называть базовым языком.

К идее базового языка нас приводит также и чрезвычайная сложность структуры языка. Известно, что возникновение текста на основе данной языковой системы определяется многими факторами, которые не удавалось до сих пор учесть ни в одной из конструктивно-аксиоматических или алгоритмических моделей⁷. В таких ситуациях вряд ли целесообразно стремиться одинаково подробно и тщательно анализировать действие всех переменных, от которых зависит возникновение текста. Отсюда следует, что задача составления всеобъемлющей программы в силу непомерной громоздкости и сложности оказывается практически неразрешимой. Препятствия, связанные со сложностью, многоплановостью и неопределенностью исследуемого объекта, преодолеваются обычно путем изучения его с помощью приемов теории вероятности и статистики. Этим способом удается выделить основные, решающие особенности из второстепенных деталей объекта. Эти основные свойства объекта используются при построении его модели.

Все эти соображения и приводят нас к мысли о том, что построению программы автоматической переработки текста должно предшествовать вероятностно-статистическое описание речи, выделяющее основные черты и свойства языка. Построенный на этой основе алгоритм МП будет выдавать, разумеется, не «стопроцентно» правильный перевод, но лишь

⁶ Р. Г. Пиотровский. Информационные измерения языка. Л., 1968, стр. 58—62; Х. З. Батирова; Д. А. Байтанаева, К. Б. Бектаев. Энтропия и избыточность двух тюркских языков. — В сб.: «Энтропия языка и статистика речи». Минск, 1968, стр. 87—89; К. Б. Бектаев. О статистике букв и буквосочетаний в тюркских языках. — «Материалы научной конференции профессорско-преподавательского состава ЧПИ». Чимкент, 1970, стр. 184.

⁷ Л. А. Турыгина. Статистическая интерпретация антиномии язык и речь. Автореф. канд. дисс. Л., 1970.

некоторое вероятностное приближение к нему. Читатель, являющийся конечным компонентом системы «человек — машина — человек», исходя из знакомства со специальностью (предметом) и опираясь на чувство контекста и совершенное знание языка, «достроит» машинный перевод и достигнет полного его понимания.

Вероятностно-статистическое моделирование предусматривает решение двух задач: первая из них — определение основных информационных свойств данного естественного языка (энтропия и избыточность, структура слова, вес контекста, вес агглютинативной, флективной и аналитической морфологии), вторая — отбор в базовый язык наиболее важных единиц естественного языка. Первая задача подробно рассмотрена в книге одного из авторов настоящей статьи⁸, поэтому мы прямо перейдем к обсуждению второй.

Основным критерием при отборе лингвистических единиц в базовый язык является их употребительность в текстах. Понятие употребительности в свою очередь включает две статистические характеристики: абсолютную (или относительную) частоту употребления лингвистической единицы и степень равномерности появления этой единицы в тексте. Имея эти характеристики всех или большинства единиц языка, мы получаем возможность отобрать в базовый язык заданное число, с одной стороны, наиболее частых, а с другой — равномерно распределенных лингвистических единиц, с таким расчетом, чтобы наш фиксированный базовый язык давал достаточное покрытие произвольно взятого текста. При этом условии ЭВМ, в память которой введен базовый язык, будет распознавать достаточно большое количество лингвистических единиц из предлагаемого ей для перевода текста.

Лингвистические исследования построения базовых языков, имеющие уже достаточно длительную историю, ведутся не только в области лексики, но и в области словосочетаний. Для этих целей широко используются ЭВМ, работающие по уже описанным программам (см. рис. 1—6).

Наиболее важным с точки зрения оптимальной загрузки памяти ЭВМ являются исследования употребительности слов, словоформ и словосочетаний (информация о грамматической структуре языка занимает сравнительно небольшое место в памяти ЭВМ) в данной тематической совокупности текстов (подъязыке). Исследования по лексической статистике показали, что строить машинный базовый язык, моделирующий все литературные нормы, а тем более язык в целом, нецелесообразно. Статистические описания лексики показали, что достаточно хорошую покрываемость любого наугад взятого текста (разговорного, публицистического, беллетристического или научно-технического) можно получить лишь в том случае, если словарь базового языка будет включать многие десятки и даже сотни тысяч лексических единиц (слов и словоформ), не говоря уже о большом количестве словосочетаний. Разместить такой базовый словарь в памяти ЭВМ средней мощности будет трудно. Эти обстоятельства приводят к необходимости ориентироваться при построении базового языка на функциональные стили и даже на тематически ограниченные совокупности текстов — подъязыки. Статистические исследования показали, что английские научно-технические подъязыки используют не более 13 тыс. разных словоформ; во флективных языках их число достигает 20—25 тыс.; в агглютинативных, например в казахском, число

⁸ Р. Г. Пиотровский. Информационные измерения языка. Л., 1968.

разных словоформ поднимается до 60 тыс.⁹ Что касается грамматики, то здесь также выясняется, что отдельные подязыки не используют богатства грамматических форм и значений. Так, например, из 400 зафиксированных словоизменительных аффиксов существительных в казахских публицистических текстах не встретилось ни разу больше половины¹⁰. Аналогичные явления имели место и во втором томе романа М. Ауэзова «Путь Абая»¹¹.

Что же касается английских текстов по электронике и корабельному делу, то там почти не встречаются формы притяжательного падежа существительных, формы Past Indefinite знаменательных и модальных глаголов, Participle I вспомогательных глаголов¹². Таким образом, задача лингвостатистической подготовки материала для нужд МП и АР еще более сужается и конкретизируется. Необходимо получить сокращенное описание не языка в целом, а некоторой его разновидности. Такое описание мы будем называть базовым подязыком¹³.

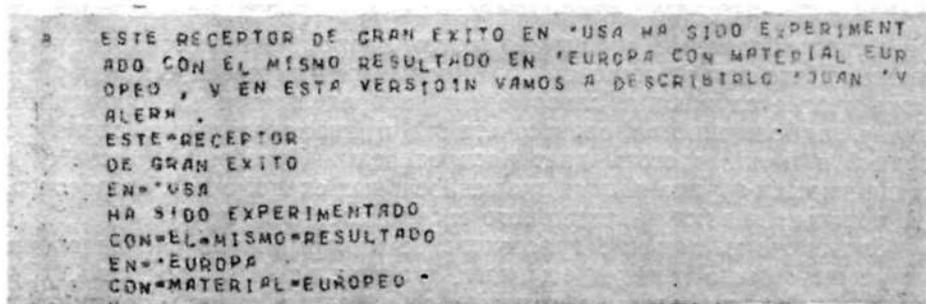

Рис. 10. Статистический анализ (сегментация) испанского текста на ЭВМ «Минск-22». Автор программы И. В. Михайлова (ленинградская группа «Статистика речи»)

Прежде чем включать в базовый подязык ту или иную даже достаточно частотную лингвистическую единицу, необходимо знать, насколько она типична для текстов данного подязыка, т. е. насколько равномерно

⁹ К. Ф. Лукьяненко. Статистическое описание английского текста на электронно-вычислительной машине. Автореф. дисс. Минск, 1969; Е. А. Калинина. Изучение лексико-статистических закономерностей на основе вероятностной модели. — В сб.: «Статистика речи». Л., 1968; Частотный словарь языка романа М. Ауэзова «Путь Абая» (466 тысяч словоупотреблений, в которых имеется 61 тысяча различных словоформ). Рукопись.

¹⁰ А. Ахабаев. Статистика и лексико-морфологический анализ текстов публицистического стиля современного казахского языка. Диссертация. Алма-Ата, 1970.

¹¹ А. К. Джубанов, А. Ахабаев, С. Мирзабеков. О частотности формообразовательных аффиксов существительных казахского языка. — В сб.: «Статистическое и информационное изучение тюркских языков». Алма-Ата, 1969, стр. 50—51; А. К. Джубанов, У. Шойбеков. Статистика аффиксов имен прилагательных. — Там же, стр. 47—50.

¹² П. М. Алексеев. Лексико-статистическая и статистико-морфологическая структура английского языка (на материале текстов по электронике). — В сб.: «Статистика речи», 1968; К. Ф. Лукьяненко. Указ. раб.

¹³ Ср. статистическое описание английского базового подязыка электроники в работах: П. М. Алексеев. Краткий англо-русский словарь по электронике. М., Воениздат, 1970; его же. Лексико-статистическая и статистико-морфологическая структура... стр. 120—131; П. М. Алексеев, О. А. Нехай. Статистические характеристики единиц английского языка в текстах по радиоэлектронике. — В сб.: «Энтропия языка и статистика речи». Минск, 1966, стр. 208—248; В. А. Соркина. Статистика именных словосочетаний в английских текстах по радиоэлектронике. — В сб.: «Статистика текста». Минск, 1969, стр. 473—505; М. В. Данейко. Статистика глагольных словосочетаний в английских текстах по радиоэлектронике. — Там же, стр. 452—472; Н. А. Копачева. Статистическое исследование синтаксиса английских текстов по радиоэлектронике. — В сб.: «Энтропия языка и статистика речи». Минск, 1966. Попытка описания базового подязыка казахской публицистики делается в диссертации А. А. Ахабаева (см. сноску 10).

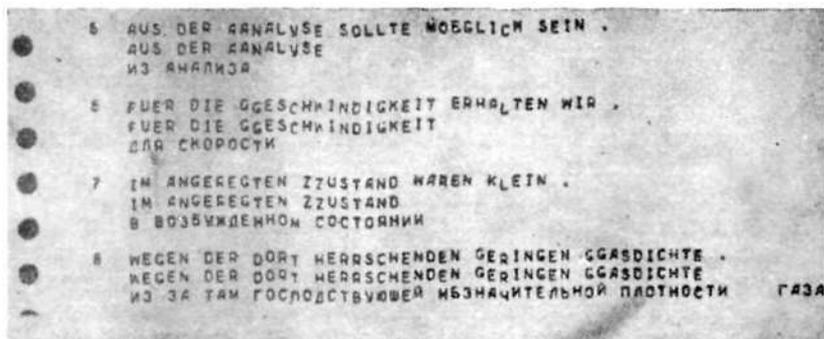

Рис. 11. Перевод на ЭВМ «Минск-22» немецких именных групп с помощью обращения к типовому контексту. Авторы программы А. В. Зубов и А. Н. Шаранда (минская группа «Статистика речи»)

в них употребляется. Начавшиеся в этом направлении исследования показывают, что при одинаковой нормировке грамматические категории, а также частые служебные словоформы распределяются по нормальному закону, а большинство словосочетаний и знаменательных словоформ средней и малой частоты дает распределение Пуассона. Вместе с тем всегда имеется группа частых знаменательных словоформ и словосочетаний, которые не дают равномерного распределения по текстам¹⁴.

Словоформы, дающие пуассоновское и нормальное распределение, выступают обычно в виде единиц заполнения текста. Они формируют текст и связывают между собой словоформы и обороты, несущие основную смысловую нагрузку. Их мы будем называть доминантными словами (оборотами). Доминантные слова как раз и являются теми словоформами, которые не показывают ни пуассоновского, ни нормального распределения. В научно-техническом тексте в качестве доминантных слов и выражений, имеющих особое распределение, выступают обычно термины. Таким образом, удается связать статистические характеристики слова или оборота с его семантическими признаками¹⁵.

Семантико-статистические исследования имеют инженерно-лингвистическое приложение. Учитывая характер распределения и статистический вес доминантных слов и выражений, ЭВМ сопоставляет эти данные с заложенным в нее эталоном и определяет узкую тематику данного текста, т. е. индексирует текст. Затем, выделяя доминантные слова и обороты, машина дает черновую аннотацию и даже реферат текста. Если же иноязычные эквиваленты этих слов и оборотов известны, то ничто не мешает нам получить перевод аннотации. Образец автоматической ин-

¹⁴ А. А. Ахабаев, К. В. Бектаев и др. О закономерностях в распределении классов слов, словоформ и трехсловных сочетаний.—Тезисы докладов и сообщений межвузовской конференции по вопросам частотных словарей и автоматизации лингвостатистических работ. Изд. ЛГУ, 1966; Л. Е. Машкина. О статистических методах исследования лексико-грамматической дистрибуции. Автореф. канд. дисс. Минск, 1968; О. А. Нехай. Статистика и автоматический анализ текста. Автореф. канд. дисс. Минск, 1968; К. В. Бектаев, А. В. Зубов и др. К исследованию законов распределения лингвистических единиц. — В сб.: «Статистика текста», т. 1. Минск, 1969, стр. 131—162; К. Ф. Лукьяненко. Указ. соч.; ср. также статьи Н. Я. Сика, А. Н. Скляревич, В. П. Токарева и Т. А. Якубайтис в сб.: «Математические методы в языкознании». Рига, 1969.

¹⁵ Ср.: Р. Г. Пиотровский, С. В. Ястребова. Статистическое опознание термина. — В сб.: «Статистика текста», т. 1. Минск, 1969, стр. 249—259. См. также сб.: «Лингвистические проблемы научно-технической терминологии». М., 1970, стр. 212—217.

дексации и аннотации с переводом французского научного текста представлен на рис. 8.

Вероятностный бинарный перевод и перевод-аннотация (или перевод-реферат) осуществляются путем соотнесения лингвистических данных, содержащихся во входном и выходном базовых языках (последний выступает в функции метаязыка, через который оцениваются и описываются свойства входного языка). Поэтому наряду с лингвостатистической проблематикой, диктуемой построением и функционированием базовых языков и подязыков, возникают чисто лингвистические вопросы, связанные с той двуязычной ситуацией, в которой осуществляется вероятностный бинарный МП и АР.

Так, например, в условиях русско-казахской и русско-узбекской двуязычной ситуации слово **морфология** будет во всех трех языках однозначным. Напротив, в рамках казахско-немецкой или узбекско-немецкой двуязычных ситуаций казахское и узбекское слово **морфология** будет многозначным, поскольку в выходном немецком языке ему будут соответствовать три эквивалента: Morphologie, Formenlehre, Wortbildung.

В условиях двуязычной ситуации идиоматичность является формой неоднозначности. Действительно, если одно из значений многозначного слова или морфемы выявляется через их текстовый контакт с некоторым классом лингвистических единиц, то идиоматическое значение языкового элемента обнаруживается при его соединении только с одной или

1	MAIS IL LE FERA SANS DOUTE APRES DEMAIN . FERA	ДЕЛАТЬ
2	IL FAISAIT TRES CHAUD . FAISAIT CHAUD	СМАДИМА, СМАРА ТЕРЛО
3	J AI FAIT LE CHEMIN A PIED . FAIT LE CHEMIN	ПРОДОЛЖАТЬ ПУТЬ
4	J AI PRIS SUR MOI DE FAIRE LE NECESSAIRE . FAIRE	ДЕЛАТЬ
5	JE NE SAIS PAS QUEL CESTE J AI FAIT . FAIT	ДЕЛАТЬ
6	DANS LA PLUINE IL FAISAIT CHAUD . FAISAIT CHAUD	СМАДИМА, СМАРА ТЕРЛО
7	JE LUI AI FAIT REMARQUER QU EN SOMME . FAIT REMARQUER	ЗАМЕТИТЬ
8	JE NE SAVAIS PAS SI JE POUVAIS LE FAIRE DEVANT MAIEN . FAIRE	ДЕЛАТЬ
9	L INSTALLATION ETAIT AINSI FAITE . ETAIT AINSI	ЭТО СДЕЛАНЫМ ТАК, ТАКИМ ОБРАЗОМ
10	JE N AI PLUS BEUCOUP FAIT ATTENTION A LUI . FAIT ATTENTION	ОБРАЩАТЬ ВНИМАНИЕ

Рис. 12. Автоматическое устранение многозначности французского глагола *faire* по ключевому слову (доминанта) в его окружении. Авторы программы А. В. Зубов и Л. Ф. Кистанова (минская группа «Статистика речи»)

несколькими строго фиксированными единицами. Различие между простой неоднозначностью и идиоматичностью носит в условиях бинарного МП вероятностно-статистический характер.

Устранение многозначности и идиоматичности на ЭВМ является основной лингвистической проблемой машинного перевода и родственных видов переработки текста. Многозначность и идиоматичность устраняется с помощью разного вида «фильтров», отсеивающих лишние для данного контекста выходные эквиваленты входных единиц.

Фильтры можно разделить на два класса: словарные и текстовые. Словарный фильтр отсеивает лишние эквиваленты без обращения к анализу контекста (точнее, микроконтекста). Здесь используется выбор наиболее общего значения, наиболее частых или отраслевых эквивалентов (ср. образец работы машинного словаря на рис. 9). В качестве текстового фильтра, предусматривающего анализ контекста, выступают такие машинные операции, как синтаксический анализ предложения (см. рис. 10), анализ окружения и поиск типового контекста (см. рис. 11) или детерминанты (см. рис. 12), анализ сочетаемости классов и др.

Построение каждого из этих фильтров всегда связано с разрешением комплекса сложных лингвистических вопросов лексико-семантического, морфолого-синтаксического и типологического характера. Хотя в настоящее время разработка программ МП и АР ориентирована на западно-европейские языки, не исключена возможность, что возникнет необходимость построения программы автоматической переработки тюркского (например, турецкого) текста. В этом случае языковеды и программисты столкнутся с новыми сложными инженерно-лингвистическими задачами, связанными с особой типологией тюркской морфологии, синтаксиса и семантики.

Н. А. БАСКАКОВ

БИНАРНЫЕ ОППОЗИЦИИ В СТРУКТУРЕ СИНТАКСИСА ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

Предложения и словосочетания как основные единицы синтаксиса различно интерпретируются как специалистами в области общего языкознания, так и тюркологами.

При изучении синтаксиса господствующим является мнение о том, что предложение — основная синтаксическая единица, реализующая законченную мысль и представляющая собою единственное средство мышления и коммуникации, тогда как словосочетание — это лишь «строительный материал», некая конструктивная часть предложения. Однако данные тюркских языков позволяют рассматривать словосочетание как самостоятельную синтаксическую единицу, противопоставленную другой самостоятельной синтаксической единице — предложению, причем обе эти синтаксические единицы выражают в языке различные мыслительные акты¹.

Словосочетания широко используются в качестве самостоятельных речений, а также для различных заголовков, наименований или предложений, известных как назывные, по своей структуре ничего общего с предложениями не имеющих (некоторые исследователи ссылаются в этих случаях на интонацию, хотя последняя не является определяющим признаком предложения). Словосочетания как средство коммуникации используются, например, в различного рода справочниках, программах, каталогах и проч.

Все это свидетельствует о вполне самостоятельном функционировании словосочетания как синтаксической единицы, «законченной по смыслу, грамматически организованной, интонационно законченной и замкнутой, непосредственно отражающей кусочек действительности и выражающей отношение к этой действительности»². Это известное определение в равной степени может быть отнесено как к предложению, так и к словосочетанию, и, следовательно, не является определением ни пред-

¹ Н. А. Баскаков. Структура простого предложения в тюркских языках. — «Труды Института языка и литературы АН Киргизской ССР», вып. VI. Фрунзе, 1956; *его же*. Sur la genèse de la structure de la proposition dans les langues turques. — Acta Orientalia Hungarica, t. XI, fasc. 1—3. Budapest, 1960; *его же*. Типы сказуемого простого предложения в тюркских языках и их происхождение. — «XXV Международный Конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР». М., 1960; *его же*. Предложение и словосочетание в тюркских языках. — В сб.: «Вопросы составления описательных грамматик». М., 1961; *его же*. Введение в изучение тюркских языков. М., 1962; 2-ое изд., М., 1969.

² Определение предложения В. В. Виноградова в сб. «Вопросы синтаксиса современного русского языка». М., 1950, стр. 19.

ложения, ни словосочетания, но довольно удачно характеризует понятие синтаксической единицы, обобщающей сущность того и другого, не отражая при этом специфики их дифференциальных признаков.

Существуют разные точки зрения на объем различных типов словосочетаний и их классификацию. Некоторые тюркологи ограничиваются изучением только субстантивных словосочетаний, так называемых трех типов изафета, другие исключают словосочетания с определяемым, выраженным глагольной формой масдара или причастия, а также с причастными определениями при наличии управляемых компонентов, считая их предложениями, в то время как критерием предложения является только согласование в лице подлежащего и сказуемого. Если же установить строгие критерии и определить дифференциальные признаки предложения и словосочетания, то к свободным словосочетаниям, как самостоятельным синтаксическим единицам, противоположным по своему значению предложениям, должны быть отнесены все непредикативные конструкции, кроме фразеологизмов и устойчивых выражений. Иначе говоря, в состав словосочетаний включаются не только субстантивные, но и атрибутивные словосочетания, не только именные, но и глагольные, не только безобъектные, но и объектные, в том числе все причастные, деепричастные и масдарные обороты, а также обороты с «самостоятельным подлежащим», поскольку это — «самостоятельное подлежащее», а грамматически — определение, и причастная или масдарная форма определяемого не согласованы в лице.

Спорным вопросом синтаксиса тюркских языков является также вопрос о трактовке таких понятий, как предикативность и глагольность, а в связи с этим и проблема сущности простого предложения и отношений главных его членов — подлежащего и сказуемого, а также их определений. В тюркологии существуют две основные концепции, касающиеся общей структуры предложения.

Сторонники первой концепции (К. Грёнбек, А. Манди) рассматривают предложение как выражение суждения в виде цепи зависимых друг от друга предшествующих определений к сказуемому — единственному, главному, по их мнению, члену предложения, являющемуся общим определяемым, к которому подлежащее относится так же, как своеобразное определение.

Сторонники второй концепции рассматривают предложение как адекватное отражение в языке суждения, двухсоставного по своей природе. При таком понимании устанавливаются два основных самостоятельных члена предложения — подлежащее и сказуемое, предикативная связь между которыми выражается комплексом грамматических категорий: лица, числа, модальности и времени.

У сторонников последней, по существу общепринятой, концепции имеются, однако, многочисленные расхождения в понимании природы как самого предложения и главных его членов, так и тех категорий, которые реализуют предикативные отношения между подлежащим и сказуемым.

Прежде всего следует остановиться на вопросе о соотношении логических и грамматических категорий, т. е. категорий мышления и языка, а также на характеристике основных мыслительных актов и их выражения в языке, соответствующего данному моменту мысли и речи.

Мышление и реализующие его два основных типа мыслительных актов — предикация и атрибуция, выражающиеся в языке предложением и словосочетанием, имеют своей целью в первом случае обобщение известного конкретного предмета мысли и речи путем абстрагирующего

сопоставления его с каким-либо обобщающим динамическим признаком, характерным для данного момента мысли и речи, а во втором — конкретизацию абстрактного предмета мысли путем конкретизирующего сопоставления его с каким-либо признаком, характеризующим его свойство, действие или состояние, отношение его к другим предметам и проч.

Категории мышления (в данном случае два типа мыслительных актов — предикация и атрибуция) и категории языка (в данном случае два типа синтаксических единиц — предложение и словосочетание) соотносятся между собой и являются категориями, общими для мышления и языка всех людей.

Логические и грамматические категории могут не совпадать между собой, но они всегда в какой-то мере соответствуют друг другу. Акты предикации — интеграции, обобщения и акты атрибуции — дифференциации, конкретизации, равно как и реализация их в языке, являются процессами общими, а следовательно, они взаимодействуют между собой и при формировании соответствующих языковых грамматических категорий, которые, однако, различно реализуются в конкретных языках.

Таким образом, основные синтаксические единицы во всех языках — предложения и словосочетания — имеют структуру, более или менее приближенно отражающую логические отношения категорий мышления. Так, совершенно очевидно, что логическая категория субъекта тесно связана с грамматической категорией подлежащего, чем бы оно ни было выражено в языке, равно как логическая категория предиката тесно связана с грамматической категорией сказуемого независимо от того, чем оно выражено в языке — именем с потенциальной или реальной связкой или глаголом.

В составе предложения и словосочетания имеются так называемые второстепенные члены, однако они во всех языках сопряжены либо с подлежащим или сказуемым в предложении, либо с определением или определяемым в составе словосочетания, образуя две основные зоны: в структуре предложения — зону подлежащего и зону сказуемого. (в соответствии с логической структурой суждения) и в структуре словосочетания — зону определения и зону определяемого.

Логические категории всегда получают в языке соответствующее выражение и могут быть переданы различными способами: сочетаниями слов, отдельными словами, аффиксами, интонацией и проч.

Таким образом, выражение мысли в языке многообразно и, следовательно, не всегда адекватно, что затрудняет иногда анализ соответствия логических и грамматических категорий.

Наряду с разнообразием выражения в различных языках одних и тех же логических категорий имеется и много общих типологических особенностей.

Прежде всего следует отметить, что во всех языках предложения и словосочетания как формы выражения соответствующих мыслительных актов предикации и атрибуции реализуются в речевой деятельности конкретного человека, т. е. зависят от мыслящего и говорящего, фиксируя его отношение к реальной действительности в данный момент речи. Следовательно, во всех языках предложение, представляя собой воплощение акта предикации — обобщения конкретного понятия абстрактным понятием с обобщающим динамическим признаком, применительно к данному моменту речи, характеризуется наличием таких категорий, как согласование в лице подлежащего и сказуемого, наличием обязательно выраженных категорий модальности (наклонения) и времени в ска-

зуюмом, т. е. тех категорий, которые передают отношение говорящего к действительности в данный момент речи. Различие же между языками заключается лишь в материальном выражении этих категорий теми или иными грамматическими средствами.

Итак, в тюркских языках (как и в других) анализ всех типов свободных словосочетаний в широком значении этого термина устанавливает наличие двух противоположных по своей сущности, структуре и форме типов словосочетаний, которые базируются на двух различных формах или типах человеческого мышления. К этим двум антонимическим по своему характеру типам словосочетаний (а соответственно и формам человеческого мышления) относятся: во-первых, словосочетания, основанные на предикации или на предикативных отношениях, и, во-вторых, словосочетания, основанные на атрибуции или на атрибутивных отношениях.

Предикативные словосочетания или предложения представляют собой такие сопоставления слов и понятий, которые выражают интеграцию, абстрагирование, обобщение одного слова-понятия или группы слов посредством другого слова-понятия или группы слов.

Атрибутивные же словосочетания представляют собой сопоставления противоположных значений, которые выражают дифференциацию, конкретизацию, детерминирование одного слова-понятия или группы слов посредством другого слова-понятия или группы слов.

В первых, т. е. предикативных словосочетаниях или предложениях-суждениях, сопоставляются два слова или два словосочетания: а) подлежащее (субъект) — слово в субстантивной форме или словосочетание в субстантивной форме какой-либо части речи, в качестве опорного элемента, выражающего единичное, отдельное понятие, и б) сказуемое (предикат) — слово или словосочетание исторически также в субстантивной форме какой-либо части речи, но выражающее общее абстрактное понятие (или замещающее его местоимение) с универсальным признаком, определяющим это абстрактное понятие во времени и пространстве, т. е. обладающим грамматическими категориями времени и модальности.

Структура предложения, выражающего суждение, таким образом, вполне соотнесена со структурой самого суждения, но предложение по своему составу не совпадает с суждением и является более сложным. Так, суждение состоит из двух основных элементов — субъекта и предиката, в состав которого входит также связка; предложение же, сохраняя эту структуру в виде двух основных зон — зоны подлежащего и зоны сказуемого, — в процессе своего развития усложнилось системой атрибутивных членов предложения — определениями, дополнениями и обстоятельствами. Впрочем, все эти атрибутивные второстепенные члены предложения не составляют основных элементов предложения, которое сохраняет свою двухэлементную структуру. Второстепенные же члены, входящие в состав предложения, относятся либо к зоне подлежащего, либо к зоне сказуемого.

Следовательно, предложение как сопоставление двух понятий может быть выражено формулой:

$$\frac{A_1 - C_1}{\text{П}} \quad \frac{A_2 - C_2}{\text{С}}$$

где П. — подлежащее, С — сказуемое, A_1 — атрибутивные элементы, входящие в состав подлежащего, C_1 — субстантив, входящий в состав

подлежащего, A_2 — атрибутивы в составе сказуемого и C_2 — субстантив в составе сказуемого.

В результате сопоставления этих слов-понятий. первое из них, т. е. подлежащее-субъект обобщается или абстрагируется, ср., например:

П	С
<i>каракалп.</i> (опуη) qatuny «его жена	— semiz kisi (turur ol) — есть то, что является полным человеком»,
(опуη) özi «он сам	— aruq kisi (turur ol) — есть то, что является тощим человеком»;

т. е. «его жена полная, а сам он худощавый», где подлежащие (опуη) qatuny «его жена» и (опуη) özi «он сам» — конкретные слова-понятия обобщаются более абстрактными словами-понятиями semiz kisi «полный человек» и aruq kisi «худощавый человек». Слова же, заключенные в круглые скобки, — turur ol «есть он», представляют собой связку, т. е. формальную часть сказуемого, выражающую временные и модальные категории, обязательные для каждого сказуемого, но в данном контексте выпавшие в силу того, что в тюркских языках в этом сочетании модальность констатации явления в данное время выражается в противопоставлении с другими модальностями и временными оттенками — нулевой формой.

То же соотношение основных конструктивных частей предложения остается и при выражении сказуемого глагольной формой, ср., например:

П	С
$A_1 - C_1$	$A_2 - C_2$
<i>каракалп.</i> ol köldin suwu «того озера вода т. е. «вода того озера	— qurupty (<qurup turur ol) → есть то, что высохло — высохла»;
<i>тувинск.</i> meeη malum «мой скот т. е. «мой скот	— хawuda cor ol — есть то, что пасется на пастбище», — пасется на пастбище»,
<i>тувинск.</i> Qaqa ool «Караол т. е. «Караол	— bistiinge xünnün kelir cüwe — есть к нам каждый день приходящее нечто», — приходит к нам каждый день»,

где подлежащие: ol köldin suwu «вода того озера», meeη malum «мой скот» и Qaqa ool «Караол» — конкретные слова-понятия обобщаются более общими абстрактными словами-понятиями: qurupty (<qurup turur ol) «нечто высохшее»³; хawuda cor ol «нечто пасущееся на пастбище»; bistiinge xünnün kelir cüwe «нечто приходящее к нам каждый день».

Во вторых же атрибутивных словосочетаниях сопоставляются также два слова-понятия: а) определение — слово в атрибутивной форме какой-либо части речи, выражающее общее понятие признака, и б) определяемое — слово в субстантивной или атрибутивной форме какой-

³ В современном языке связка стянулась turur > ty, а субстантивный элемент сказуемого ol выпал.

либо части речи, выражающее также общее понятие субстанции или атрибута. При сопоставлении этих двух или нескольких слов, имеющих значение общих, абстрактных понятий, например: казахск. $qyzy\overset{v}$ l «красный» и алма «яблоко» или $zaqsy\overset{v}$ «хороший», «хорошо» и $zazag\overset{v}$ «пишущий» в сочетаниях

А		С
$qyzy\overset{v}$ l	—	алма
«красное»	—	яблоко» или
а	—	А
$zaqsy\overset{v}$	—	$zazag\overset{v}$
«хорошо»	—	пишущий»

вторые компоненты: субстантивный алма «яблоко» и атрибутивный $zazag\overset{v}$ «пишущий» приобретают более конкретное значение по отношению к тем же словам-понятиям вне данных определительных словосочетаний. К атрибутивным словосочетаниям в широком смысле этого понятия относятся также словосочетания, состоящие из определяемых, выраженных глагольными функциональными формами масдара, причастия или деепричастия, и определения, выраженного объектом, т. е. именем в какой-либо падежной форме, например: каракалпакск. $kitap\overset{v}(ty)\ aluw$ «взятие книги», или $kitap\overset{v}(ty)\ al\overset{v}ap$ «взявший книгу», или $kitap\overset{v}(ty)\ al\overset{v}p$ «взяв книгу», где определяемое — функциональная форма глагола с абстрактным значением $aluw$ «взять, взятие», $al\overset{v}ap$ «взявший», $al\overset{v}p$ «взяв» и прочее конкретизируется объектом $kitap\overset{v}(ty)$ «книга».

Как предикативные, так и атрибутивные словосочетания базируются на одних и тех же отношениях слов между собой. В основе атрибутивных словосочетаний лежат простые атрибутивные отношения двух слов или двух групп слов, выражающих простейшие сочетания атрибута с атрибутом а—А или атрибута с субстанцией А—С. В основе же предикативных словосочетаний лежат более сложные отношения — сопоставления, также восходящие к атрибутивным, но выражающие относительное, а не полное тождество по основному признаку двух атрибутивных словосочетаний, из которых первое слово или словосочетание, подлежащее, выражает более конкретное понятие, а второе, сказуемое, выражает более абстрактное понятие

$$A_1 - C_1 \text{ — } A_2 - C_2.$$

Следовательно, все грамматические формы в тюркских, а также и в других языках в конечном итоге словообразования представляют собой либо субстантивные, либо атрибутивные определительные и обстоятельственные формы, выступающие в предложении и словосочетании в качестве либо определяемых, либо определяющих форм.

Если в отношении подлежащего нет никаких сомнений в том, что оно по своей структуре всегда представляет собой либо одну субстантивную форму какой-либо части речи, либо — словосочетание, состоящее из субстантивного элемента — определяемого и одного или нескольких атрибутивных элементов — определяющих, то структура сказуемого, состоящего исторически из атрибутивного словосочетания, содержащего также субстантивный элемент, выражающий абстрактное слово-понятие и атрибутивные элементы, определяющие это абстрактное понятие и обязательно содержащие категории модальности и времени, бывает,

как правило, формально затемнена, в силу того, что логически слабые элементы в формальном составе сказуемого как в тюркских, так и в других языках редуцируются, а форманты, выражающие субстантивный элемент, выпадают.

Наглядным доказательством такой редукции и выпадения логически слабых элементов в составе предложения могут служить следующие примеры.

Сравним параллельно сосуществующие в современном каракалпакском языке, равно как и в других тюркских языках, полные и сокращенные конструкции одного и того же предложения:

а) максимально сокращенная конструкция, в которой функцию сказуемого выполняет косвенное дополнение к нему:

^vdzorɣa mingen — ^vdzoldasynan,
^vköp dzasayan — ^vqurdasynan

букв. «севший на иноходца (расстается) — со спутниками, много проживший (расстается) — с ровесниками»;

б) более полная конструкция, в которой функцию сказуемого выполняет его атрибутивный член, выраженный причастием:

^vdzorɣa mingen — ^vdzoldasynan ajryylar,
^vköp dzasayan — ^vqurdasynan ajryylar

букв. «севший на иноходца — расстающийся со спутниками, много проживший — расстающийся с ровесниками»;

в) еще более полная конструкция предложения, в которой сказуемое выражено относительно полной формой атрибутивного словосочетания:

^vdzorɣa mingen — ^vdzoldasynan ajryylar kisi dir,
^vköp dzasayan — ^vqurdasynan ajryylar kisi dir

букв. «севший на иноходца — есть человек, который разлучается со спутниками, много проживший — есть человек, который расстается с ровесниками».

Следует, однако, отметить, что и в последней конструкции налицо не все члены как сказуемого, так и подлежащего; исторически это предложение восходит к следующей форме, в которой полно выражены и подлежащее и сказуемое:

^vdzorɣa mingen kisi — ^vdzoldasynan ajryylar kisi turur ol,
^vköp dzasayan kisi — ^vqurdasynan ajryylar kisi turur ol

букв. «севший на иноходца человек — тот, кто является человеком, расставшимся со спутниками, много проживший человек — тот, кто является человеком, расставшимся с ровесниками».

Одним из доказательств того, что в предложении и подлежащее и сказуемое исторически представляли собой слова-понятия или сочетания слов, выражающие предмет-субстанцию, является последовательное согласование лица подлежащего и сказуемого каждого предложения, достигаемое посредством полных или усеченных аффиксов лица, хотя в более древних конструкциях субстантивный элемент в сказуемом I и II лица был выражен абстрактным понятием «вещь», «нечто», «то» и проч.

В большинстве современных тюркских языков, ввиду логического ослабления субстантивного элемента сказуемого, согласование формально выражается только в первом и втором лице единственного и множественного числа, форманты же третьего лица отсутствуют, вследствие чего атрибутивный элемент приобретает полноту логического значения сказуемого при нулевой форме согласования.

Атрибутивный элемент сказуемого, содержащий категории модальности и времени, в современных языках в более полных конструкциях предложения выражается либо так называемой глагольной формой, которая исторически восходит всегда к причастной форме, либо именем со связкой, исторически также восходящей к причастию.

Ср. следующие примеры:

П	С
A ₁ — C ₁	A ₂ — C ₂
meñiñ atam «мой отец» т. е. «мой отец поехал в аул»;	— awulğa baryan (ol) — есть то, что поехало в аул»,

или:

^v at dzaqsusy «из лошадей лучшая» т. е. «лучшая из лошадей — номудская»,	^v — dzawmyt ty — номудская есть»,
---	--

где сказуемое dzawmyt ty восходит к форме dzawmyt turur ol.

Иначе говоря, имя со связкой как спрягаемое имя генетически восходит к своего рода словообразовательной форме составного глагола, а последний, как известно, может иметь все грамматические категории, характерные для динамического признака, а именно: наклонение, время, вид и залог, т. е. те же категории, что и атрибутивные формы (причастия) обычного глагола, выступающего в качестве сказуемого.

Таким образом, связка в предложении-суждении в тюркских языках — формальный элемент, указывающий на то, что слово, к которому она относится, является обязательным для сказуемого-предиката оформлением атрибута. Последний, вместе с наличным или исчезнувшим в процессе исторического развития конструкции предложения субстантивным элементом сказуемого, служит средством обобщения слова-понятия, сопоставляемого в подлежащем-субъекте.

Во всех современных тюркских языках связка в предложениях-суждениях представляет собой весьма абстрактный показатель динамического признака, обладающий всеми категориями глагола (наклонением, временем, залогом, видом) и всегда выраженный формой, генетически восходящей к причастию. Сохраняя все особенности динамического признака, она превратилась в своеобразный формант. Этот формант указывает на функцию данного имени, выступающего в предложении в качестве сказуемого, но не совпадает с показателем лица, который представляет собой особую грамматическую категорию словоизменения, выражающую предикативную связь подлежащего и сказуемого и служащую тем субстантивным элементом, который в современных языках в III лице, как правило, выпадает, но сохраняется в I и II лице единственного и множественного числа.

В процессе развития структуры предложения-суждения части предложения, логически наиболее слабые, выпадают из состава конструкции, и предложение-суждение в полном своем виде сохраняется в тюрк-

ских языках только в тех случаях, когда подлежащее выражено личным местоимением I и II лица единственного и множественного числа, причем в данных случаях элементы, повторяющие субъект в предикате, фактически деформируются, превращаясь в так называемые аффиксы лица полной или усеченной формы.

Наиболее часто встречающимся типом структуры современного предложения являются такие предложения, в которых подлежащее выражено субстантивной формой любой части речи с конкретизирующим атрибутом или без него, а сказуемое выражено обязательным универсальным атрибутом, представленным атрибутивной формой глагола, которая обычно реализуется либо в виде той или иной спрягаемой основы, генетически восходящей к причастной форме глагола, либо в виде имени со связкой, которая генетически восходит к той же причастной форме.

Однако этот современный и наиболее часто встречающийся тип структуры простого предложения со значительным эллипсисом, т. е. редукцией и выпадением некоторых структурных элементов, как мы отметили выше, восходит к более сложной конструкции, в которой в процессе предикации конкретное субстантивное понятие, заключенное в подлежащем, обобщается посредством более абстрактного понятия с универсальным динамическим признаком, выражающим отношение говорящего к моменту речи и к реальной действительности, заключенным в сказуемом.

В связи с возможным возражением, что не всегда предложение является средством обобщения одного понятия другим, необходимо остановиться на специфике и характере обобщения конкретного понятия, заключенного в подлежащем, абстрактным понятием, заключенным в сказуемом в составе предложения, то есть на акте предикации.

Прежде всего следует отметить, что обобщение это является сложным обобщением по определенному динамическому признаку для определенного момента речи. В структуре каждого предложения конкретное понятие, заключенное в подлежащем, обобщается абстрактным понятием с определенным динамическим признаком, фиксирующим отношение говорящего к действительности в данный момент речи, то есть во времени.

Так, например, в нижеприведенных предложениях сказуемое, казалось бы, более конкретно, чем подлежащее:

1. Bu kisi — Nawoju (dyr)	«Этот человек — Навои»;
2. Bu kisi — Nawoju edi	«Этот человек — был Навои»;
3. Bu kisi — Nawoju bolur	«Этот человек — будет Навои».

Сказуемые: 1) Nawoj (dyr) «то, что является в настоящий момент (известным поэтом) Навои»; 2) Nawoju edi «то, что было раньше (известным поэтом) Навои» и 3) Nawoju bolur «то, что станет в будущем (известным поэтом) Навои» — представляют собой определенные обобщения, хотя на первый взгляд нам кажется, что сказуемое «Навои» является более конкретным понятием, чем подлежащее bu kisi «этот человек». Дело в том, что понятия: 1) «то, что является в настоящее время Навои», 2) «то, что являлось раньше Навои» и 3) «то, что будет Навои», — безусловно, более абстрактны и более широки по своему значению, чем само понятие «Навои», так как в сказуемых предложениях понятие «то, что является в настоящее время Навои» осознается уже не как статическое представление о личности великого поэта Навои, а как динамический глагольный признак, соотношенный с категорией времени и

модальности, который может быть перенесен на другое лицо или предмет, например: в предложении *Bu sajuğ — jeñi Nawoju boluğ* «этот поэт будет новым Навои».

Мы привели специфический пример с кажущимся более конкретным понятием, заключенным в сказуемом, только для доказательства того, что предикация (и ее выражение в языке — предложение) служит во всех случаях средством обобщения одного понятия другим.

При анализе сущности предикации некоторые тюркологи смешивают две различные категории — категорию предикативности и категорию глагольности.

Как уже было сказано выше, структура сказуемого исторически состояла из двух элементов: абстрактного субстантивного элемента, сохранившегося только в редко встречающихся конструкциях, и причастного определения, содержащего категории времени и модальности, к которому исторически восходят все современные личные формы глагола, а также и все сочетания имени со связкой.

Известно также, что из всех функциональных форм глагола (масдара, причастия и деепричастия) только причастие является носителем таких категорий, как время и модальность. Но причастия как носители этих категорий не всегда выступают только в функции оказуемого, они сохраняют категории времени и модальности, выступая также в функции других членов предложения: дополнения, обстоятельства, определения, а субстантивируясь, — в функции подлежащего и сказуемого.

Следовательно, глагольность, т. е. глагольные свойства причастия — категории времени и модальности — не являются исключительно признаками только сказуемого, они могут быть присущими также любому члену предложения, выраженному причастием. Таким образом, категории времени и модальности не являются исключительными и наиболее характерными признаками сказуемого, хотя они всегда присущи сказуемому, поскольку оно имеет в своем составе причастие. Характерным же признаком сказуемого является одна только категория лица. Следовательно, все неличные формы глагола, если они не сочетаются с показателями категории лица, не могут выступать в качестве сказуемого как неподчиненных, так и подчиненных предложений. Категории времени и наклонения, а также категории залога и вида, являются категориями, характеризующими глагол как часть речи, выражающую динамический признак, причем носителями категорий залога и вида являются все функциональные формы глагола: масдары, причастия и деепричастия, в то время как носителями категорий времени и модальности являются только причастия; а поскольку все личные формы глагола восходят к причастию, то поэтому некоторые тюркологи и смешивают категорию сказуемого — предикативность, с категорией глагола — глагольность.

Итак, относительно структуры предложения и словосочетания в тюркских языках могут быть сделаны следующие основные выводы:

1. В тюркских языках существуют только два основных, противопоставленных друг другу, типа синтаксических конструкций: а) предложения, выражающие мыслительный акт обобщения, абстрагирования, и б) атрибутивные словосочетания, выражающие мыслительный акт дифференциации, конкретизации одного понятия посредством другого.

2. Структура предикативного словосочетания или предложения состоит из двух сопоставляемых субстантивных слов-понятий или определенных словосочетаний, из которых первое, содержащее конкретное

значение, является подлежащим, а второе, содержащее общее абстрактное понятие, — сказуемым:

Сущность предикации заключается в том, что первое конкретное понятие сопоставляется, обобщается и абстрагируется посредством второго абстрактного понятия, снабженного универсальным динамическим признаком, характеризующимся категориями модальности и времени. В результате акта предикации образуется предикативный тип суждения, т. е. конкретные слова-понятия сводятся к более абстрактным.

3. Структура атрибутивного словосочетания состоит также из двух сопоставляемых слов-понятий, из которых первое относится ко второму как конкретизирующий признак А—С или а—А. В результате акта атрибуции образуется атрибутивный тип суждения, т. е. абстрактные слова-понятия сводятся к более конкретным.

4. Как в предикативных, так и в атрибутивных словосочетаниях главные конструктивные элементы основаны только на отношениях субстанции (С) и атрибута (А), а следовательно, все грамматические формы в тюркских языках в результате словообразования относятся либо к субстантивным, либо к атрибутивным образованиям.

5. Предикативные словосочетания или предложения исторически представляют собой сопоставление двух слов-понятий или двух определительных словосочетаний:

из которых первое, подлежащее, является конкретным (А₁—С₁), а второе, сказуемое, — более общим, абстрактным (А₂—С₂). В процессе развития предикативные конструкции теряют свои наиболее слабые в логическом отношении элементы, к которым прежде всего относится субстантивный элемент сказуемого (С₂).

6. В современных конструкциях предложений, за исключением некоторых рудиментных, элемент сказуемого С₂ уже отсутствует, и сказуемое состоит либо из глагольной формы, либо из имени со связкой (или без связки), поэтому последние получили в результате выпадения субстантивного элемента в сказуемом особые значения, хотя исторически как все глагольные формы, содержащие категории модальности и времени, так и все имена со связкой восходят к атрибутивным формам простого, сложного и составного глагола.

7. Как все предложения, так и все словосочетания исторически восходят к структуре двусоставных конструкций. Все второстепенные члены предложения относятся либо к словосочетанию, выражающему подлежащее, либо к словосочетанию, выражающему сказуемое, равно как все второстепенные элементы в определительных словосочетаниях относятся к определению, либо к определяемому. И наоборот, отсутствие одного из конструктивных элементов предложения (подлежащего или сказуемого), либо словосочетания (определения или определяемого) исторически объясняется как результат редукции и выпадения в силу логического ослабления его лексического и грамматического значения.

А. М. ЩЕРБАК

К ВОПРОСУ О ФОРМАХ НА -га, -гу, -гу В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

М. Левицкий был, пожалуй, первым, кто недвусмысленно заявил о том, что в древнетюркском языке существовали формы местно-дательного падежа с аффиксами -га, -гу, -гу, восходящие в единой праформе¹. О существовании в древнетюркском языке форм на -га, -гу, -гу писал также В. Котвич, сопоставивший их с монгольскими наречиями типа *dotoga* «внутри», *γadaγa* «наружу», *inagu* «до», *sinagu* «после» и вопросительным и указательным местоимениями *хагу* «куда», *теге* «тот»². Наличие особой падежной формы на -гу признавали К. Брокельман³ и Г. Рамстедт, причем последний сопоставил ее, как и В. Котвич, с соответствующей формой в монгольских языках⁴ и высказал предположение о развитии аффикса -гу из китайского *lu «путь, дорога»⁵.

Компетентные высказывания М. Левицкого, В. Котвича, К. Брокельмана и Г. Рамстедта вызвали большой интерес у тюркологов и способствовали тому, что формы на -га, -гу, -гу стали объектом специальных историко-грамматических исследований. Основное внимание уделялось уточнению места, занимаемого перечисленными формами в падежной парадигме. Вместе с тем не прекращались попытки обосновать реконструкцию праформ, что выразилось в конечном итоге в указании на наличие в древнетюркском и современных тюркских языках: 1) наречий и послелогов *asγa* «внизу», *icγä* «внутри», *kesγä* «сзади», «после, затем», *öηγä* «впереди», «вперед», *soηγa* «после, затем», *üzγä* «над»⁶, *keηγü* «широко», *jaηagu* «в сторону», *aηagu* «туда»⁷; 2) живых падежных форм *jügäkgä* «в сердце» (*jaηanun jügäkgä urγu* «он попал в сердце слона»)³.

¹ М. Lewicki. Przyrostki przysłówkowe -ra ~ -rā, -gu ~ rü, -rī ~ ri w językach altajskich. — «Collectanea Orientalia», № 15. Wilno, 1938, стр. 12 и сл.

² В. Kotwicz. Studia nad językami altajskimi. — «Rocznik orientalistyczny», XVI. Kraków, 1953, стр. 288, 289. Ср.: N. Poppe. Grammar of written Mongolian. Wiesbaden, 1954, стр. 59.

³ C. Brockelmann. Osttürkische Grammatik der islamischen Litteratursprachen Mittelasiens, 1—7 Lief. Leiden, 1951—1954, стр. 157 и сл.

⁴ Г. И. Рамстедт. Введение в алтайское языкознание. Морфология. Пер. с нем. М., 1957, стр. 45.

⁵ Там же, стр. 53.

⁶ M. Räsänen. Materialien zur Morphologie der türkischen Sprachen. — «Studia Orientalia», XXI. Helsinki, 1957, стр. 63, 64; K. H. Menges. The Turkic languages and peoples. An introduction to Turkic studies. Wiesbaden, 1968, стр. 115.

⁷ M. Mansuroğlu. Das Karakhanidische. — «Philologiae Turcicae Fundamenta», I. Wiesbaden, 1959, стр. 101; *его же*. Das Altosmanische. — Там же, стр. 170.

⁸ F. W. K. Müller. Uigurica III. Uigurische Avadana-Bruchstücke (I—VIII). Berlin, 1922, № 2, стр. 58.

v sadra «к шаду» (tardus sadra udy jandımyuz «мы рассеяли врагов, следуя в направлении тардушского шада»)⁹, basga «по голове, в голову» (olar ikki basga kakystu «они оба били друг друга по голове»), közğä «по глазам», tübrä «в корень, за корень» (tatyü közğä tikänig tübrä «татов [бей] по глазам, колючку [хватай] за корень»)¹⁰, ebimgü ~ ebimärgü «к моему становищу» (basmyl jaıydyr ebimärgü bardu «став врагами [мне], басмылы отправились к моему становищу»)¹¹; 3) формы направительного падежа на -ğa ~ -gä, образовавшейся, по мнению некоторых тюркологов, путем сложения аффикса дательного падежа -ğa ~ -gä с аффиксом местно-направительного падежа -ги или -га¹².

Хотя выделение форм на -га, -ги, -гу и получило признание широкого круга специалистов, однако сомнения относительно существования в тюркском праязыке подобных падежных форм полностью не рассеялись. Эти сомнения своеобразно выразил Н. К. Дмитриев, поставивший турецк.

üzge «согласно», сонга «после» и tasga «провинция» в один ряд с buга, oга, sura в наречиях buгада «здесь», oгада «там», surада «там» и присоединившийся к мнению В. В. Радлова¹³ относительно того, что -га в

buга, oга, surа восходит к слову ага «середина, промежуток»¹⁴. А. Н. Самойлович в виде предположения указал на наличие в составе аффикса -га ~ -gä «деепричастной приставки» -а ~ -ä¹⁵, К. Грэнбек отметил многочисленные случаи образования наречий и послелогов от глагольных основ¹⁶, а А. Зайончковский изобразил тот путь, по которому -га из окончания деепричастия преобразовывался в аффикс именных форм: «...вероятно, что направительный суффикс -га, -ги появился благодаря переразложению деепричастий, образованных от каузативных глаголов на -г. И поскольку такие деепричастия часто обозначают направление, окончание -га было воспринято как направительный суффикс, так что с помощью его стали образовывать формы от имен»¹⁷. А. Габен вообще отвергла возможность интерпретации -га как падежного аффикса¹⁸. Все это обязывает нас отнестись с особой осторожностью к восстановлению обще-

⁹ Т. Tekin. A grammar of Orkhon Turkic. «Uralic and Altaic Series», 69. Bloomington, 1968, стр. 135.

¹⁰ С. Brockelmann. Указ. раб., стр. 158.

¹¹ Т. Tekin. Указ. раб., стр. 135.

¹² W. Radloff. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. N. F., SPb., 1897, стр. 31, 65; Э. В. Севортян. Категория падежа.— В сб.: «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», II. М., 1956, стр. 60; К. Н. Менгес. Указ. раб., стр. 111.

¹³ W. Radloff. Указ. раб., стр. 85.

¹⁴ Н. К. Дмитриев. Наречия места в турецком языке. — В сб.: «Памяти академика Л. В. Щербы». Л., 1951, стр. 157; его же. Служебные имена в турецком языке. — В сб.: «Строй тюркских языков». М., 1962, стр. 130, 131. См. также: Ф. Д. Ашнин. Об этимологии азербайджанских, гагаузских, крымско-татарских и турецких имен типа buга [бура] «это место». — В сб.: «Тюркологические исследования». М.—Л., 1963, стр. 95—105. В. Банг

считал buга, oга и surа арханческими падежными образованиями на -га. — W. Bang. Vom Köktürkischen zum Osmanischen. Vorarbeiten zu einer vergleichenden Grammatik des Türkischen. I. Mitteilung: Über das türkische Interrogativpronomen. Berlin, 1917, стр. 10.

¹⁵ А. Самойлович. Краткая учебная грамматика современного османско-турецкого языка. Л., 1925, стр. 91.

¹⁶ К. Grönbeck. Der türkische Sprachbau. I. Kopenhagen, 1936, стр. 40 и сл.

¹⁷ А. Zajaczkowski. Sufiksy imienne i czasownikowe w języku zachodnio-karaimskim.— «Prace Komisji Orientalistycznej», № 15. Kraków, 1932, стр. 166, 195.

¹⁸ А. von Gabain. Über Ortsbezeichnungen im Alttürkischen. — «Studia Orientalia», XIV, 2, Helsinki, 1950, стр. 7.

тюркских падежных форм на -га, -ги, -гу и тщательно разобраться в тех фактах, которые были приведены выше.

Поскольку в специальной литературе -га, -ги, -гу иногда фигурируют как разные по происхождению аффиксы, целесообразно рассматривать каждый из них в отдельности.

Количество наречий и послелогов на -га ~ -гä, встречающихся в древних и современных тюркских языках, невелико (20—25), но это, разумеется, не играет решающей роли при определении степени обоснованности реконструкции. Гораздо важнее учет функциональных и семантических особенностей каждой формы. Примечательно, например, что слова *buğada* (*buğa*) «здесь», *oğada* (*oğa*) «там», *pege* «что за местность?» в турецком языке, *hağa* «куда?» в азербайджанском и *kağa* «куда?» в караимском в выражении места или направления сохранили следы предметного лексического значения и поэтому сопоставление входящих в них компонентов -га, -ге со словом *ağa* «среда», «место», «промежуток» и со словом *jeğ* «земля» в форме дательного падежа не требует особых доказательств¹⁹. Ср. аналогичные образования, включающие слова *jeğ* «земля», *jağ* и *joğ* «сторона», в узбекском языке: *kağerga*, *kağokka*, *kağon* «куда?». В семантике же таких наречий и послелогов, как др.-тюрк. *teğrā* «вокруг»; алт. *azuğa* «больше, сверх», *kesiğe* «через», *ötküğe* «через, сквозь», *kağa* «назад, обратно», *uduğa* «навстречу, напротив»²⁰; туркм. *yağa* «назад»; хак. *ibiğe* «вокруг», *indige* «вниз», *panduga* «назад», *tege* «до», *tüñdere* «вниз лицом», «вверх дном», *ciñige* «до»²¹, заметно присутствие процессуальных моментов, что может быть истолковано как следствие их глагольного происхождения.

В тюркских языках большое количество наречий и послелогов появилось в результате обособления и грамматикализации деепричастий, ср. др.-тюрк. *kesä* «кратко, ясно» (*kes-* «резать»), *oza* «прежде, раньше» (*oz-* «опережать»); алт. *ala* «с, от» (*al-* «брать»); турецк. *göge* «согласно», «судя по...» (*gög-* «видеть»); узб. *basa* «затем» (*bas-* «наступать»), *jana* «еще» (*jan-* «возвращаться»), *kağa* «снова» (*kağ-* «возвращаться»), и это обстоятельство дает нам право поддержать мысль о том, что некоторые формы на -га ~ -гä являлись исторически деепричастиями, образованными от первичных глагольных основ на -г или от форм побудительного залога: др.-тюрк. **teğir-* «окружать»; алт. *kesiğ-* «перевозить, переносить», *azuğ-* «перевозить, переводить»; хак. *ibiğ-* «окружать», *indig-* «спускать вниз», *pandug-* «возвращать», *teğ-* «задевать», «дотрагиваться», *tüñder-* «прокидывать, переворачивать», *ciñig-* «доводить, доставлять».

¹⁹ См.: O. Böhlingk. Über die Sprache der Jakuten. SPb., 1851, стр. 115. Убедительные

доводы и многочисленные факты, свидетельствующие в пользу подобного сопоставления, приведены в работе Ж. Дени (*J. Denu. Grammaire de la langue turque. Paris, 1921, стр. 604 и сл.*) и в упомянутой выше статье Ф. Д. Ашнина.

²⁰ См.: Т. М. Тоцакова. Послелогии в алтайском языке. — «Ученые записки Горно-Алтайского НИИЯЛ», 1. Горно-Алтайск, 1956, стр. 20—50; Н. А. Кучигашева. Значение и употребление пространственных падежей (дательного, местного, исходного) в современном алтайском языке. Автореф. канд. дисс. М., 1955, стр. 9, 14; *её же*. Наречие в алтайском языке. — В сб.: «Материалы по общей тюркологии и дунгановедению». Фрунзе, 1964, стр. 57.

²¹ К. Grönbech. Der türkische Sprachbau, стр. 39, 45.

А. Габен допускает связь с деепричастием и др.-тюрк. *taſga* «вне, снару́жи»²², и надо сказать, что такая связь подтверждается рядом фактов, ср. турецк. *taſga* «провинция», *taſyg-* «лить через край», якут. *taḥaga* ~ *taḥaga* «вне, снару́жу», *taḥar-* ~ *taḥar-* «выводить снару́жу, выносить»²³. Не исключено, что и остальные шесть наречий и послелогов, морфологический состав которых до сих пор окончательно не установлен, восходят к деепричастиям, образованным, однако, не от первичных, а от вторичных, (отыменных) глагольных основ, ср. алт. *ōŋ* «перед», *ōŋōg-* «посадить в седло впереди себя»; тат. *soŋ* «последний», *soŋaŋ-* «опаздывать». В современных тюркских языках такие основы почти не сохранились, что объясняется временной и ареальной ограниченностью данного типа. Чтобы не оставалось неясностей в этом отношении, напомним, что из семи «трудных» наречий и послелогов на -га ~ -gä, наибольшее количество встречается в орхоно-енисейских текстах (*asga*, *icgä*, *kesgä*, *ōŋgä*, *taſga*), турецком (*icge*, *soŋga*, *taſga*, *üzge*), туркменском (*icge*, *soŋga*, *üzge*) и узбекском (*icga*, *soŋga*, *uzga*) языках, наименьшее — в азербайджанском (*soŋga*, *üzgä*), казахском (*soŋyga*), караимском (*sondra* в *sondrada*), татарском (*soŋga*) и якутском (*taḥaga* ~ *taḥarä*). Итак, мы имеем дело с арханческим образованием, которое характерно преимущественно для языков южной и восточной групп и сфера употребления которого с течением времени суживается: старые наречия и послелогов на -га ~ -gä от вторичных (отыменных) глагольных основ постепенно исчезают, а появление новых практически не может иметь места, так как аффиксы -а, -(а)г, при помощи которых образовывались глагольные основы от имен, давно полностью утратили продуктивность²⁴.

Из привлекаемых тюркологами примеров живых падежных форм два, *jügäkgä* «в сердце» и *sadga* «к шаду», спорные: первый — из-за сходства, а нередко и совпадения букв уйгурского алфавита, передающих *k(g)* и *g*, второй — из-за неясности текста (допустимо, как полагал

В. В. Радлов, чтение *sad aŋa*: «следуя в составе [войска] тардушского шада», ср. в Онгинской надписи: *oŋuz aŋa* «среди огузов»). Что касается

трех других примеров, взятых из Словаря Махмуда Кашгарского, *basga*, *közgä*, *tübrä*, то они, на первый взгляд, довольно убедительны. Однако при более глубоком подходе к ним возникают сомнения. Как отмечалось выше, -га ~ -gä в этих примерах используется в качестве живого морфологического элемента, с чем трудно совместить его предельно ограниченное употребление: по существу он выступает лишь в двух фразах. Если аффикс -га ~ -gä был живым морфологическим элементом в древнетюркском языке на уровне XI в., то кажется, по меньшей мере, странным отсутствие его как такового в памятниках рунической письменности, в древнеуйгурских текстах, в тексте «Кутадгу билиг». Наконец, указанные примеры настораживают еще и потому, что передаваемые ими значения не обнаруживают ничего специфического по сравнению с содержанием формы дательного падежа. Хотя вопрос о морфологическом составе словоформ *basga*, *közgä*, *tübrä* остается открытым, совершенно очевидно, что

²² А. von Gabain. *Altürkische Grammatik*. Leipzig, 1950, стр. 90.

²³ Э. К. Пекарский. *Словарь якутского языка*. Л., 1927, стр. 2594.

²⁴ Э. В. Севортян. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. Опыт сравнительного исследования. М., 1962, стр. 203 и сл.

восстановление общетюркской формы направительного падежа на -га ~ -гä на основе этих последних примеров было бы неоправданным риском.

Наречия и послелогои на -гу ~ -gü выступают не реже, чем наречия и послелогои на -га ~ -gä, но главным образом в старописьменных текстах. Помимо примеров, приведенных М. Мансур-оглу, — кеңгү «широко», жаңагу «в сторону» — известны следующие: акигу ~ акгу «медленно, тихо», акигу «поперек», бекгү «крепко», бүтүрү ~ бүтрү «полностью, целиком», жауигу ~ жаугу «близко», janduru ~ janturu ~ jandru «снова», jetirü ~ jetrü «до», kögü «согласно», «по сравнению с...», кунгу «косо», kuturu «полностью», ögü «вверх», «вверху», ötkürü «через», ötürü ~ ötrü «потом, затем», tasru «вне», utru «напротив». Нет необходимости доказывать, что все они являются по происхождению деепричастиями. Понятно, что в связи с этим снимается вопрос о соотношении -га ~ -gä и -гу ~ -gü, так как параллельные формы типа tasra и tasru, körä и kögü, utura и utru отражают вариативность древних деепричастий, ср. bara ~ baru ~ baru.

Единственная живая падежная форма на -гу ~ -gü (-агу ~ -ägü) — ebimägü, отмеченная в тексте Моюн-чура. Принимая во внимание обычное для этого и других орхоно-енисейских текстов выпадение (g) после m (ср. ebimä «в мое становище», oyluша «моим сыновьям»), нетрудно согласиться с тем, что ebimägü — дальнейшее развитие формы направительного падежа на -агу ~ -gägü (ebimgägü). Именно в таком виде аффикс -агу ~ -gägü встречается в языках южной группы, ср. турецк. ileri «вперед», «впереди», içeri «внутри», «внутри», dışarı «вне, снаружи».

Предположение о наличии аффикса -гу ~ -gü в составе аффикса направительного падежа -агу ~ -gägü не опирается на какие-либо конкретные факты и не может быть использовано в качестве аргумента, тем более, что весьма вероятно образование последнего, т. е. -агу ~ -gägü, из аналогичного по своему фонетическому облику самостоятельного слова²⁵. Попутно заметим, что формы направительного падежа в современных тюркских языках — относительно поздние образования, развившиеся из служебных слов, ср. хаk. tayzar «в горы», kölzer «к озеру», aγassa «к дереву» (-sar ~ -zar ~ -sā ~ -za < sarу «сторона, направление»); тув. dayduwa «к горе», ottuwa «к огню» (-tywa ~ -dywa ~ -tuwa ~ -duwa < taba «к, по направлению»).

На основании изложенного становится очевидным, что и форма на -гу ~ -gü, выступающая в одном ряду с наречиями и послелогои на -га ~ -gä, ~ -гу ~ -gü, должна рассматриваться как деепричастное образование. Правда, возможны исключения, например, алт. üzeri «сверх, на,

²⁵ См.: Н. П. Дыренкова. Тофаларский язык. — В сб.: «Тюркологические исследования». М.—Л., 1963, стр. 12. К. Каримов, считающий аффикс -агу ~ -gägü исходной формой аффикса -га ~ -gä, возводит его к деепричастию от глагола кага- «смотреть» (Категория падежа в языке «Кутадгу билиг». Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1962, стр. 8).

Р. Рахмети Арат рассматривал формы типа taskaru, iskerü как глагольные образования (tasyk-ar-u, icik-er-ü). — R. Rahmeti Arat. Türkçede çihet mefhumu ve bunun ile ilgili tabirler. — «Türkiyat mecmuası», XIV (ayrı basım). İstanbul, 1965, стр. 1. Ср.: Inscriptions de l'Orkhon déchiffrées par V. Thomsen. — «Mémoires de la Société Finno-ougrienne», V. Helsingfors, 1896, стр. 179.

к», по-видимому, — форма древнего направительного падежа на -yагу ~ -gäri.

Таким образом, реконструкция в тюркском праязыке падежных форм на -га, -ги, -гу пока не имеет достаточных оснований, что неизбежно приводит к необходимости считать соответствующие тюрко-монгольские параллели неудачными или, по крайней мере, преждевременными. При этом следует подчеркнуть, что сама по себе близость слов или морфологических элементов в разных языках не является бесспорным доказательством их происхождения из одного источника.

При наличии большого количества продуктивных и непродуктивных морфологических показателей, как правило однозначных и состоящих из одного, двух или трех звуков, имеется вероятность случайных совпадений. Даже в таких языках, как кумыкский и турецкий, с одной стороны, и русский — с другой, встречаются десятки сходных или совпадающих материально и по значению аффиксов, включая падежные, ср. кум. jö-lüti «мою дорогу» (-и — афф. винит. пад.) и русск. *дорогу*, турецк. *ele* «руке» (-е — афф. дат. пад.) и русск. *руке*, турецк. *kuзуп* «дочери» (-уп — афф. род. пад.) и русск. *дочери(н)*. В иранских языках, например, имеется послелог -га, одно из значений которого — направительное²⁶.

²⁶ И. К. Овчинникова. Использование послелога ра (را) в произведениях таджикских и персидских классических авторов (XI—XV вв.). — «Труды Института языкознания», VI. М., 1956, стр. 396 и сл.

Р. С. АМИРОВ

СПОСОБЫ АКТУАЛЬНОГО ЧЛЕНЕНИЯ В КАЗАХСКОМ ЯЗЫКЕ

Речи всегда сопутствует коммуникативная установка говорящего. Эта установка может выражаться в стремлении передать мысль лаконично, экспрессивно или выделить то новое, что составляет сущность сообщения. Реализация речевой установки в языкознании определяется как актуальное членение. Актуализация части высказывания осуществляется посредством особого построения предложения, отличного от его базисной модели, схемы. Правы те лингвисты, которые различают потенциальную структуру предложений и их коммуникативно направленную реализацию. Потенциальная структура соответствует наиболее общему процессу познания действительности¹. Она является базисной моделью предложения. В зависимости от конкретной коммуникативной установки потенциальная структура может реализоваться в различных вариантах и лексическом наполнении. Но каждая установка находит определенную закономерную реализацию. Конструктивные типы предложения, организованные соответственно речевой установке, И. П. Распопов назвал коммуникативно-синтаксическими типами в отличие от базисных, структурно-синтаксических².

В настоящей статье мы намерены описать те построения предложений, в которых реализуются способы актуального членения.

Актуальное членение высказывания прежде всего отражается в порядке расположения слов в предложении.

В казахском языке члены предложения в зависимости от их значения в грамматической структуре предложения, от способа грамматических связей с другими членами и способа выражения этих связей имеют определенное место.

Грамматически обусловленное расположение членов предложения в идеале представляется следующим образом³:

1. Основу предложения составляют подлежащее и сказуемое, причем подлежащее занимает первую позицию, сказуемое — вторую.

2. Второстепенные члены, распространяющие предложение, располагаются перед главными членами. Соответственно образуются зоны подлежащего и сказуемого члена⁴.

¹ И. П. Распопов. Актуальное членение и коммуникативно-синтаксические типы повествовательных предложений в русском языке. Автореф. докт. дисс. М., 1964; В. Г. Адмони. Типология предложения. — В сб.: «Исследования по общей грамматике». М., 1969, стр. 288.

² И. П. Распопов. Указ. раб., стр. 12.

³ См.: Қазіргі қазақ тілі. Алматы, 1954, стр. 484—486, 491—492.

⁴ Н. К. Дмитриев. Детали простого предложения. — Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков, ч. III. Синтаксис. М., 1961, стр. 21.

3. Второстепенные члены, относящиеся к сказуемому, располагаются в следующем порядке: непосредственно перед сказуемым ставятся приемыкающие слова, слова управляемые могут занимать позиции с последующим удалением.

Таков порядок слов в предложении, взятом как модель в потенциальном состоянии. Однако в речевой практике порядок слов в предложении не всегда соответствует этой идеальной модели. Коммуникативная установка, даваемая говорящим, заметно влияет на структуру предложения. Более того, она создает свои закономерности расположения слов в зависимости от задачи актуализации части высказывания. Порядок слов, выявляющий актуализацию, противопоставляется «нормальному» порядку слов в предложении и выступает на фоне последнего, что, собственно, и выделяет актуализируемые компоненты.

Актуализация связана со следующим порядком расположения слов в предложении.

1. В казахском языке актуализирующей является непосредственно предсказуемая позиция. Все члены предложения, коммуникативно выделяемые, ставятся в этой позиции⁵. Актуализация какого-либо члена, связанная с его перемещением непосредственно на предсказуемую позицию, ведет к некоторой ломке грамматически стандартного порядка слов. Например, актуализация подлежащего отделяет от сказуемого второстепенные члены, относящиеся к его зоне. *Ordabajdyng öz inileri*

men myrzalar bolmasa, bylajyу zurt bul üjge de batyp k'ire bermejtin. Kоnaktardыng kasynda бүгүн de solar җана бар ек'ен «Кроме братьев самого Ордабая и знатных вельмож, в этот дом никто не смел заходить. Возле гостей и сегодня находились только они».

Предсказуемую позицию, актуализирующую определенную часть высказывания, можно назвать активной позицией.

В казахском языке наряду с актуализирующей активной позицией в предложении имеется еще и пассивная позиция. Пассивной мы называем засказуемую позицию. На засказуемую, пассивную позицию в предложении выносятся та часть высказывания, которая с точки зрения говорящего кажется менее значительной или может быть сообщена в последнюю очередь. *Äzimхан, bir ängime ajtsy basyngdy k'ötögүр* (С. Сейфуллин) «Азимхан, подними голову и расскажи что-нибудь». *Aju түгүл kaskyrdy k'ördү me ек'ен бүл төңгүрөк* «Не то что медведя, они не видели и волка».

Эти примеры свидетельствуют о перемещении на засказуемую позицию слов: *basыngdy k'ötögүр, бүл төңгүрөк*. *Basыngdy k'ötögүр* в предложении является обстоятельственной группой, *бүл төңгүрөк* представляет собой подлежащее (*tөңгүрөк*) с атрибутивным словом (*бүл*). С общепринятой точки зрения данный случай может интерпретироваться как передвижение сказуемого члена на переднюю позицию. Однако это неверно. Сказуемый член в казахском языке имеет наиболее устойчивую позицию, так как он является грамматическим стержнем предложения. Все коммуникативные перестройки в предложении возможны при сохранении основы грамматически обусловленного строя. Эту сохраняющуюся при всех обстоятельствах грамматическую основу

⁵ Значение этой позиции для логического выделения слова особо подчеркивал Н. А. Баскаков. См.: Простое предложение в каракалпакском языке. — В сб.: «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», т. III. М., 1961, стр. 64.

предложения и представляет сказуемый член. Его позиция является в основном устойчивой, неизменной.

Данный вывод сделан не априорно, а на основании той действительной роли, которую играет сказуемое в структурной организации предложения. Вынесение на засказуемую позицию хорошо иллюстрируется следующим примером: *Öz malymdy k'imgе bersem de erk'im бар ма, zok*

ра mening (К. Мухамеджанов). *Otyr, senen zasyratyn ne syr бар mende.*

В первом предложении *mening*, являющееся атрибутом к слову *erk'im*, расположено за вторым сказуемым. При инверсии, определяемой как передвижение сказуемого на переднюю позицию, *mening* должно было стоять после слова *бар ма*. Вынесение его как неактуального компонента на засказуемую позицию и определило место *mening* в конце предложения. Во втором предложении на засказуемую позицию вынесено слово *mende*. В обоих примерах основа предложения — подлежащно-сказуемый состав — сохранила обычное место и связи.

Такую разновидность инверсии, как вынесение отдельных членов предложения на последнюю позицию, отмечают в казахском языке М. Б. Балакаев и Ш. Бектаева⁶. Ш. Бектаева считает эту инверсию дополнительным способом логического выделения, придающим речи экспрессивный характер. Приведенные нами примеры убеждают, однако, в том, что вынесение слова на засказуемую позицию связано с принижением его коммуникативного значения. В казахском языке, так же как и в других тюркских языках, есть одна позиция, определяющая актуализацию, — предсказуемая позиция. Эта позиция является актуализирующей для всех несказуемых членов. Сказуемое не подвергается специальному приему актуализации. Оно по своей природе является тем членом, который всегда заключает в себе новое сообщение. Поэтому сказуемое и на своем обычном месте всегда обладает коммуникативной активностью. На основе этой особенности сказуемой позиции в казахском языке и существует прием предикативного выноса. В устной речи построение предложения всегда коммуникативно нацелено в связи с его диалогическим характером. Здесь используется как предсказуемая актуализация, так и вынос неактуальных частей на засказуемую позицию — прием, характерный исключительно для устной речи, что подтверждается приведенными выше примерами.

Инверсия порядка слов в предложении не нарушает структурно-синтаксическую связь между его членами, она лишь перераспределяет их позицию. В казахском языке актуализация, наряду с инверсией осуществляется посредством структурной перестройки выражения. Этому способствуют структурные типы простых предложений.

Все простые предложения в казахском языке можно подразделить на две основные грамматические группы: 1) предложения с подлежащим-именем, 2) предложения с подлежащим-глагольным именем. Такая классификация основывается не только на чисто грамматических признаках. Она учитывает и функциональные особенности предложения с подлежащим-именем и предложения с подлежащим-глагольным именем.

Базисным, грамматико-коммуникативным типом является предложение с номинативной основой построения (т. е. с подлежащим-именем). Именно оно служит для оформления и сообщения сведений о разнообразных явлениях и событиях окружающей действительности. Имея широ-

⁶ Қазіргі қазақ тілі. Алматы, 1954, стр. 490, 492; Ш. Бектаева. Инверсияны, көркем әдебиеттігі (прозадағы) стилдік қызметі. Алматы, 1969, стр. 96, 107, 143.

кую сферу распространения, предложения с номинативной основой построения характеризуются и рядом формальных признаков. Прежде всего они отличаются разнообразием лексической базы: их конструктивные компоненты могут выражаться самыми различными лексическими средствами. Достаточно указать на обширную лексическую базу подлежащих и сказуемых. Эти предложения обладают значительно большей емкостью, нежели предложения с подлежащим-глагольным именем. Они включают большое число второстепенных членов, расширяющих их содержание. В предложениях с подлежащим-именем разнообразны и формы сказуемых. Богатство форм сказуемых здесь связано с выражением экспрессивных, модальных значений.

Функциональной, стилистической параллелью к указанному типу предложений являются предложения с подлежащим-глагольным именем. Этот тип — вторичный по сравнению с первым структурно-функциональным типом. Существование предложений с подлежащим-глагольным именем определяется не только содержанием суждения или необходимостью что-то сообщить о действии. Эти предложения служат для актуализации части высказывания. Например: Анау ек'еji түск'е dejin

otyrdy. Sonda ajtkandary zangayy (А. Тарази) «Эти двое сидели до самого

обеда, а говорили-то ни о чем»; *досл.*: «Эти двое сидели до самого обеда, а говорение (было) только это!» Предложение Sonda ajtkandary

zangayy по содержанию соответствует номинативному предложению

Olar sonda zangayyу ajtty. Последнее предложение является базисным, стилистически нейтральным. Сравнение их выявляет функциональную особенность предложения Sonda ajtkandary zangayy. В этом предложении актуализируется слово zangayy путем его вынесения на предикационную позицию. Такой прием актуализации мы назвали приемом предикационного выноса. Таким образом, перестройка предложения с номинативной основой в предложение с глагольной основой часто связана в речи с осуществлением приема актуализации определенных частей высказывания.

Приемом предикационного выноса могут быть актуализированы слова, обозначающие субъект, объект, время действия, т. е. те слова, которые имеют грамматическую, смысловую связь с предикатом. Напри-

мер: Bүgün ұапа асылуапу «Только сегодня открылся нам»; *досл.*: «Открытие (его) только сегодня». Это предложение актуализирует время действия (bүgün). Bizge tijgeni туна kvartal «Нам попался этот квартал»; *досл.*: «Нам попавшимся (есть) этот квартал». В этом предложении актуализируется слово, обозначающее объект действия.

Глагол в новой функционально направленной конструкции принимает форму глагольного имени на -уап и выступает как подлежащее, а актуализируемое слово становится сказуемым.

В предложении предикативный член содержит основное ядро информации. Поэтому в процессе речи слово, выполняющее функцию сказуемого, воспринимается особо. Именно на эту функциональную избранность сказуемого опирается стилистический прием предикационного выноса. Следует отметить, что актуализация посредством предикационного выноса части высказывания эффективнее, нежели актуализация путем инверсии порядка слов.

Сущность приема предикационного выноса раскрывается также в высказываниях В. Г. Адмони о связи подлежащно-сказуемого отно-

шения с актуальным членением предложения. Рассматривая предикативность и актуальное членение как явления разного плана, В. Г. Адмони вместе с тем видит в них сходство — общие генетические основы. Он дает этому следующее объяснение: «Поскольку все логико-грамматические типы предложения в специфической для данного языка форме фиксируют, в конечном счете, определенные ходы человеческой мысли, направленной на отражение определенного отношения действительности, то тем самым в них закрепляются определяемые типические формы познавательной установки говорящего, определенные устойчивые формы движения от «данного» к «новому». Например, повторяющееся бесчисленное число раз движение человеческой мысли от носителя состояния как «данного» к состоянию как «новому» не могло не отразиться и отразилось во множестве языков в создании специфических логико-грамматических типов, в которых носитель состояния, подлежащее, оказывается связанным предикативной связью со сказуемым (именным или глагольным, или глагольно-именным), выражающим состояние»⁷. На этом особом положении сказуемого как члена, заключающего в себе новое, «рему», и покоится прием предикационного выноса актуализируемого слова.

Обобщим сказанное:

1. Актуальное членение высказывания в казахском языке осуществляется посредством инверсии порядка слов, а также путем предикационного выноса части высказывания. Предикационный вынос связан со структурной перестройкой предложения.

2. В связи с актуальным членением в предложении отмечаются две позиции:

а) предсказуемая, активная позиция; расположение слова в этой позиции выделяет, актуализирует его;

б) засказуемая, пассивная позиция; в этой позиции располагаются слова коммуникативно малозначащие.

⁷ В. Г. Адмони. Указ. раб., стр. 288.

И. А. ОГЛОБЛИН

Артикуляционные и акустические
характеристики хакасских
кратких гласных [i] и [ɪ]

В работах, посвященных описанию фонетического строя хакасского литературного языка, краткие гласные [i] и [ɪ] обычно характеризуются дифференциацией их по длительности¹, либо различным рядом², либо комплексом различительных признаков: «передний ряд», «верхний подъем», «неогубленность»³. О том, что гласные [i] и [ɪ] являются самостоятельными фонемами, свидетельствует наличие в хакасском языке значительного количества квазиомонимов, например: иле [ile] «мучайся» — иле [ile] «понятно, ясно», кизен [kizen] «запугивай» — кизен [kizen] «пути», тис [tis] «убегай» — тис [tis] «зуб» и т. п.

Автором настоящей работы было высказано предположение, что гласные [i] и [ɪ] являются гласными переднего ряда, но различаются по признаку подъема: гласный [i] занимает некий максимально верхний подъем, а гласный [ɪ] располагается в верхнем ряду на одном уровне с гласным [y]. В таком случае система кратких гласных хакасского литературного языка должна выглядеть следующим образом⁴:

	i		
	y	ɪ	y u
∅	e		a o

Правильность высказанного предположения была проверена путем экспериментального исследования артикуляторных и акустических характеристик гласных первых слогов хакасских слов, производившегося методом кинорентгеноскопии⁵.

¹ Н. А. Баскаков. К вопросу о шорском и хакасском алфавитах. — Журн. «Просвещение национальностей», № 3. М., 1935.

² Н. А. Баскаков и А. И. Инкижекова-Грекул. Фонетические особенности хакасского языка. — «Труды Ин-та языкознания АН СССР», т. IV. М., 1954. В описании гласных [ɪ] и [i] первый характеризуется авторами как нейтральный, а второй — как передний (стр. 345); их же. Хакасско-русский словарь. М., 1953.

³ Н. К. Дмитриев, Ф. Г. Исхаков. Вопросы изучения хакасского языка и его диалектов. Абакан, 1954; Ф. Г. Исхаков. Хакасский язык. Краткий очерк по фонетике. Абакан, 1956; его же. Гармония гласных в тюркских языках. — «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», т. I. М., 1955; В. Г. Карпов. Хакасский язык. — «Языки народов СССР», т. II. Тюркские языки. М., 1966; Д. Ф. Патачакова. Система звуков качинского диалекта. — «Зап. ХакНИИЯЛИ», вып. VII. Абакан, 1959.

⁴ См.: И. А. Оглоблин. О фонологической значимости гласного [i] в системе вокализма хакасского литературного языка. — «Ученые записки ХакНИИЯЛИ», т. XIV, серия филологическая, № 1, 1969, стр. 22—27.

⁵ Кинорентгенографирование было выполнено в Новосибирском институте патологии кровообращения СО АН СССР при участии старшего научного сотрудника О. С. Антонова и рентгенотехника О. В. Еременко, которым автор, пользуясь случаем, выражает свою искреннюю признательность. В целом же данная работа была выполнена в лаборатории экспериментальной фонетики Ленинградского университета.

Материалом для исследования артикуляционно-акустических особенностей хакасских кратких гласных [i] и [ɪ] послужили односложные слова типа ГС, в которых гласные находятся в абсолютном начале слова под ударением: [ir], [is] и т. п. Известно, что положение гласного в абсолютном начале слова под ударением обеспечивает ему известную независимость артикуляции. Наряду с этим типом слов были использованы слова типа СГС: [tis] — [tis], [pis] — [pis] и т. п. Всего исследовалось 34 слова.

Для определения артикуляционных характеристик [i] и [ɪ] использовался метод кинорентгенографирования при помощи электронно-оптического преобразователя фирмы «Philips», оборудованного 35-миллиметровой рентгеновской камерой фирмы «Aggiphlex» с перископом. Скорость съемки составляла 24 кадра в секунду. Время выдержки при каждом кадре — 1/100 сек. при режиме работы 90 кв. 200 масек.⁶ Съемка производилась с применением фиксатора головы диктора, положение головы контролировалось рентгентехником: сагиттальная плоскость черепа оставалась всегда строго перпендикулярной центральному лучу. Для удобства измерений голова диктора располагалась таким образом, чтобы линия поверхности кости верхней челюсти, находящаяся в основании полости носа, и линия поверхности задней стенки глотки образовывали прямой угол. Такое положение головы является наиболее естественным для человека.

Поскольку расшифровка кинорентгенограмм представляет известную трудность, одновременно с кинорентгено съемкой производилась запись произносимых слов на магнитную ленту. С этих записей были сняты осциллограммы с помощью восьмишлейфного осциллографа Н-102. Сопоставление временных характеристик звуковых единиц, полученных при анализе осциллографирования, с временем движения пленки в съемочной камере позволяет установить соотносимость изображения каждого кадра с той или иной фазой артикуляции произносимой речевой единицы.

В кинорентгено съемке приняли участие три диктора (дикторы А., К., У.). Каждый из них во время съемки прочитывал список подобранных слов за один сеанс. Материал, полученный при съемке диктора К., оказался непригодным по техническим причинам. Таким образом, исследование артикуляторных характеристик гласных [i] и [ɪ] проводилось на материале двух дикторов: диктора А. — мужчины и диктора У. — женщины.

Нанесение на кальку контуров речевого тракта производилось при помощи просмотрового устройства 5 ПО-1 при 50-кратном увеличении. На основе сопоставления временных характеристик осциллографических записей с временными интервалами между кадрами кинорентгено съемки определялись те кадры, которые отражали начальную и конечную фазы артикуляции гласного. Затем из ряда кадров, расположенных между крайними кадрами, выбирался тот, который отражал квазистационарную фазу артикуляции данного гласного.

Чтобы получить однозначные исходные данные линейных размеров речевого тракта и произвести необходимые расчеты, положения языка, губ и нижних резцов наносились на специально приготовленные схемы с заранее вычерченными контурами неподвижных частей речевого аппара-

⁶ Подробное описание аппаратуры, применяемой при кинорентгено съемке, и режимов работы данной аппаратуры см.: Г. Лийв, А. Ээк. О проблемах экспериментального изучения динамики речеобразования: комплексная методика синхронизованного кинофлюографирования и спектрографирования речи. — «Изв. АН ЭССР, серия биологических наук», т. XVII. 1968, № 1, стр. 78—102.

та — верхней челюсти, нёбного свода, а также задней стенки глотки. Это дало возможность избежать ошибки и всегда однозначно определять положение языка относительно строго фиксированных точек, а также позволило сопоставить цифровые данные размеров речевого тракта как одного и того же диктора, так и разных дикторов, что часто бывает затруднительным.

Схемы заранее вычерченных контуров неподвижных и условно неподвижных частей речевого аппарата совмещались на экране с контурами аналогичных частей речевого аппарата исследуемого кадра. Затем на данную схему наносились профили языка, губ и нижних резцов.

Анализ полученных таким образом профилей речевого тракта производился следующим образом. С одной стороны, использовался прием совмещения профилей речевого тракта на одном рисунке. С другой стороны, были произведены необходимые измерения и расчеты: а) определение координат точек высшего подъема языка по горизонтали и вертикали; б) определение линейных расстояний между поверхностью языка и внутренней поверхностью верхних резцов, альвеол, свода твердого и мягкого нёба и задней стенкой глотки.

Определение координат точек высшего подъема языка по горизонтали и вертикали. На схеме контура речевого тракта (рис. 1) определялась граница между твердым и мягким нёбом (по окончанию кости верхней челюсти). Из этой точки проводилась прямая, параллельная задней стенке глотки, принимавшаяся за ось Y , позволявшую определять положение точки высшего подъема языка по вертикали. Для установления оси X были определены по схемам речевых трактов возможные границы подъема языка. За самый низкий принимался подъем языка при произнесении гласного [a], за самый высокий — при произнесении гласного [i]. Затем расстояние между точками самого высокого и самого низкого подъемов языка делилось пополам и через эту среднюю точку проводилась прямая, строго перпендикулярная линии задней стенки глотки. Эта прямая и была принята за ось X , позволявшую определять положение высшего подъема языка по горизонтали. На оси X и Y были нанесены деления, соответствующие реальному расстоянию в 1 мм. На рис. 1 приведено положение точки высшего подъема языка для начального гласного [e] в слове [etek].

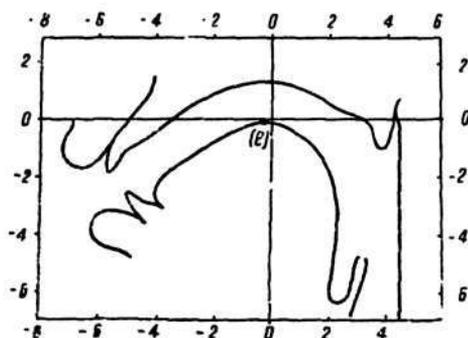

Рис. 1. Схема определения координат точек высшего подъема языка по горизонтали и вертикали. На схеме приведен пример расчета определения точки высшего подъема языка для гласного [e]

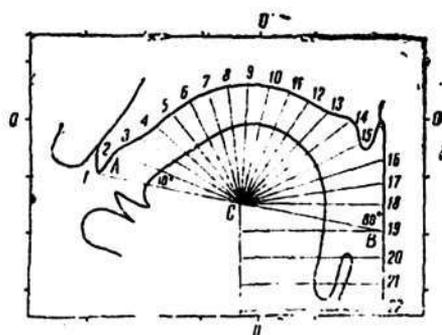

Рис. 2. Схема определения линейных расстояний между поверхностью языка и внутренней поверхностью передних зубов, альвеол, свода твердого и мягкого нёба и задней стенкой глотки при продольном сечении речевого тракта в медиальной сагиттальной плоскости. На рисунке приведен пример расчета линейных расстояний для гласного [e]

Определение линейных расстояний между поверхностью языка и внутренней поверхностью передних зубов, альвеол, свода нёба и задней стенкой глотки. Как показано на рис. 2, от края верхних резцов (точка А) к задней стенке глотки (точка В) проводится прямая под углом в 80° . На данной прямой определяется середина (точка С). Затем из точки С проводятся прямые (2—18) к внутренней поверхности верхних резцов, альвеол, свода нёба и задней стенки глотки. Угол между соседними прямыми составляет 10° . Что касается прямых 19—22, то они проведены параллельно прямой 18, которая строго перпендикулярна задней стенке глотки. Полученные таким образом прямые (1—22) приняты за линии поперечного сечения речевого тракта в медиальной сагиттальной плоскости (в дальнейшем ЛПС). ЛПС 1—2 соответствуют сечениям речевого тракта в зоне верхних резцов, ЛПС 3—4 — в зоне альвеол, ЛПС 5—9 — в зоне твердого нёба, ЛПС 10—14 — в зоне мягкого нёба и ЛПС 15—22 — в зоне задней стенки глотки.

Расстояния между поверхностью языка и внутренней поверхностью передних верхних резцов, альвеол, свода нёба и задней стенкой глотки, измеренные в зоне каждой ЛПС, являлись теми цифровыми данными, на основе которых строились графики площадей переднего и заднего резонаторов речевого тракта для каждого исследуемого гласного в медиальной сагиттальной плоскости сечения.

Естественно, что полученные с помощью указанных измерений и расчетов графики площадей переднего и заднего резонаторов не совсем точно отражают реальные соотношения передней и задней воздушных полостей речевого тракта. Как отмечает Г. Фант, ссылаясь на данные Чиба и Каджияма, «уменьшение наблюдаемого расстояния между задней стенкой фаринкса и языком, например в задних гласных [а] и [о], сопровождается одновременным уменьшением площади (поперечного сечения речевого тракта. — И. О.), идет быстрее, нежели в прямой пропорции к видимому на снимках уменьшению линейных размеров. Это, конечно, относится и к ротовой полости, в тех случаях, когда язык приближается к твердому нёбу»⁷. Исходя из того факта, что изменение площадей речевых резонаторов в медиальной сагиттальной плоскости не может быть прямо пропорциональным изменению их объема, К. Н. Стивенсом и А. С. Хаусом⁸ был предложен метод представления речевого тракта в виде трехпараметрической модели. В дальнейшем этот метод представления речевого тракта был детально разработан И. М. Хейнцем и К. Н. Стивенсом⁹ в Массачусетском технологическом институте. Этот метод количественного описания структур речевого тракта на основе детальной и строго определенной системы координат заключается в следующем. Вдоль и поперек осевой линии речевого тракта производится до пятидесяти линейных измерений через равные промежутки конфигурации медиальной сагиттальной плоскости¹⁰. На основании полученных линейных измерений определяются площади поперечных сечений речевого тракта (как функции расстояния до голосовой щели). Такой метод позволяет вычислить частоты формант и акустический спектр генерируемого сигнала как функции площади. Поскольку в задачи настоящего

⁷ Г. Фант. Акустическая теория речеобразования. М., 1964, стр. 101—102.

⁸ К. Н. Stevens, A. S. House. Development of a quantitative description of vowel articulation, JASA, 27 (3), стр. 484—493.

⁹ J. M. Heinz, K. N. Stevens. On the relation between lateral cineradiographs, area functions, and acoustic spectra of speech. Paper A44 in: 5e congrès international d'acoustique. Rapports conférences particulières, 1965, 1a.

¹⁰ S. Ohman. Numerical model of coarticulation. JASA, 1967, 41 (2), стр. 310—320.

исследования входит лишь выяснение положения языка относительно контуров внутренней поверхности верхних резцов, альвеол, свода нёба и задней стенки глотки, то метод представления речевого тракта в виде трехпараметрической модели является в данном случае неоправданно усложненным.

Для получения акустических характеристик гласных [i] и [ɪ] специально подобранные слова, содержащие данные гласные, были записаны на магнитную ленту. Затем с этих слов были сняты спектрограммы типа «видимая речь». Эти же слова были использованы и для проведения опытов по восприятию. Выделение гласных [i] и [ɪ] из слов, записанных на магнитную ленту, производилось с помощью прибора «Сепаратор». С целью определения, насколько хорошо носители хакасского языка различают эти гласные, были привлечены аудиторы-хакасы, которым предъявлялись пары гласных [i] и [ɪ] в следующих комбинациях: [i]—[ɪ], [i]—[i], [ɪ]—[ɪ]. Каждая такая комбинация повторялась трижды через равные промежутки времени. От аудиторов требовалось определить, являются ли гласные в каждой предъявленной паре одинаковыми или разными. Весь материал был прочитан тремя дикторами, которых прослушало не менее 50 аудиторов, давших около 7500 ответов.

Как при кинорентгенографировании, так и при записи материала на магнитную ленту для проведения спектрографического анализа и опытов по восприятию привлекались одни и те же дикторы, обладающие нормальным литературным произношением без заметных диалектных отклонений¹¹.

Исследование артикуляторных характеристик хакасских гласных [i] и [ɪ] на основе кинорентгенограмм дало следующие результаты. При совмещении на одном рисунке профилей квазистационарных фаз артикуляции гласных [i] и [ɪ] в словах ир [ir] «мужчина» и ис [is] «след» (см. рис. 3 а, б) ясно видно, что и у диктора А. и у диктора У. язык при артикуляции гласного [i] более сильно продвинул вперед и вверх, нежели при произнесении гласного [ɪ]. Корень языка при [i] также значительно сдвинут вперед. Такое положение языка при произнесении гласного [i] придает фаринксу вид трубки, несколько расширенной сверху.

При произнесении гласного [ɪ], в связи с меньшей продвинутостью языка вперед и вверх, корень языка отодвигается несколько назад. Кончик языка при произнесении обоих гласных опущен и касается нижних резцов.

Расчеты, связанные с определением положения языка относительно внутренней поверхности верхних резцов, свода нёба и задней стенки глотки для гласных [i] и [ɪ] показывают, что при артикуляции гласного [i] место наименьшего сужения речевого тракта у обоих дикторов находится в зоне ЛПС 6—7 и составляет: у диктора А. — 3 мм, у диктора У. — 3,5 мм. Расстояние между корнем языка и задней стенкой глотки в зоне ЛПС 18 у диктора А. составляет 23 мм, у диктора У. — 27 мм. (Ср. кон-

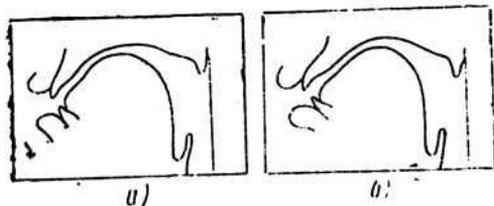

Рис. 3 а, б. Профили речевого тракта в медиальном сечении при квазистационарных фазах артикуляции гласных [i] и [ɪ]: а) диктор А., б) диктор У.

— гласный [i] в слове ир
 - - - - гласный [ɪ] в слове ис

¹¹ См.: Л. В. Щерба. О разных стилях произношения и об идеальном фонетическом составе слов. — «Избранные работы по русскому языку». М., 1957, стр. 21.

туры площадей сечений речевого тракта в медиальной сагиттальной плоскости при артикуляции данного гласного у дикторов А. и У., изображенные на рис. 4).

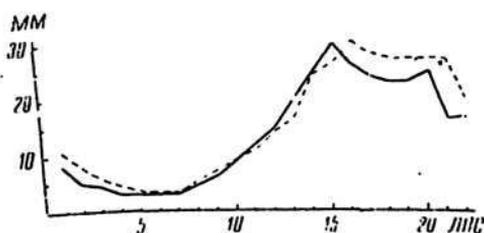

Рис. 4. Контуры площадей сечений речевого тракта в медиальной сагиттальной плоскости при квазистационарной артикуляции гласного [i] в слове

— — диктор А.
- - - - диктор У.

Координаты точек высшего подъема языка (рис. 5) для гласного [i] составляют у диктора А. по вертикали и горизонтали соответственно 6—12, у диктора У. — 6,3—12,3, т. е. практически совпадают. На рисунке ясно видно, что точка высшего подъема языка при артикуляции гласного [i] у обоих дикторов продвинута вперед и вверх в большей степени, чем при артикуляции любого другого краткого гласного.

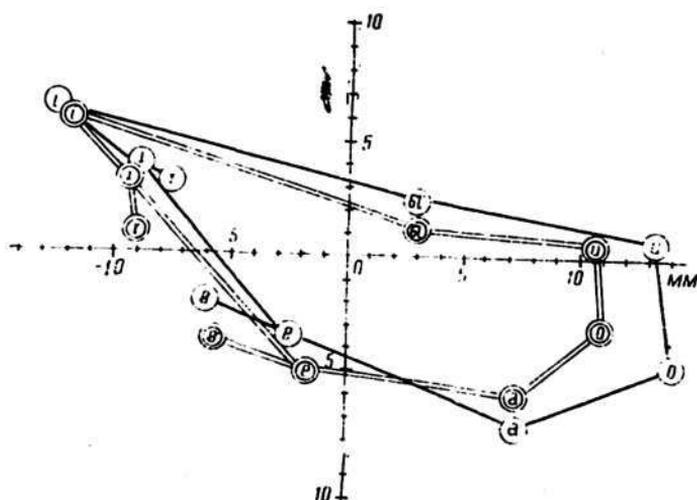

Рис. 5. Координаты точек высшего подъема языка при квазистационарных фазах артикуляции хакасских кратких гласных

— — диктор А.
- - - - диктор У.

При артикуляции гласного [i], в связи с меньшей продвинутостью языка вперед и вверх, чем при гласном [i], корень языка, как уже отмечалось, отодвигается несколько назад. Результатом такого положения языка при [i] являются: а) расширение прохода между средней частью спинки языка и твердым нёбом. Наибольшее сужение речевого тракта при произнесении [i] находится в зоне ЛПС 5—7 и составляет у диктора А. 6,5 мм, у диктора У. — 7 мм; б) сужение фарингального прохода. Расстояние между корнем языка и задней стенкой глотки в зоне ЛПС 18 у диктора А. составляет 22 мм, у диктора У. — 24,5 мм. (см. рис. 6 а, б). Расчеты дают основание полагать, что при артикуляции гласного [i] мы

имеем дело с иным соотношением переднего и заднего резонаторов, нежели при артикуляции гласного [i], то есть увеличение объема переднего резонатора при одновременном уменьшении объема заднего резонатора.

В разности соотношений переднего и заднего резонаторов при произнесении данных двух гласных убеждают и расчеты координат точек высшего подъема языка. При гласном [i] координаты точки высшего подъема языка составляют у диктора А. 3,5—9,3, у диктора У. — 3,7—9, т. е. при артикуляции гласного [i] по сравнению с артикуляцией гласного [ɪ] точка высшего подъема языка опускается (у диктора А. на 2,5 мм, у диктора У. — на 2,6 мм) и отодвигается назад (на 2,7 мм у диктора А. и на 3,3 мм у диктора У.).

Исходя из представленных здесь данных, можно сделать следующий вывод: разница в произнесении гласных [i] и [ɪ] связана с большей продвинутостью языка вперед и вверх при [i], нежели при [ɪ]. В результате этого: а) при гласном [i] степень сужения речевого тракта в месте его наибольшего сужения намного значительнее, чем при гласном [ɪ], б) при гласном [i] наиболее узкий участок в ротовой полости сдвинут вперед по сравнению с гласным [ɪ], в) при [i] и [ɪ] имеет место разное соотношение полостей переднего и заднего резонаторов: для гласного [i] характерна наибольшая задняя полость при наименьшей передней полости, для гласного [ɪ] — несколько уменьшенная задняя полость при несколько увеличенной передней полости.

То, что гласные [i] и [ɪ] представляют собою разные звуки, имеющие свои определенные характеристики, подтверждается и данными, полученными с помощью спектрального анализа. Иллюстрацией к сказанному служат рис. 7 а, б, в и рис. 8 а, б, в, где приведены спектрограммы хакасских слов [ig] и [is] в произношении трёх дикторов. На спектрограммах отчетливо видно, что верхняя граница нижней полосы частот, характерной для F_1 , у гласного [i] расположена ниже, чем у гласного [ɪ]. Так, у дикторов А. и К. для гласного [i] нижняя полоса частот усилена в области до 450 гц, у диктора У. — до 400 гц. Для гласного [ɪ] нижняя полоса частот усилена, у дикторов А. и К. они располагаются в области 550—600 гц, у диктора У. — до 500 гц. Как отмечает Г. Фант¹², положение F_1 для гласных [e], [i], [ɪ] почти полностью определяется объемом задней полости и наиболее узким участком в ротовой полости. Следовательно, для гласного [i] увеличение объема задней полости и

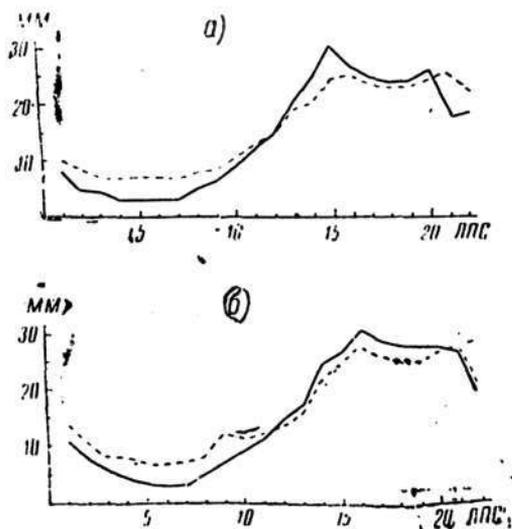

Рис. 6 а, б. Контуры площадей сечений речевого тракта в медиальной сагиттальной плоскости при квазистационарной фазе артикуляции гласных [i] и [ɪ]: а) диктор А., б) диктор У.

— гласный [i] в слове ig
 - - - - гласный [i] в слове is

¹² Г. Фант. Указ. соч., стр. 124.

большая степень сужения узкого участка в ротовой полости приводит к понижению F_1 , наоборот уменьшение задней полости, при одновремен-

Рис. 7 а, б, в. Спектрограммы слова ig: а) диктор А., б) диктор К., в) диктор У.

Рис. 8 а, б, в. Спектрограммы слова is: а) диктор А., б) диктор К., в) диктор У.

ном расширении узкого прохода в ротовой полости, при гласном [i], приводит к повышению F_1 .

Что касается F_2 , которая по свидетельству Г. Фанта полностью определяется объемом задней полости, то для хакасских кратких гласных [i] и [ɪ] можно видеть следующее: полоса частот, характерная для F_2 , у гласного [i] расположена в области 2000—2500 гц у дикторов А. и К. и в области 2000 гц (выражена очень слабо) у диктора У. При гласном [ɪ] F_2 расположена в области 1500—1800 гц у дикторов А. и У. Что касается диктора К., то у него область частот, характеризующая положение F_2 , отсутствует.

Аналогичная картина наблюдается и при сравнении формантных структур данных двух гласных на спектрограммах слов: [pis]—[pɪs] (см. рис. 9 а, б, в и рис. 10 а, б, в).

Представленные здесь данные позволяют на артикуляторном уровне констатировать большую продвинутость языка вверх и вперед при гласном [i] по сравнению с гласным [ɪ], что вызывает на акустическом

Рис. 9 а, б, в. Спектрограммы слова pis: а) диктор А., б) диктор К., в) диктор У.

Рис. 10 а, б, в. Спектрограммы слова pɪs: а) диктор А., б) диктор К., в) диктор У.

уровне понижение F_1 при одновременном повышении F_2 для гласного [i] и повышение F_1 при одновременном понижении F_2 для гласного [ɪ].

При проведении опытов по восприятию, как уже указывалось выше, аудиторам были предложены пары гласных, данные в следующих комбинациях: [i] — [ɨ], [i] — [i], [ɨ] — [ɨ]. От аудиторов требовалось определить, являются ли гласные в каждой предъявленной комбинации одинаковыми или разными. При анализе полученных ответов оказалось, что аудиторы-хакасы довольно четко различают данные два гласных. Так, для диктора А. правильные ответы составили 96%, для диктора К. — 93%, для диктора У. — 92%.

Исследование объективных характеристик хакасских кратких гласных [i] и [ɨ], а также опыты по восприятию дают основание считать, что различительным признаком данных гласных является степень подъема языка. Язык при произнесении гласного [i] занимает максимально верхний подъем. Что касается гласного [ɨ], то он, находясь на одном уровне подъема с гласным [ы] (см. рис. 5), является гласным верхнего подъема, что подтверждает предложенную выше схему распределения хакасских кратких гласных.

Э. Н. НАДЖИП

О НЕКОТОРЫХ НЕДОСТАТКАХ В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

За послевоенные годы в Советском Союзе как в центре, так и в национальных республиках сделано многое в области изучения истории тюркских языков. Прежде письменные и литературные памятники на тюркских языках в основном изучались и публиковались за рубежом, главным образом, в Турции и Польше. В Москве и Ленинграде тюркологией занималось лишь несколько крупных ученых. После войны изучению тюркских языков и литератур стало уделяться несравненно больше внимания. В вузах были введены соответствующие спецкурсы и спецсеминары, в научно-исследовательских институтах организованы спецгруппы и секторы. Многими научными сотрудниками в центре и в национальных республиках были защищены кандидатские и докторские диссертации по истории тюркских языков и литератур.

Первые диссертационные работы посвящались главным образом отдельным вопросам фонетики и грамматики, изучавшимся по историческим памятникам. В настоящее время диссертации, как правило, посвящаются исследованию языка в целом на основе того или иного литературного памятника.

Однако в этой области имеется ряд серьезных недостатков и пробелов, на которых хотелось бы остановиться подробнее.

Как известно, сравнительно малочисленные средневековые тюркоязычные памятники сильно отличаются друг от друга в лингвистическом отношении. В исследованиях же, посвященных изучению языка того или иного памятника средневековой письменности, особенно памятников XIII—XIV вв., часто дублируются одни и те же сведения и положения. Работы, охватывающие материал, достаточный, по сути дела, лишь для одной статьи, искусственно развертываются в диссертации.

Очень мало сделано и в области обнаружения и публикации новых рукописей. Как правило, изучаются и публикуются материалы, не представляющие какой-либо новизны и научной ценности, тогда как научные изыскания должны включать элементы поиска, содержать дополнительные сведения, отнюдь не повторяя давно известных истин.

При составлении исторических словарей тюркских языков по отдельным письменным памятникам не следует перегружать эти словари многочисленными арабскими и персидскими словами и словосочетаниями, иллюстрировать их громоздкими примерами или включать в них такие общепотребительные в современных тюркских языках слова, как *taқтаб* «школа», *taktub* «письмо», *baу* «сад», *baубап* «садовник», *baга-*

баг «равный» и т. д. О распространенности подобных слов, их фонетической характеристике и т. п. можно весьма коротко сказать лишь во вводной части словаря. Если не придерживаться этих принципов, то нетрудно себе представить к чему приведет составление словаря, скажем, Алишера Навои с его многочисленными арабизмами, фарсизмами, типично арабскими выражениями и т. д.

В Татарии, Башкирии, Узбекистане, Туркмении и Азербайджане немало ценных рукописей находится у частных лиц. Такие рукописи хранятся также в центральных и республиканских архивах и библиотеках. Настала пора вплотную заняться их тщательным изучением.

Много ценных памятников тюркоязычной письменности находится также за рубежом. До сих пор почти не изучены многочисленные тюркоязычные рукописи, хранящиеся в Иране, Афганистане, Индии, Пакистане, Турции, Сирии, Ираке, Объединенной Арабской Республике, имеющие непосредственное отношение к истории тюркских языков и литературы. Изучена лишь незначительная их часть, описанная в каталогах.

От изучения частных вопросов грамматики по материалам письменных памятников наши тюркологи постепенно переходят к изучению языка отдельных памятников и словарей. Однако до сих пор еще у нас в этой области не созданы серьезные монографические работы, тогда как в настоящее время для этого имеются все предпосылки.

Мало уделяется внимания созданию словарей даже по лексике уже изученных нами памятников. Недавно выпущенный «Древнетюркский словарь»¹, охватывающий лексику тюркских языков и диалектов VII—XIII вв., является первым изданием подобного рода.

Чрезвычайно мало делается для изучения языка Физули, Навои, Махтумкули и других выдающихся поэтов и мыслителей. Обычно мы ограничиваемся утверждением, что Навои—основоположник узбекского литературного языка и что в его произведениях язык этот достиг совершенства. Пора уже перейти от общих слов к серьезному изучению лингвистических богатств памятников тюркских литератур.

Многие молодые лингвисты, не имея достаточной эрудиции в области истории, не в состоянии учитывать в своих исследованиях историко-культурные связи и обстановку, в которой создавался данный памятник письменности. Средневековье—очень сложный период в истории тюркских народов. В результате известных исторических событий, междоусобных войн и т. п. одни культурные очаги разрушились, где-то в других местах вследствие более благоприятных исторических условий возникали новые. Туда стекались избежавшие гибели ученые, писатели и поэты. Там же создавались новые произведения литературы, в которые неизбежно привносилась иноязычные элементы, отражавшие влияние новой среды и обстановки. Поэтому при определении языка и национальной принадлежности изучаемого памятника необходимо учитывать все эти сложные обстоятельства, которые зачастую молодыми исследователями недооцениваются.

Нередко исследователи небрежно обращаются с периодизацией и терминологией: один и тот же памятник одни называют древнетюркским, другие—старотюркским, а это не одно и то же. При определении происхождения того или иного памятника одни ученые обращаются к названиям современных народов, другие — к более ранним, общеплеменным названиям, а третьи исходят из территориального признака. Большая пу-

¹ Л., Изд-во «Наука», 1969.

таница происходит с терминами *узбекский, староузбекский, чагатайский*, так называемый *чагатайский тюрки, среднеазиатский тюрки* и т. д. Можно привести множество примеров, свидетельствующих о разном в терминологии.

А. Н. Самойлович язык «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагунского называет *караханидским* по территориально-государственному признаку².

Н. А. Баскаков считает, что в основу языка «Кутадгу билиг» лег *карлукско-уйгурский*³ диалект. Он же этот памятник относит к памятникам уйгурского языка караханидского периода⁴. Следовательно, карлукско-уйгурский язык—это уйгурский язык периода караханидов.

А. М. Щербак в своем предисловии к «Огуз-наме» и «Мухаббат-наме» литературный язык XI—XIII вв. называет *караханидским*, исходя из династического названия или названия государства, и *карлуко-уйгурским*, исходя из названий народностей или племен⁵. Однако при анализе языка «текстов X—XIII вв. из Восточного Туркестана» он «Кутадгу билиг» и «Хибатуль-хаканк» называет памятниками *карлукского диалекта*⁶.

А. К. Боровков «Кутадгу билиг» считает памятником *древнеуйгурского языка*⁷. Г. Ф. Благова язык «Кутадгу билиг» отличает от языка древнеуйгурского и называет его *староуйгурским*⁸.

Н. А. Баскаков считает, что Словарь Махмуда Кашгари (памятник XI в.) характеризует диалектный и разговорный язык народов Средней Азии X—XI вв.⁹

В другом же месте он полагает, что Словарь Махмуда Кашгари, в отношении сведений по языку хаканских тюрков, наряду с «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагунского является памятником языка *караханидов*¹⁰, и далее, объединяя Словарь Махмуда Кашгари с «Кутадгу билиг», называет язык этих памятников *уйгурским языком эпохи караханидского государства*¹¹.

Н. А. Баскаков Словарь Махмуда Кашгари считает *древнейшим* памятником языка огузов и огузских родов, вошедших в племенной союз сельджуков¹². Огузские элементы, зарегистрированные Махмудом Кашгари, он называет *древним языком огузов*¹³.

Таким образом, Словарь Махмуда Кашгари является памятником, характеризующим состояние языков ряда тюркоязычных народов и племен X—XI вв.

Дж. Алмаз при определении национальной принадлежности поэмы «Кысса-и Юсуф» Али пользуется термином *древнетатарский*¹⁴. М. Джолдасбеков такие памятники XIV в., как «Кысасул-анбия» Рабгузи (у него

² А. Н. Самойлович. К истории среднеазиатского турецкого языка. — В сб.: «Мир-Али-Шир». Л., 1928, стр. 21—22.

³ Н. А. Баскаков. Введение в изучение тюркских языков. М., 1969, стр. 168.

⁴ Там же, стр. 301, 352; Тюркские языки. М., 1960, стр. 173.

⁵ А. М. Щербак. «Огуз-наме», «Мухаббат-наме». М., 1959, стр. 5 и 113.

⁶ А. М. Щербак. Грамматический очерк языка тюркских текстов X—XIII вв. из Восточного Туркестана. М., 1961, стр. 26.

⁷ А. К. Боровков. Алишер Навои как основоположник узбекского литературного языка. — В сб.: «Алишер Навои». М.—Л., 1946, стр. 99.

⁸ Г. Ф. Благова. Характеристика грамматического строя (морфологии) староузбекского литературного языка конца XV в. по «Бабур-наме». М., 1954, стр. 2.

⁹ Н. А. Баскаков. Введение..., стр. 168.

¹⁰ Там же, стр. 300, 303.

¹¹ Там же, стр. 352.

¹² Н. А. Баскаков. Тюркские языки, стр. 119.

¹³ Н. А. Баскаков. Введение..., стр. 245.

¹⁴ Джавад Алмаз. «Кысса-и Юсуф» Али — болгаро-татарский памятник. М., 1960, стр. 1.

опечатка — XI в.) относит к памятникам древности¹⁵. У. Мирзакаримова памятник XIV в. называет то *старотюркским*, то *древнетюркским*, то *староузбекским*. З. Б. Мухамедова «Кысас» Рабгузи и «Мухаббат-наме» Хорезми относит к памятникам древнего периода¹⁶. Казахский ученый Курьшжанов пользуется термином *древнекыпчакский* язык. Наряду с этим существует множество других определений языка одного и того же памятника: *древний* и *древнейший огузский*, *древнекыпчакский*, *древнетатарский*, *древнеазербайджанский* (П. М. Мелиоранский).

Памятники конца XII — начала XIII в. «Айбат аль-хакаик», сохранившийся в более поздней версии, и начала XIV в. «Кысас» Рабгузи Н. А. Баскаков сводит в одну группу и их язык называет *уйгурским* послекараханидского периода¹⁷.

В другом месте Н. А. Баскаков «Айбат аль-хакаик» Ахмада Югнаки объединяет в одну группу с «Диван-и хикмат» поэта-мистика XII в. Ахмада Есеви и их язык относит к языку с огузо-кыпчакской диалектной основой¹⁸. При этом он считает, что эти памятники отражают нормы *хорезмийского* литературного тюркского языка. Таким образом, он приходит к выводу, что хорезмийский литературный язык формировался раньше языка дивана Ахмада Есеви — поэта XII в.

Далее Н. А. Баскаков язык «Диван-и хикмат» Ахмада Есеви относит к памятникам подгруппы *карлукско-хорезмийских* литературных языков¹⁹. А в другом своем труде он язык произведений Есеви называет просто *карлукско-хорезмийским*²⁰. Для определения языка Есеви он пользуется также термином средневековый *караханидско-хорезмийский*²¹.

Язык памятника начала XIV в. «Кысас» Рабгузи Н. А. Баскаков считает *карлуко-уйгурским*²², а затем в хронологическом аспекте своей классификации называет *уйгурским* послекараханидского периода²³.

У. Мирзакаримова считает, что тюркоязычный памятник «Кысас» Рабгузи представляет собой образец старотюркского языка XI в.²⁴ На следующей же странице автор заявляет, что в нем отражены особенности *древнетюркского* языка. В заключение автор говорит, что этот памятник характеризует языковые особенности *переходного* периода. И тут же добавляет, что произведение Рабгузи написано на языковом материале *карлукского* ответвления тюркских языков. На следующей странице читаем: «Этот памятник является одним из редких произведений *староузбекского* языка».

А. К. Боровков, по-видимому, основываясь на заявлении самого поэта, который свой язык называет кашгарским, язык «Айбат аль-хакаик» именуется *уйгурским*²⁵. Он полагает, что среднеазиатский тюркский язык, основоположителем которого был Навои, создан на основе *древнеуйгур-*

¹⁵ М. Джолдасбеков. Древнетюркские литературные памятники и их отношение к казахской литературе. Автореф. канд. дисс. Алма-Ата, 1969, стр. 8.

¹⁶ З. Б. Мухамедова. Исследование по истории туркменского языка XI—XIV вв. М., 1969, стр. 3.

¹⁷ Н. А. Баскаков. Введение..., стр. 352.

¹⁸ Там же, стр. 169; Тюркские языки, стр. 48.

¹⁹ Н. А. Баскаков. Введение..., стр. 303.

²⁰ Н. А. Баскаков. Тюркские языки, стр. 177.

²¹ Н. А. Баскаков. Введение..., стр. 304.

²² Н. А. Баскаков. Тюркские языки, стр. 170.

²³ Н. А. Баскаков. Введение..., стр. 352.

²⁴ У. Мирзакаримова. Морфологические особенности «Кысас» Рабгузи. Ташкент, 1969, стр. 3—4, 37—38.

²⁵ А. К. Боровков. Указ. раб., стр. 100.

ского языка. Поэтому тюркский литературный язык, существовавший до Навои, он считает *древнеуйгурским*²⁶.

А. А. Валитова язык «Айбат аль-хаканк» называет узбекским²⁷. Ш. Шукуров такие общезвестные памятники древнеуйгурского языка, как «Алтун ярук», «Гадательная книга» считает *староуйгурскими*, а Словарь Махмуда Кашгари, характеризующий состояние ряда племенных языков XI в., «Айбат аль-хаканк», «Тефсир», «Огуз-наме» объединяет в одну группу под общим названием «*староузбекская письменная литература и язык*» и приводит из этих памятников примеры, характеризующие *узбекский язык*²⁸.

Н. А. Баскаков «Огуз-наме» относит к группе памятников литературного языка улуса Чагатая²⁹. В другом же месте, ссылаясь на В. Банга, он «Огуз-наме» считает *древнейшим* памятником языка *огузов* и огузских родов, вошедших в племенной союз сельджуков, и ставит его рядом с огузскими элементами Словаря Махмуда Кашгари³⁰. А. М. Щербак считает, что язык «Сказания об Огузе» представляет собой среднеазиатское диалектное ответвление *карлукско-уйгурского языка*³¹. Э. И. Фазылов «Огуз-наме» и «Мухаббат-наме» считает памятниками *староузбекского языка*³².

В. В. Бартольд считал, что тюркская часть лексики словаря «Мукаддимат аль-Адаб» отражает среднеазиатский *тюркский* литературный язык XII—XIII вв.³³ Н. А. Баскаков «Мукаддимат уль-адаб», «Юсуф-у Зулейха», «Ревнак уль-ислам», «Огуз-наме» считает написанными на литературном языке улуса Чагатая³⁴.

Как известно, тюркская часть словаря аз-Замахшари была составлена самим автором по просьбе хорезмшаха Атсыза. Составитель словаря умер в 1148 г., а Атсыз умер в 1156 г.; что касается произведения Али, то, судя по одной дате, оно составлено в 1212 г., а по другой — в 1233 г. Напрашивается вопрос, правомерно ли будет считать эти два произведения памятниками языка улуса Чагатая, образование которого относится к более позднему периоду?

К. Броккельман в свое время язык «Кысса-и Юсуф» Али называл *древнеосманским*³⁵. Х. Флейшер именовал его *татарско-огузским*, возможно, называя татарами кыпчаков, как это было принято раньше³⁶. Татарские авторы Ш. Марджани, Б. Яфаров, Я. Агишев, Х. Усманов, Дж. Алмаз считают его *булгарским* или *булгаро-татарским*. Н. А. Баскаков язык «Нехдж-уль-фарадис», «Мухаббат-наме» Хорезми, «Хосров-у Ширин» Кутба, «Мирадж-наме» и т. д. называет просто *литературным языком Золотой Орды*³⁷.

²⁶ А. К. Боровков. Указ. раб., стр. 100.

²⁷ А. А. Валитова. Юсуф Баласагунский и его «Кутадгу билиг». М., 1951, стр. 25.

²⁸ Ш. Шукуров. Настоящие и будущие времена глагола в письменных памятниках староузбекского языка. М., 1960, стр. 4 и 10.

²⁹ Н. А. Баскаков. Введение..., стр. 306.

³⁰ Н. А. Баскаков. Тюркские языки, стр. 49.

³¹ А. М. Щербак. Огуз-наме, стр. 105.

³² Э. И. Фазылов. Категория залога в узбекском языке в сравнительно-историческом освещении. Ташкент, 1961, стр. 5.

³³ V. Barthold. Eine Zamahsari-Handschrift mit aitürkischen Glossaren.—«Islamica», Leipzig, 1926—1927, Vol. II.

³⁴ Н. А. Баскаков. Тюркские языки, стр. 177.

³⁵ C. Brockelman. Ali's Qissa-i Jusuf. Berlin, 1917.

³⁶ H. Fleischer. Catalogus codicum manuscriptorum orientalium Bibliothecae regiae Dresdensis seripsit. Lipsiae, 1891, № 49, стр. 72.

³⁷ Н. А. Баскаков. Тюркские языки, стр. 177.

Э. И. Фазылов «Кысас» Рабгузи относит к группе памятников *староузбекского языка*³⁸. М. Джолдасбеков «Мухаббат-наме» Хорезми, «Нехдж-уль-фарадис», «Кодекс-Куманикус», «Гулистан» Сайфа Саран, даже «Юсуф-у Зулейха» Дурбека относит к памятникам смешанного *огузско-кыпчакского языка*³⁹. А. М. Щербак письменную литературу, созданную в XIII—XIV вв., конечно, за исключением таких памятников, как «Кысас» Рабгузи, по территориальному признаку называет *золотоордынским*, испытавшим уйгурское влияние⁴¹. Кыпчакским, по его мнению, является и язык известного словаря, составленного арабским филологом в Египте в 1245 г. и опубликованного в 1894 г. в Лейдене на немецком языке Т. Хоутсма⁴². Курышжанов в своем еще неопубликованном переводе этого словаря называет его язык *древнекыпчакским*. Правильнее было бы называть его *старокыпчакским*⁴³.

А. Н. Самойлович язык «Хосров-у Ширин» Кутба называет *золотоордынским*⁴⁴. В том же труде язык литературы, созданной в XIII—XIV вв. в низовьях Сыр-Дарьи и в Хорезме, а следовательно, и язык «Хосров-у Ширин» Кутба он считает *огузско-кыпчакским*⁴⁵.

А. М. Щербак в своей «Грамматике староузбекского языка» привлекает в качестве базы все письменные памятники XIV—XVI вв., включая в орбиту своего исследования и литературу золотоордынского цикла. Естественно, основное место здесь занимают произведения Навои, Бабура, предшественников и старших современников Навои и др.⁴⁶

П. М. Мелиоранский по данным пяти рукописей словаря Ибн-Муханны признает язык этого словаря *древнеазербайджанским*⁴⁷. Подчеркиваем: *древнеазербайджанским*. С. Е. Малов на основе анализа лексики новой, шестой, рукописи этого словаря относит его к памятникам *восточно-туркестанского, кашгарского, уйгурского языков*⁴⁸.

Н. А. Баскаков язык памятника XIV в. «Мухаббат-наме» Хорезми считает *огузо-кыпчакским*, и, ссылаясь на свидетельство самого поэта о том, что поэму он писал на берегу Сыр-Дарьи, местом ее написания считает Хорезм. В другом месте, указывая на принадлежность языка Золотой Орде, Н. А. Баскаков называет язык этого памятника *восточно-золотоордынским*⁴⁹.

Ш. А. Файзуллаева в кандидатской диссертации, посвященной «Булгат аль-Муштак», язык этого словаря называет *тюркским и кыпчакским*⁵⁰. Она считает, что данный труд отражает историю развития двух крупных языковых групп тюркских народов. Одна группа — *кыпчакская*, и это, несомненно, так. Но остается неясным, какие же языки составляют вторую группу, которую автор именует *тюркской*?

³⁸ Э. И. Фазылов. Категория залога..., стр. 5.

³⁹ М. Джолдасбеков. Древнетюркские литературные памятники и их отношение к казахской литературе. Автореф. канд. дисс. Алма-Ата, 1969, стр. 9.

⁴⁰ А. М. Щербак. Огуз-наме.

⁴¹ Н. А. Баскаков. Введение..., стр. 177; Тюркские языки, стр. 57.

⁴² Н. А. Баскаков. Тюркские языки, стр. 57.

⁴³ Н. А. Баскаков. Введение..., стр. 274.

⁴⁴ А. Н. Самойлович. Указ. раб., стр. 6.

⁴⁵ Там же, стр. 21—22.

⁴⁶ А. М. Щербак. Грамматика староузбекского языка. М.—Л., 1962.

⁴⁷ П. М. Мелиоранский. Араб-филолог о турецком языке. СПб., 1900.

⁴⁸ С. Е. Малов. Ибн-Муханна о турецком языке. — ЗКВ, III. Л., 1928, стр. 247—248.

⁴⁹ Н. А. Баскаков. Введение..., стр. 353; Тюркские языки, стр. 56.

⁵⁰ Ш. А. Файзуллаева. Исследование языка памятника XIV в. «Китабу Булгат аль-Муштак фи лугат ат-турк ва-л Кыпчак». Ташкент, 1969, стр. 5.

В. Рахманов язык перевода «Гулистана» Сайфа Сарай, сделанного в 1391 г. в мамлюкском Египте, считает *староузбекским* (он даже утверждает, что поэт во второй половине XIV в. отправился в Египет)⁵¹.

Такая же непосредственность наблюдается и с терминами «чагатайский» и «староузбекский» язык.

Обычно в научном мире под «чагатайской литературой» подразумевают ту обширную тюркоязычную литературу, которая создавалась представителями ряда тюркоязычных народов и племен с XI по XIX вв. Язык этих памятников называют чагатайским. Учитывая неопределенность и расплывчатость этого термина, В. В. Радлов, П. М. Мелиоранский и А. Н. Самойлович предложили ограничить его употребление периодом правления Тимуридов.

А. М. Щербак считает целесообразным народный разговорный язык тюркоязычных народов Средней Азии называть *староузбекским*, а литературную форму этого разговорного языка — *чагатайским*⁵². А. К. Боровков в своей работе о «Тефсире» употребляет термин *староузбекский язык чагатайской эпохи*⁵³. В. В. Радлов пользуется терминами «так называемый чагатайский» и «восточно-тюркский или чагатайский»⁵⁴. А. Н. Самойлович называет *чагатайским* среднеазиатский тюркский язык XV—XVI вв. в оседлой части улуса Чагатай и в ряде других культурных очагов⁵⁵.

С. Е. Малов дальнейшее развитие западнотюркского языка, вытеснившего восточный δ -язык, называет *чагатайским*⁵⁶.

Н. А. Баскаков в своей классификации тюркских языков *чагатайский* и *староузбекский* языки приводит под разными номерами, считая язык тюркоязычной литературы Средней Азии XIII—XIV вв. *чагатайским*, а с XV в. — *староузбекским*⁵⁷. Однако иногда он прибегает и к очень неопределенному термину «так называемый чагатайский язык»⁵⁸, из которого в эпоху Навои сформировался *староузбекский* язык. Он говорит, что староузбекский язык возник в XV в., когда формировалась узбекская народность⁵⁹. Иногда он прибегает к термину *чагатайский язык улуса Чагатай*⁶⁰.

В. Д. Артамошина язык предшественников и старших современников Навои называет «тюркским среднеазиатским литературным языком периода Тимуридов», или, ссылаясь на то, что сами поэты этого периода свой язык называли тюрки, считает целесообразным назвать его сокращенно «*среднеазиатским тюрки первой половины XV века*»⁶¹.

Г. Ф. Благова, не решаясь четко высказать свое мнение, тюркский язык конца XV в. определяет как *так называемый «чагатайский» язык*, причем слово *чагатайский* ставит в кавычки⁶².

⁵¹ В. Рахманов. Узбекские переводы «Гулистана» Саади Ширази. Ташкент, 1968, стр. 7.

⁵² А. М. Щербак. Сказание об Огузе. М., 1951, стр. 14.

⁵³ А. К. Боровков. Лексика среднеазиатского тефсира. М., 1943, стр. 21.

⁵⁴ В. В. Радлов. Ярлыки Тохтамыша и Темир-Кутлуга. — ЗКВ, т. III, СПб., 1883, стр. 1—40.

⁵⁵ А. Н. Самойлович. Указ. раб., стр. 22.

⁵⁶ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 221—222.

⁵⁷ Н. А. Баскаков. Введение., стр. 395.

⁵⁸ Там же, стр. 305.

⁵⁹ Там же, стр. 307.

⁶⁰ Н. А. Баскаков. Тюркские языки, стр. 176.

⁶¹ В. Д. Артамошина. Условия формирования и некоторые особенности языка среднеазиатских поэтов — предшественников А. Навои. — В сб.: «Тюрко-монгольское языкознание и фольклористика». М., 1960, стр. 8.

⁶² Г. Ф. Благова. О характере так называемого «чагатайского» языка конца XV в. — В сб.: «Тюрко-монгольское...», стр. 30.

А. Кайдаров, говоря о последующих этапах развития уйгурского языка, считает, что в период XIII—XVI вв. уйгурский язык наряду с другими тюркскими языками являлся одним из основных компонентов так называемого *среднеазиатского «чагатайского» языка*⁶³. Еще один термин — *«среднеазиатский чагатайский»*.

Следует сказать несколько слов и о термине *хорезмийский*.

Э. Фазылов в своем труде «Староузбекский язык», не учитывая языковых особенностей таких памятников, как «Нахдж аль-Фарадис», «Хосров-у Ширин» Кутба, «Гулистан» Сайфа Сарая, «Мухаббат-наме» Хорезми и т. п., и не считаясь с местом их создания, определяет язык этих памятников общим термином *«староузбекский»* и все эти памятники называет *«хорезмийскими»*⁶⁴. Между прочим, термин *хорезмийский* в значении *хорезмский* встречается и у ряда других исследователей (Э. В. Севортян, Н. А. Баскаков, В. Д. Артамошина и др.). Так, З. Б. Мухамедова в автореферате докторской диссертации, говоря о языке словаря арабского филолога Абу-Хайяна, замечает, что в нем встречаются и арабизированные тюркизмы, и элементы *хорезмийского языка*. О каком языке идет речь — о тюркском языке населения Хорезма или о старом восточноиранском языке этой страны?

Мам представляется, что не следует отождествлять термин *хорезмийский* с более поздним *хорезмский*. Как известно, *хорезмийский язык* входил в семью восточноиранских языков Средней Азии. Этот язык в X—XIII вв. полностью ассимилировался с тюркским, и мы можем судить о нем лишь по некоторым трудам ученых-хорезмийцев на арабском языке, в частности по глоссам автора XIII в. Наджм ад-дина аль-Газмини аль-Хорезми.

Такого рода непоследовательность характерна для трудов по истории тюркских языков, особенно для диссертационных работ молодых ученых. Противоречивые высказывания, не подкрепленные глубоким и разносторонним сравнительным изучением памятников, осложняют работу по созданию крупных монографических исследований, исторических грамматик, историко-сравнительных и толковых словарей, а также затрудняют преподавание в высших учебных заведениях.

В настоящее время изучено довольно большое количество письменных памятников тюркских народов, а также других источников, характеризующих историю развития их языков. Настало время наметить конкретную программу изучения письменных и литературных памятников, вынести на обсуждение вопросы исторической этнолингвистической терминологии и многие другие, связанные с изучением истории тюркских языков.

⁶³ А. Кайдаров. Уйгурский литературный язык и вопросы разработки научных принципов терминологии. — В сб.: «Исследование по уйгурскому языку». Алма-Ата, 1965, стр. 6.

⁶⁴ Э. Фазылов. Староузбекский язык. Хорезмийские памятники XIV в. Ташкент, 1966.

А. Н. КОНОНОВ

В. В. БАРТОЛЬД—ВЫДАЮЩИЙСЯ ВОСТОКОВЕД

(К 40-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ)

В этом году 19 августа исполнилось сорок лет со дня смерти выдающегося ученого-востоковеда, питомца и профессора Петербургского (Ленинградского) университета, академика Василия Владимировича Бартольда, навсегда вошедшего в историю мирового востоковедения, открывшего новую страницу в истории изучения прошлого Средней Азии.

Когда пишешь о Василии Владимировиче Бартольде, то мыслью и пером движет чувство гордости за него и признательности к нему как человеку и ученому, так много сделавшему для славы отечественного востоковедения.

Теперь, когда со дня кончины академика В. В. Бартольда прошло сорок лет, мы со всей очевидностью видим, сколь велики были его заслуги перед наукой.

Для объективной оценки вклада любого ученого в развитие науки необходимо иметь ясное представление о состоянии данной отрасли науки до него.

История Востока как предмет преподавания впервые была введена в России, в Петербурге, в 1837 г. для слушателей Учебного отделения восточных языков при Азиатском департаменте МИД. Первым профессором истории Востока был Борис Андреевич Дорн.

Крупным исследователем истории Средней Азии был В. В. Вельяминов-Зернов, первый русский востоковед-академик (с 1858 г.).

По университетскому уставу 1863 г. — впервые в практике мирового востоковедения — была учреждена на Факультете восточных языков (ФВЯ) Петербургского университета кафедра истории Востока, которую занял Василий Васильевич Григорьев, первый университетский профессор истории Востока.

Преемником В. В. Григорьева, ушедшего в отставку в 1888 г., стал его ученик Николай Иванович Веселовский, впоследствии видный специалист по истории Средней Азии и крупный знаток истории русского востоковедения, остававшийся до 1896 г. единственным преподавателем по кафедре истории Востока ФВЯ Петербургского университета.

С 1896 г. начинается — в звании приват-доцента — преподавательская деятельность Василия Владимировича Бартольда.

Педагогическая и научно-исследовательская деятельность В. В. Бартольда с самого начала носит характерные для его личности черты творческой научной оригинальности и глубокого своеобразия, отличавшие Василия Владимировича от его предшественников.

В том же 1896 г. Василий Владимирович, тогда начинающий ученый, изложил свое сredo историка следующим образом: «...задачей историка является выяснение не только политической истории, но **всего строя жизни народов** в различные периоды их исторической жизни», так как «ход исторической жизни определяется преимущественно, хотя и не исключительно, экономическими условиями», а потому в исторических трудах следует отражать «ход развития земледелия, промышленности и торговли».

Первой большой работой В. В. Бартольда, ставшей классической и принесшей ее автору мировую известность и авторитет лучшего знатока истории Средней Азии, был «Туркестан в эпоху монгольского нашествия» (СПб., 1898—1900). Это исследование, по единодушному мнению специалистов, составило целую эпоху в изучении истории Средней Азии.

В. В. Бартольд соединял в себе черты оригинального ученого — историка и филолога, профессионально знавшего арабский, персидский и тюркские языки, умевшего читать на этих языках труднейших авторов, в совершенстве владевшего всеми методами филологического исследования.

Все работы В. В. Бартольда основываются на глубоком и всестороннем знании первоисточников на восточных языках. Лингвистические пассажи и многочисленные восточные этимологии, которыми изобилуют сочинения В. В. Бартольда, свидетельствуют о том, что он был отлично знаком с достижениями современного ему языкознания.

В. В. Бартольд являет собой образец востоковеда-историка, вооруженного всеми необходимыми знаниями востоковеда-филолога, востоковеда-лингвиста — нужно ли говорить насколько это важно?! Его переводы с восточных языков отличаются исключительной точностью и изяществом русского слога.

В. В. Бартольд как переводчик-художник дал блестящий русский перевод «Китаб-и Дедем Коркут» («Книга моего деда Коркута»), одного из интереснейших произведений тюркского эпоса.

Целеустремленность — отличительная черта характера В. В. Бартольда — сопутствовала ему на протяжении всей его сравнительно недолгой жизни. В Ленинградском отделении Архива АН СССР хранится тетрадь гимназиста 7 класса Бартольда (конспект по истории монголов), подтверждающая слова С. Ф. Ольденбурга о том, что Василий Владимирович «готовил себя к научной работе со школьной скамьи, это хорошо помнят его гимназические товарищи, это знают те, кто следил за его работой в Университете».

В. В. Бартольд — еще в начале своей исследовательской деятельности — четко и ясно определил свои методологические позиции, в частности в таких принципиальных и злободневных в свое время вопросах, как отношение Запада к Востоку и расовая проблема.

Уже в 1899 г. Василий Владимирович высказался по первому вопросу так: «...в Европе и в Азии действуют одни и те же законы исторической эволюции»¹. Это было сказано в то время, когда на Западе преобладало мнение, что «Восток есть Восток, а Запад есть Запад и никогда оба они не сойдутся, пока земля и небо не предстанут перед великим судилищем бога».

Что же касается расовой проблемы, то и здесь В. В. Бартольд оказался, как всегда, на высоте человеческого достоинства. «Человеческая культура, — писал В. В. Бартольд в 1915 г., — еще далеко не сказала своего последнего слова, а скажет ли его белая, желтая или черная раса, это в сущности все равно».

В. В. Бартольд как ученый и человек сложился и написал основную часть своих трудов, чуть ли не большинство из которых вошло в золотой фонд мировой востоковедной науки, — еще в дооктябрьскую эпоху, в период господства жесточайшей реакции и упадочничества.

В. В. Бартольд своими трудами проложил в науке новые пути или наметил трассы этих путей, по которым в основном и поныне развивается отечественное востоковедение, особенно в части изучения истории народов Средней Азии.

Оценка научного наследия и научной деятельности любого ученого требует, как известно, строго диалектического подхода, учитывающего факторы времени и места, то есть условий, в которых происходило формирование научного мышления ученого.

В оценке научного наследия и научной деятельности В. В. Бартольда некоторое время преобладали две крайние точки зрения. Сторонники первой из них безоговорочно признавали безусловную и непреходящую ценность всего, что вышло из-под пера ученого; сторонники второй, стоявшие на примитивно-вульгаризаторских позициях, отрицали все или почти все его научные заслуги, третировали его как буржуазного ученого.

Однако в последние, примерно, тридцать лет в науке утвердилась объективная и единственно верная точка зрения на значение научной деятельности В. В. Бартольда, основанная на разумных, устоявшихся и проверенных временем критериях оценки деятельности любой личности: по делам и трудам.

В. В. Бартольд жил, учился и работал в условиях деспотически-реакционного самодержавного режима. Но вся научная и научно-организаторская деятельность В. В. Бартольда убеждает в том, что его буржуазно-либеральные взгляды постепенно перерастали в критику (правда, осторожную критику) политики правительства на восточных окраинах царской России, отношения правительства к востоковедной науке и т. п. Однако сказанное не означает, конечно, что В. В. Бартольд из умеренного критика некоторых сторон деятельности царского правительства постепенно становился прямым его противником. Нет, этого утверждать нельзя.

В. В. Бартольд при всей своей научной и гражданской честности, при всей своей любви и преданности Родине и русской науке был и до конца дней своих оставался ученым старой школы, человеком, который, по его собственным словам, «как до, так и после революции (продолжал. — А. К.) стоять в стороне от политики».

При оценке научного мировоззрения В. В. Бартольда нельзя, не греша против упомянутого выше методологического положения диалектики,

¹ «Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества» (ЗВОРАО), т. XI. СПб., 1899, стр. 355.

требовать от В. В. Бартольда того, что естественно требовать от **нынешних советских ученых**.

Глубоко был прав А. Ю. Якубовский, сказавший, что «среди историков-востоковедов трудно найти ученого, который, еще не будучи марксистом, так глубоко подходил к изучаемой теме и так приближался в ряде вопросов по своим выводам к марксистским работам, как В. В. Бартольд».

В. В. Бартольд был ученым-общественником, ученым-организатором, что в его время, да нередко и теперь, далеко не всеми признается полезным и необходимым для ученого. В. В. Бартольд был ученым-общественником в том смысле, что в течение всей своей жизни активно служил **общественным** научным интересам как организатор многогранного научного процесса, имеющего целью **общественную** пользу.

Не лишне напомнить некоторые из **общественных** — научно-организаторских — обязанностей, которые нес В. В. Бартольд.

С 1903 по 1918 гг. — один из двух секретарей «Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии». С 1905 по 1912 гг. — секретарь Восточного отделения Русского археологического общества (РАО); с 1906 по 1910 гг. — секретарь Факультета восточных языков Петербургского университета; с 1908 по 1912 гг. — редактор «Записок Восточного отделения РАО» (ЗВОРАО); инициатор создания и редактор научного журнала «Мир Ислама», который по идее В. В. Бартольда не должен был быть «ни мусульманским и ни антимусульманским», хотя царское правительство в лице министра внутренних дел Макарова, по выходе в свет первого тома этого журнала (1912), пыталось оказать давление на В. В. Бартольда с целью превратить журнал в антимусульманский, антинаучный орган национальной политики царизма. В результате отказа В. В. Бартольда подчиниться диктату правительства он был отстранен от должности редактора. С 1909 г. В. В. Бартольд — руководитель студенческого «Кружка ориенталистов» Факультета восточных языков Петербургского университета.

После Октябрьской революции, которая выдвинула перед востоковедами новые задачи, для выполнения которых было создано много научных и учебных учреждений, В. В. Бартольд как опытный организатор науки получил широкое поле деятельности.

В. В. Бартольд принимал непосредственное участие в подготовительных работах по созданию Туркестанского, позднее (с 1923 г.) Среднеазиатского, ныне (с 1966 г.) Ташкентского государственного университета, который в то время учреждался в Ташкенте по декрету, подписанному В. И. Лениным 7 сентября 1920 г.

В. В. Бартольд был инициатором и руководителем «Радловского кружка» (1918—1930), объединившим не одних только тюркологов, председателем Коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР (1921—1930); ему же принадлежит инициатива создания координационного центра по работам в области тюркологии. С этой целью им была составлена в апреле 1927 г. «Записка об учреждении Туркологического института для систематизации и объединения туркологических работ самой Академии и тех учреждений, которые пожелают объединить с нею свои туркологические исследования». Эта «Записка» была через Президиум АН СССР представлена в СНК СССР.

Плодом этой инициативы В. В. Бартольда явилось создание «Туркологического кабинета» (1928—1930, сокращенно: ТУРК), который был размещен в двух комнатах его квартиры и которому он предоставил в пользование свою личную библиотеку.

После Октябрьской революции и до конца дней своих В. В. Бартольд состоял членом ученых советов почти всех петроградских — ленинградских гуманитарных учебных и научных учреждений: ЛГУ, ЛВИ, ГАИМК, Эрмитажа и ряда других.

В. В. Бартольд принимал участие в таких, казалось бы далеких от его основных научных интересов, работах, как создание латинизированной письменности для тюркоязычных народов, как подготовка к переизданию «Опыта словаря тюркских наречий» В. В. Радлова и многих других.

В. В. Бартольд — один из организаторов и участник Первого тюркологического съезда в Баку (февраль—март 1926), на котором он выступил с докладом «Современное состояние и ближайшие задачи изучения истории турецких народностей».

После революции связь В. В. Бартольда с научными центрами Средней Азии и Кавказа еще более окрепла; в двадцатых годах он читал лекции в университетах и институтах Ташкента, Баку, Москвы; посетил с научной целью Бухару, Хиву, Самарканд, Шахрисябз.

В 1926 г. В. В. Бартольд по приглашению Стамбульского университета прочитал там свои знаменитые 12 лекций по истории тюркских народов Средней Азии, слушать которые съехались многие востоковеды Западной Европы. По свидетельству драгомана Генерального Консульства СССР в Стамбуле М. С. Михайлова, сопровождавшего В. В. Бартольда, турецкие и западноевропейские ученые, слушавшие лекции В. В. Бартольда, в перерывах и по окончании лекций обменивались мнениями, вели научные споры. Самым верным и испытанным способом выиграть спор было сослаться на мнение В. В. Бартольда: «Aber Doktor Barthold sagt..!» — и все умолкали.

Теперь, когда мы все далее отходим от даты кончины В. В. Бартольда, когда все меньше остается тех, кто был лично знаком с ним или слушал его лекции, видел его на ученых заседаниях и собраниях, совершенно необходимо сказать хотя бы несколько слов о нем как человеке; это тем более необходимо, что о его личности еще при жизни ходили различные легенды и домыслы.

О честности Василия Владимировича, его прямоте, строгой научной принципиальности, которые нередко воспринимались многими, особенно критикуемыми им, как резкость и грубость, якобы ему присущие, очень хорошо сказал Н. Я. Марр, близко знавший его как в официальной, так и домашней обстановке: «Добродушнейшего Василия Владимировича боялись как огня; искренность поддержит без лишнего слова и в противнике; фальши никому не спустит, будь он родной брат...»

За внешней суровостью скрывалось добрейшее и щедрое сердце ученого и человека, который всегда с готовностью откликнулся на просьбу оказать материальную помощь бедному студенту, часами давал научные консультации, охотно поддерживал своих учеников. Презируя льстецов, лицемеров и карьеристов в науке, Василий Владимирович был также непреклонен и непримирим по отношению ко всему фальшивому, ненастоящему, неискреннему.

В. В. Бартольд был всемирно признанным научным авторитетом. Вот что писал в некрологе о В. В. Бартольде знаменитый французский ориенталист Поль Пельо: «Как благодаря обширности его познаний, так и благодаря пронизательности и тонкости критического ума труды Бартольда исключительны по своей фундаментальности и разнообразию. Никто не может сейчас занять место, оставленное этим великим ученым.

И, быть может, стоит напомнить, что по честности, беспристрастию и мужеству человек в нем был на той же высоте, что и ученый»².

Василий Владимирович Бартольд был подлинно русским ученым-интернационалистом, преданно и самозабвенно служившим своей Родине и отечественному востоковедению. Выходец из обеспеченной семьи и сам не бедный в прошлом человек, В. В. Бартольд не без гордости писал в своей автобиографии, что после революции никто из его родных не стал эмигрантом.

Прошло сорок лет со дня кончины В. В. Бартольда. Но дело всей его жизни — научные труды, числом приближающиеся к семистам, сохраняют для нас и сохраняют для грядущих поколений живым Василия Владимировича Бартольда — ученого, гражданина и человека. Осуществляемое в настоящее время переиздание его трудов является красноречивым выражением уважения и благодарности современных востоковедов своему ушедшему старшему коллеге, лучшей данью памяти выдающегося ученого и патриота, прославившего во всем мире нашу отечественную науку.

² P. Pelliot. W. Barthold. — «T'oung Pao», t. 27, 1930, 459.

В. И. АСЛАНОВ

М. А. КАЗЕМ-БЕК—ЯЗЫКОВЕД

«Давно уже доказано, что нет лучшего руководителя к достижению истины в исследовании народных древностей, как изучение языков...»

М. А. Казем-Бек

Имя М. А. Казем-Бека, одного из крупнейших русских востоковедов XIX в., пользовалось широкой известностью и всеобщим признанием во всем ученом мире. Об этом красноречиво свидетельствует одно только перечисление его ученых и почетных титулов и званий: доктор восточной словесности, член-корреспондент Академии наук в Санкт-Петербурге, член Географического и Нумизматического обществ в Санкт-Петербурге, заслуженный профессор Императорского Петербургского университета, почетный член Императорского университета в Казани, Иностраннный член Королевского Азиатского общества Великобритании и Ирландии, член Королевского общества северных антиквариев в Копенгагене, ординарный член Азиатского общества в Пари-

же, член-корреспондент Американского общества ориенталистов в Бостоне, трижды лауреат Демидовской премии.

Мирза Мухаммед Али—Александр Казем-Бек родился в 1802 г. Азербайджанец по национальности, мусульманин по вероисповеданию, М. Казем-Бек, едва достигнув совершеннолетия, был вынужден покинуть Родину и в дальнейшем принять христианство.

Горячая любовь к Востоку, неотъемлемой частью которого была его родина, рано пробудила в юном М. Казем-Бекке неодолимое желание посвятить себя его изучению, чтобы раскрыть перед всем западным ми-

ром сокровищницу древней восточной культуры, богатство и красоту языков народов Востока.

Позже в предисловии к «Дербенд-наме» М. Казем-Бек напишет:

«Когда я был 14-летним мальчиком, я хорошо помню, что публичное чтение «Дербенд-наме» с толкованием и замечаниями занимало в течение нескольких дней внимание небольшого круга любопытных и полуграмотных молодых людей Дербента, которые, к их чести, в скучные часы зимних вечеров собирались вместе и развлекались чтением из древних восточных рукописей популярных рассказов, новелл, относящихся к старине, к подвигам ее античных героев и смелости знаменитых искателей приключений»¹.

В совершенстве владея азербайджанским, персидским и арабским языками, М. Казем-Бек позднее изучил русский, английский, французский и немецкий языки. Глубокое знание Востока, энциклопедический ум, способность давать научную оценку историческим событиям, умение всесторонне анализировать поэтические произведения, рукописные тексты и языковые факты — все это снискало М. Казем-Беку славу патриарха русского востоковедения. Диапазон научных познаний М. Казем-Бека необъятен: он историк и этнограф, философ и мыслитель, переводчик и лексикограф, историк литературы, языковед и текстолог, педагог и методист.

В 1832 г. М. Казем-Бек издал «Асесб-ус-Сейяр или Семь Планет», в котором излагается история крымских ханов за период с 1466 г. по 1737 г. «Это превосходное издание сочинения, написанного цветистым языком, разом доставило Казем-Беку почетную известность между ориенталистами»².

После двадцатитрехлетней плодотворной работы в Казанском университете (1826—1849) М. Казем-Бек был переведен в Петербургский университет. Ученик М. Казем-Бека проф. И. Н. Березин на проводах своего учителя прочитал стихотворное посвящение, содержавшее следующие пророческие строки:

И верю я, и верите все вы,
Что честно он свой подвиг трудный
Свершит на берегах Невы
В Пальмире северной и чудной;
Что там еще он много лет
С премудростью ориентальной
Знакомить будет русский свет³.

Историограф Санкт-Петербургского университета В. В. Григорьев впоследствии писал:

«Преемником Мирзы Джафара⁴ на кафедре персидской словесности явилась одна из замечательнейших в настоящее время личностей не только у нас, но в целой Азии и целой Европе — азиатец с глубоким мусульманским образованием, соединяющий основательное знакомство с ученостью европейской, владеющий одинаково как арабским, персид-

¹ *Derbend-Nâmeh, or the History of Derbend; translated from a Select turkish Version and published with the texts and with Notes, illustrative of the history, geography, antiquities and etc. by Mirza A. Kazem-Beg, St.-Petersburg, 1851, p. V.* (перевод наш. — В. А.).

² *И. Н. Березин. Александр Касимович Казем-Бек. «Протоколы Заседаний Совета Петербургского университета». СПб., 1872, № 4, стр. 104.*

³ Там же, стр. 115.

⁴ Имеется в виду азербайджанский ученый, профессор Петербургского университета М. Д. Топчибашев. — В. А.

ским и турецким, так английским, французским и русским языками, и на всех шести языках писавший и печатавший»⁵.

В. В. Бартольд считал, что проф. М. Казем-Бек и И. А. Сенковский являлись основателями русского востоковедения и что почти все русские ориенталисты последующих поколений были либо учениками этих ученых, либо учениками их учеников.

В тюркологию М. Казем-Бек вошел как основоположник сравнительно-сопоставительного изучения тюркских языков. Хорошо зная существовавшие в его время описательные грамматики ряда живых тюркских языков (в основном турецкого, татарского, чувашского), написанные как западноевропейскими, так и русскими лингвистами, М. Казем-Бек уже в 1836 г. приступил к созданию своей «Граматики турецко-татарского языка», которая еще при жизни ученого выдержала два издания. Немецкий ученый Ценкер, учитывая оригинальность и научное значение этой работы, перевел «Общую грамматику турецко-татарского языка» на немецкий язык и издал ее в 1848 г. в Лейпциге.

«Грамматика» М. Казем-Бека, состоящая из трех частей, написана с привлечением фактов из турецкого, азербайджанского, чувашского, чагатайского, ногайского, монгольского языков, а также языков казанских, сибирских, оренбургских и крымских татар.

Этимологические изыскания ученого, изложенные в его «Грамматике», не потеряли своего научного значения и по сей день.

Производные глаголы, образованные с помощью аффикса *-(а)л-*, включаются М. Казем-Бек в категорию составных глаголов, ибо, по его мнению, они исторически восходят к сочетанию имени с вспомогательным глаголом *ол-*, т. е. глагол *гочал-* «состариться» восходит к *гоча+ол-*, *юхал-* < *юх+ол-*, *чохал-* < *чох+ол-* и т. п. (см. 1839/181)⁶.

Недостаточный глагол *и-||ир-* М. Казем-Бек вводит в разряд вспомогательных глаголов (1846/192). Приводя его полное спряжение и называя «неправильным вспомогательным глаголом *ол-*», автор заключает:

«Рассмотрев все эти формы, нам представляется мысль, что в древнейшем тюркском языке, кроме *اولمق улмагк*, вероятно, находилось еще неопределенное *ایمک имек* или *ایرمک ирмек* (соответствующее персидскому, может быть в самом деле древнему *هستن هستен*), которое вышло из употребления» (1846/192).

Мнение о том, что аффикс *-дыр||-дир||-дур||-дүр* исторически восходит к глаголу *дур-*, было впервые высказано М. Казем-Бек:

«...Можно думать, что в древности, когда еще *дир* или тому подобные звуки еще не образовали характеристического окончания третьего лица, тюрки всегда обходились без подобных личных наращений. Но постоянно употребляя вспомогательный глагол *турмагк* с прочими глаголами для выражения продолжения действия в настоящем времени, третье лицо *турур* нечувствительно они ввели в свой язык как уже личное окончание третьего лица всех глаголов, которое со временем вошло в состав неопределенного вспомогательного и сократилось на *дур||дир||дурур*.

Монголы тоже приняли его в настоящее время изъявительного наклонения и им же выражали третье лицо единственного числа личного

⁵ В. В. Григорьев. Императорский С.-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. Историческая записка. СПб., 1870, стр. 256.

⁶ Здесь и далее первые цифры в скобках означают год издания «Граматики» М. Казем-Бека, вторые — страницу этого издания.

местоимения (*тора* или *дера*). Итак *йазатура* или *йазатуруп* сократилось на *йазадур* или на *йазадируп* (1846/207).

Как писал М. Казем-Бек, татары Севера для выражения многократности действия в то время еще употребляли сочетание спрягаемого глагола в форме деепричастия на *-а* и глагола *тур-*. В качестве примера М. Казем-Бек приводит слово *баратур-* «продолжать идти», *яза тур-* «продолжать писать» и т. д. (1839/340).

Точно такую же форму М. Казем-Бек обнаруживает в ряде диалектов (у М. Казем-Бека — наречий) азербайджанского языка: *йазадыр* и *йазады* или *йазыры* (1839/292).

Отмечая, что в тюркских языках имеется семь падежей, в том числе и не характерный для тюркских языков звательный (1839/51), автор нигде больше о нем не упоминает.

Весьма интересны высказывания М. Казем-Бека о вопросительном местоимении *на* «какой» в азербайджанском языке (в татарском — *га*). «Азербиджанцы никогда не употребляют его одного без *сы* разве только в творительном (местном. — В. А.) и местительном (местном. — В. А.) падежах в виде наречий; точно так же делают татары. Нельзя сказать *ها ادم* или *قا ادم*, а должно *ها سي ادم* или *قايسي ادم* или *قا يو ادم* между тем как говорят: *هانندن* *һандан* или *һаннан* откуда? *هاندا* *һанда* где?» (1846/122). По мнению М. Казем-Бека, наречие *һара* восходит к сочетанию *һа* и *јер* (1846/122).

М. Казем-Бек дает подробный сравнительный анализ залоговых форм глагола в тюркских языках. При этом аспекты возможности-невозможности глагола им также рассматриваются как залоговые формы: «Сверх этих родов глагола в татарских наречиях есть еще учащательный, который соответствует нашему (русскому. — В. А.) многократному. Он составляется из всех прочих родов чрез прибавления *غيلاي* *гилай* или *كيلاي* *гилай* пред личными наращенными» (1839/178).

Уже во втором издании М. Казем-Бек добавляет:

«Если подозревать в этом *كيلاي* или *غيلاي* корнем глагол *قيليق* «делать», тогда надо думать, что сей разряд глаголов в древности принадлежал к глаголам составным. В монгольском языке наращение *ккила* образует, напротив, род уменьшительных глаголов, которые выражают действие, редко происходящее» (1846/172).

К составным глаголам М. Казем-Бек относит глаголы типа *اليقومي* *аликумагк*, *قويويرمك* *кюювирмек*, сочетание антонимичных пар глаголов, где первый компонент употребляется в форме древнего деепричастия на *-у*, а второй — является спрягаемым, типа *алыб-вермек*, *отуруб-дурмаг*. По его мнению, к составным глаголам относится и форма глаголов, выражающая многократность действия: она состоит из деепричастия спрягаемого глагола на *-а* и глагола *тур-* «встать», «продолжать»: *бара тур-* «продолжать идти», *яза тур-* «продолжать писать» (1839/340).

В таблице спряжений глагола азербайджанского языка М. Казем-Бек дает ряд диалектных вариантов одной и той же формы. Приводится полная парадигма глагола дербентского наречия. Автор отмечает, что в ряде провинций глагол *севирем* имеет форму *севирен*, в третьем лице единственного числа — *севири* (1839/319).

Интересно мнение М. Казем-Бека о природе так называемого *сагирнун*. Он отмечает, что часто в тюркских языках звуки *н* и *г* сливаются и образуют один носовой звук. «...Правило благозвучия в наречиях, отличающихся между собой постепенною мягкостью или грубостью, подвер-

гает выговор этого двойного звука различным изменениям, представляющим слуху лингвиста одно из ощутительнейших идиоматических различий языка... В чагатайском, адирбиджанском, крымском и других наречиях этот грубый звук постепенно, т. е. сообразно с требованием благозвучия каждого идиома, смягчается то в носовой *g*, то в носовой *n*, то в чистый *n*, и даже иногда в гласную *y*, которая в разговорном языке нередко превращается в *v*» (1846/18—21).

Особый интерес представляет часть «Грамматики» М. Казем-Бека, посвященная синтаксису тюркских языков. Об этой части «Грамматики» И. Н. Березин писал:

«Без всякого сомнения, словосочетание есть труднейший отдел грамматики в языках персидском и турецком... Г. Жобер только при втором издании «*Elements de la Grammaire turque*» покусился на составление турецкого словосочинения, но у него так сбивчива, так бедна эта часть грамматики, что даже не может назваться тенью синтаксиса. Поэтому Казем-Беку предстоял совершенно новый путь, неиспытанный, и должно признаться, что ученый-издатель «Семи Планет» с честью прошел по трудной дороге и далеко проник в темные области турецкого словосочинения»⁷.

В разделе о согласовании М. Казем-Бек анализирует случаи согласования подлежащего со сказуемым в лице и числе. Он отмечает, что определение в тюркских языках предшествует определяемому и ни в чем с ним не согласуется. «Иногда турки, следуя правилу персидского языка, употребляют прилагательные после существительного, в таких случаях... склоняется прилагательное, которое всегда ставится в единственном числе» (1839/408).

М. Казем-Бек указывает, что подлежащее всегда стоит в именительном падеже; сказуемое же, если оно именное, может быть в любом падеже. После подробного анализа отдельных типов именных словосочетаний, автор переходит к глагольному управлению. Примечателен тот факт, что глагольное управление анализируется исходя из семантических признаков глагола. Вслед за этим рассматриваются функциональные трансформации глагольных наклонений и времен в зависимости от контекста, порядок слов в предложении, «взаимное соединение фраз или предложений» с помощью союзов и деепричастных форм.

«Грамматика» М. Казем-Бека сразу по выходе ее в свет принесла автору заслуженное признание как в России, так и в Европе. Она была представлена на соискание Демидовской премии и с этой целью послана академику Б. А. Дорну на отзыв. Б. А. Дорн дал высокую оценку труду М. Казем-Бека, признав его «Грамматику» лучшей из всех существующих:

«...Надобно было именно желать, — писал он, — чтобы труд сей был предпринят уроженцем Востока, который, соединяя в себе европейское образование с природным знанием языка, был бы, так сказать, с колыбели посвящен во многие тонкости языка, ускользящие и от самого прилежного и внимательного Европейца... Преимущества труда Казем-Бека перед всеми ему предшествовавшими многочисленны.

...Турецкий и татарский языки сличены между собою, взаимно пояснены один другим и изложены пред нами в многообразных своих наречиях. Особенно признательности знатоков заслуживают поучения о Дербендском, а еще более о доселе почти вовсе неизвестном, но теперь выясненном Мирзою Казем-Беком Адирбиджанском наречии, потому что оба

⁷ И. Н. Березин. Дополнения к тюркской грамматике. СПб., 1846, стр. 22

имеют довольно особенностей, поощряющих к дальнейшим изысканиям, и преимущественно адирбиджанский, весьма важный для наших кавказских училищ»⁸.

М. Казем-Бек упорно и плодотворно занимался проблемой лексического заимствования. В статье «Объяснение русских слов, сходных со словами восточных языков» он писал:

«Язык народа растет вместе с ним, развивается вместе с его понятиями, обогащается обстоятельствами внутренней и внешней его жизни; совершенствуется его собственными успехами на пути просвещения. У всякого народа язык состоит из двух элементов: выражений идей внешних представлений и выражений идей внутренней жизни. Изобилие первых составляет богатство языка, богатство вторых — просвещение народа.

Сознание необходимости подчинить своему духу, своим собственным законам формальной стройности языка все, что народ приобрел чужого, по каким бы то ни было отношениям, составляет самобытность языка. Здесь часто являются борьба и перевороты в системе языкознания; но самобытность языка узнается там, где народный дух преодолевает все затруднения и держится только своего внутреннего закона»⁹.

В начале второй половины XIX века Императорская Академия наук решила приступить к составлению «Полного словаря русского языка» под руководством академика И. И. Срезневского. И. И. Срезневский предложил М. Казем-Беку принять участие в составлении этого словаря и дать толкование простонародных областных слов, заимствованных в русский язык из тюркских.

М. Казем-Бек с готовностью принял это предложение и через некоторое время представил этимологический анализ слов в русских говорах, на буквы А и Б, заимствованных, по его мнению, из восточных языков.

До М. Казем-Бека всякое слово, сомнительное по своему звучанию с точки зрения фонетических законов русского языка, считали заимствованием тюркского или вообще восточного происхождения. Вот что писал по этому поводу М. Казем-Бек:

«Я на это дело смотрю иначе. Живя в России более 25 лет, я хорошо ознакомился с русским языком. Он также разнообразен, многосторонен, можно сказать, радушен и гостеприимен, богат источниками, обремен витийством, вообще великолепен и наконец самостоятелен, как народ русский, как вся Россия... Если позволительно фантастически выражаться, чем и нельзя не увлечься, говоря о языке русском, то я скажу, что язык этот, дав науке место в своих чертогах, разместил и свиту ее в лучших своих храминах... Дух русского языка никогда не подчинял себя управлению; напротив, доказал и всюду нам доказывает, как он берег, сохранил и сбережет до конца свою неизменную и ничем непоколебимую самобытность, при впадении в него многообразных, чуждых слов, невольно подчинившихся его всепокоряющему духу, как нерушимой скале. Он, как море, поглощает в себя все и, как невмещаемое вместилище, претворяет все в свою стихию, что падет в него»¹⁰.

⁸ Б. А. Дорн. Грамматика турецко-татарского языка, составленная Мирзю Александром Казем-Бекком. — «Журнал Министерства Народного Просвещения». М., 1841, ч. XXXII, стр. 85—86.

⁹ Известия II отделения Императорской Академии Наук. СПб., 1852, стр. 125—125.

¹⁰ Об этнографическом исследовании русских слов, усвоенных местными тюркскими наречиями в России. — «Вестник Императорского русского географического общества». СПб., 1852, т. I, отд. VI, стр. 2.

Особенно интересны некоторые примеры разработанной Казем-Бек-ом этимологии заимствованных тюркских слов. Слово *боярин*, например, в русском языке, по мнению М. Казем-Бека, восходит к сочетанию тюркских имен *бай* «богатый» и *яр* «муж». Хотя в лингвистической литературе существуют и другие версии этимологии данного слова, однако большинство языковедов считают этимологию, предложенную М. Казем-Бек-ом, более вероятной.

Слово *вира* со значением «сбор», «пеня» у славян и древних руссов восходит, по мнению М. Казем-Бека, к тюркскому глаголу *бир-* или *вир-* «давать». Не настаивая на правильности этимологии Казем-Бека, можно однако сказать, что этимологический анализ этого слова, предложенный Карским, Уленбеком, Преображенским, Ф. Миклошичем, является менее убедительным.

В 1854 г. вышли из печати «Учебные пособия для временного курса турецкого языка», составленные М. Казем-Бек-ом. «Пособия» состояли из трех частей: в первой части давался краткий грамматический очерк турецкого языка, во второй — хрестоматия различных почерков арабского письма, третья часть представляла собой русско-турецкий словарь, включающий около 3000 слов. В конце словаря приводился список 6.764 восточных слов: турецких, арабских и персидских. К словарю прилагался алфавитный список собственных имен, носящий справочный характер. Для наглядности приведем один пример из этого списка.

«Узу — имя племени тюркского, которое с половины XI в. усилилось на Востоке и частью простирало свое могущество до Сирии. Его рассматривают как соплеменное с тюркманами и династия их называется Уртокской, которая делится на два отделения: кифасское (от начала VI по начало VIII гиджра) и мияфарикинское (с исхода V по начало VII гиджра). По указанию Фехим-Эфендия, автора «Сефинет-уш-Шуэра» — перевода «Биографии поэтов», известный поэт Хакани на пути в Мекку или из Мекки попался в плен узукскому народу, который тот же автор в другом месте именуется урусским, т. е. русским. Но из оды Хакани, которую я имею с толкованием, не видно где он находился в заточении. В «Тезкирет-уш-Шуэра» также о нем нет ни слова, на который Фехим-Эфенди ссылается. Все, что можно сказать, судя по содержанию оды Хакани, он был в заточении у греков и скоро освобожден, а биографы, не имея понятия ни о географии, ни современной истории, запутали имена и обстоятельства».

В 1851 г. М. Казем-Бек издал в Санкт-Петербурге «Дербенд-наме» с переводом на английский язык. В вводной части сообщаются ранние сведения о «Дербенд-наме», объясняются причины существования различных версий, дается описание известных Казем-Беку списков «Дербенд-наме», а также обосновывается выбор М. Казем-Бек-ом данного списка как основы для его научно-критического текста и т. п.

Далее приводится текст оригинала «Дербенд-наме» в арабской графике на азербайджанском языке с переводом на английский язык, рассматривается анализ каждой главы, данный Байером либо Клапротом. Затем под рубрикой «Замечания» следует историко-этимологический анализ отдельных слов. По поводу «Замечания» М. Казем-Бек пишет: «Мои замечания и иллюстрации имеют отношение к разночтениям, к этимологическим, филологическим, географическим и чисто историческим вопросам в целом» (стр. XIX).

В приложении к «Дербенд-наме» приводятся отрывки из сочинений Табари, Ибн-уль-Аасама, Муллы Рафи и др.

Примечательно, что «Замечания» М. Казем-Бека составляют добрую половину книги, состоящей из 245 страниц.

Некоторое представление о научной значимости этих замечаний можно составить хотя бы на основании следующего примера:

«Азәрбайган — этимология этого слова, принимаемая почти всеми, восходит к сочетанию *آذر* «огонь» и *بايگان* или *بادکار* «содержащий». Это известно всем, кто обратился к «Словарю» Менинского: однако автор «Бурхани-Гати» дает нам другое любопытное толкование, которое я предоставляю тут читателю: «Когда Огуз покорил тот район, то поля и рощи Ауджана — одной из областей Азербайджана, ему понравились. Он велел каждому человеку этой страны привезти горсть земли и бросить на том месте. Все его войска и все его люди поступили точно так же. Таким образом там образовался большой холм и тот холм он назвал Азербайган, ибо *азер* по-тюркски означает «высокий», а *байган* — «великий и прославленный муж». И то место он назвал этим именем, арабизированная форма его — Азербайджан» (стр. 24) (перевод наш. — В. А.).

Труды М. Казем-Бека указывают на то, что он на протяжении всей своей научной деятельности интересовался вопросами ономастики. Хотя в его работах этот термин прямо и не упоминается, тем не менее элементы занятия ономастикой мы обнаруживаем не только в «Учебных пособиях для временного курса турецкого языка» и в «Дербенд-наме», но и во всех других его работах. Может быть этим объясняется и то, что М. Казем-Беком было задумано составление большого географического словаря, работу над которым прервала его смерть, наступившая 27 ноября 1870 г.

Как сообщает дочь М. Казем-Бека, Ольга Баратынская, написавшая научную биографию своего отца, весь архив ученого после его смерти был приобретен Петербургским университетом.

В настоящее время не все высказывания М. Казем-Бека о грамматике тюркских языков сохранили свое научное значение. И все же, по словам самого М. Казем-Бека, он был «счастлив тем, что первый мог писать так пространно об этом предмете».

Со свойственным большому ученому великодушием и прозорливостью он писал:

«Может быть не пройдет много лет, как появится на русском языке собрание синтаксических правил турецкого языка полнее и подробнее моего. От искреннего сердца желаю полного успеха моим последователям на сем поприще»¹¹.

¹¹ М. Казем-Бек. Общая грамматика турецко-татарского языка, 1846, стр. VII.

М. Ш. ШИРАЛИЕВ

Н. И. АШМАРИН И РАЗВИТИЕ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ

(К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

Член-корреспондент Академии наук СССР, профессор Николай Иванович Ашмарин был одним из крупных ученых-тюркологов, обогативших своими трудами отечественную науку.

Будучи основоположником чувашского языкознания, Н. И. Ашмарин много работ посвятил и другим тюркским языкам, в частности азербайджанскому. За короткий период своей деятельности в Азербайджане (с 1923 по 1926 гг.) Н. И. Ашмарин внес большой и ценный вклад в развитие азербайджанского языкознания.

В 1924 г., выполняя поручение «Общества по обследованию и изучению Азербайджана», Н. И. Ашмарин разработал программу и инструкцию по составлению словаря тюркских народных говоров Азербайджана. На основе этой программы азербайджанские языковеды приступили в 1926 году к собиранию материала в районах республики и провели большую работу по изучению диалектов и говоров.

В 1926 году в Баку состоялся Всесоюзный Тюркологический съезд, на котором Н. И. Ашмарин выступил с докладом «Кое-что о прошлом тюркологии и ее настоящем состоянии», в котором наметил конкретные задачи дальнейшего развития советской тюркологии: «...следовало бы приступить к внимательному изучению отдельных диалектов. Для этого необходимы трудолюбивые работники на местах, которые посвятили бы себя исследованию отдельных местных диалектов в связи с жизнью данного народа и всеми особенностями его существования. Необходимо собирать и изучать народную словесность, старые рукописи, редкие книги, эпиграфы, древние надписи на стенах зданий и т. п. Следует собирать

сведения о памятниках старинного письма, находить и издавать эти памятники»¹.

В результате реализации поставленной задачи в 1930 году вышел из печати 1-й выпуск (буква «А») и в 1931 году 2-й выпуск (буква «В») 1-го тома словаря тюркских народных говоров Азербайджана.

Широкая общественная, организаторская и педагогическая деятельность Н. И. Ашмарина в Азербайджане — лишь часть того большого вклада, который внес ученый в развитие азербайджанского языкознания и тюркологии. Главная заслуга Н. И. Ашмарина в этой области — монографическое исследование нухинского диалекта, одного из самых интересных азербайджанских диалектов как с точки зрения фонетики и грамматики, так и интонации. Вышедшая из печати в 1926 году книга Н. И. Ашмарина «Общий обзор народных тюркских говоров гор. Нухи» является первой попыткой монографического исследования диалектов и говоров азербайджанского языка. Сам автор в предисловии писал:

«Звуковая сторона описываемых здесь говоров, — так же как и других народных тюркских говоров нашего Азербайджана, — до сих пор совсем не привлекала к себе внимания исследователей, и настоящий труд, насколько он ставит своей целью изучение определенной, тесно локализованной группы диалектов, является, если я не ошибаюсь, первым»².

В связи с тем, что эта монография Н. И. Ашмарина в настоящее время является библиографической редкостью и малодоступна читателю, позволим себе вкратце остановиться на основных моментах ее содержания.

В предисловии книги охарактеризованы особенности и отличительные черты нухинских говоров, приведены краткие сведения о Нухе и нухинском крае; даны пояснения к принятым сокращениям. В первой части книги подробно описаны звуки нухинских говоров, во второй — употребление отдельных звуков, в третьей — анализируется структура тюркского слова, четвертая часть — посвящена описанию частей речи. В конце книги даны три приложения, в которых приводятся загадки и пословицы, бытующие в Нухинском районе, некоторые грамматические формы из других говоров, названия окрестных и ближних от Нухи селений.

Как известно, самым сложным вопросом в монографическом описании диалектов является выявление в них специфических звуков и их вариантов, а также установление соответствующей транскрипции. Несмотря на то что нухинский диалект является одним из наиболее сложных, Н. И. Ашмарин прекрасно справился со стоявшими перед ним задачами. Для нухинского диалекта характерны специфические звуки, радикальные фонетические комбинации, сплошь и рядом подрывающие агглютинативный принцип словообразования и словозменения. Все эти трудности не помешали Н. И. Ашмарину (не являвшемуся специалистом в области огузских тюркских языков) выявить звуковой состав нухинского диалекта и дать его синхронное описание.

Помимо фонологической характеристики звуков, автор подробно вскрывает все процессы, которыми сопровождается динамика нухинского диалекта в области фонетики.

Звуковые переходы и чередования в диалекте мотивированы, как правило, указывается и та фонетическая позиция, при которой они воз-

¹ Первый Всесоюзный Тюркологический съезд, 26 февраля — 5 марта 1926 г. (Стенографический отчет). Баку, стр. 146.

² Н. И. Ашмарин. Общий обзор народных тюркских говоров гор. Нухи. Баку, 1926, стр. 3.

можны. Исчерпывающе охарактеризована артикуляция отдельных фонем (уточнение данной характеристики часто бывает возможно лишь при помощи экспериментальной фонетики).

Основная заслуга Н. И. Ашмарина заключается в том, что он впервые выявил целый ряд фонетических особенностей, свойственных нухинскому диалекту. Некоторые из этих особенностей были впоследствии обнаружены и в других азербайджанских диалектах. Н. И. Ашмарин раскрыл полную картину долгих гласных в нухинском диалекте³, выявил носовые варианты гласных *a, y, ä, i, u, ü, o* и показал, что эти гласные восходят к исчезнувшему *n*, *η* или же они приобретают носовой оттенок благодаря последующему *n*; например: $\tilde{a}$: $\tilde{d}\tilde{a}$ < $\tilde{d}\tilde{a}\eta$ «заря», $\tilde{d}\tilde{o}\tilde{a}\eta$ < $\tilde{d}\tilde{o}\tilde{a}\eta$ «замерзнет», $\tilde{m}\tilde{a}\tilde{a}$ < $\tilde{m}\tilde{a}\tilde{a}\eta$ «мне» и т. д. В результате стяжения получилось $\tilde{a}$: $\tilde{m}\tilde{a}$ < $\tilde{m}\tilde{a}\tilde{a}$ < $\tilde{m}\tilde{a}\tilde{a}\eta$ «мне», $\tilde{s}\tilde{a}$ < $\tilde{s}\tilde{a}\tilde{a}$ < $\tilde{s}\tilde{a}\tilde{a}\eta$ «тебе»; $\tilde{y}$: $\tilde{j}\tilde{e}\tilde{r}\tilde{y}\tilde{y}$ < $\tilde{j}\tilde{e}\tilde{r}\tilde{y}\tilde{y}\eta$ < $\tilde{j}\tilde{e}\tilde{r}\tilde{e}\tilde{n}\tilde{i}$ «твою землю». Из более раннего *yü* образовалось $\tilde{y}$: $\tilde{a}\tilde{t}\tilde{y}$ < $\tilde{a}\tilde{t}\tilde{y}\tilde{y}$ < $\tilde{a}\tilde{t}\tilde{y}\tilde{y}\eta$ «твоей лошади»; $\tilde{a}$: $\tilde{r}\tilde{a}\tilde{h}\tilde{s}\tilde{i}\tilde{z}$ < $\tilde{r}\tilde{a}\tilde{n}\tilde{h}\tilde{s}\tilde{i}\tilde{z}$ < $\tilde{r}\tilde{a}\tilde{n}\tilde{g}'\tilde{s}\tilde{i}\tilde{z}$ «бесцветный». Более раннее $\tilde{a}\eta$ развилось в $\tilde{a}$: $\tilde{b}\tilde{a}\tilde{z}$ «лицо»; $\tilde{i}$: $\tilde{g}'\tilde{a}\tilde{v}\tilde{a}\tilde{h}\tilde{i}\tilde{n}$ «лемех»; $\tilde{u}$: $\tilde{d}\tilde{o}\tilde{u}\tilde{r}$ < $\tilde{d}\tilde{o}\tilde{u}\tilde{r}\eta$ «мерзнет», $\tilde{j}\tilde{e}\tilde{r}\tilde{u}\tilde{u}$ < $\tilde{j}\tilde{e}\tilde{r}\tilde{u}\tilde{u}\eta$ «твоей земли; твою землю». Из более раннего *üü* возникло $\tilde{ü}$: $\tilde{a}\tilde{l}\tilde{ü}$ < $\tilde{a}\tilde{l}\tilde{ü}\tilde{u}$ < $\tilde{a}\tilde{l}\tilde{ü}\tilde{u}\eta$ «твоей руки; твою руку»; $\tilde{ü}$: $\tilde{k}'\tilde{ü}\tilde{s}\tilde{s}\tilde{i}\tilde{z}$ < $\tilde{k}'\tilde{ü}\tilde{h}\tilde{s}\tilde{s}\tilde{i}\tilde{z}$ «без угла»; $\tilde{o}$: $\tilde{d}\tilde{o}\tilde{d}\tilde{y}^i$ < $\tilde{d}\tilde{o}\tilde{h}\tilde{d}\tilde{y}^i$ «он замерз», $\tilde{t}\tilde{ü}\tilde{f}\tilde{a}\tilde{n}\tilde{g}'\tilde{o}\tilde{o}$ < $\tilde{t}\tilde{ü}\tilde{f}\tilde{a}\tilde{n}\tilde{g}'\tilde{o}\tilde{h}\tilde{o}$ «твоего ружья; твое ружье» (род. и вин. падежи). Прежнее *oo* преобразовалось в $\tilde{o}$: $\tilde{a}\tilde{l}\tilde{o}$ < $\tilde{a}\tilde{l}\tilde{o}\tilde{o}$ < $\tilde{a}\tilde{l}\tilde{o}\tilde{h}\tilde{o}$ «твою руку».

Дальнейшее монографическое исследование диалектов и говоров азербайджанского языка впоследствии показало, что носовые гласные встречаются не только в нухинском, но и в других диалектах и говорах.

Н. И. Ашмариным выявлен согласный мягкий «х». Фонологическую характеристику этого звука он определяет следующим образом: «х' — почти соответствует по выговору русскому «х» в «хитер» (при более вялом произношении этого слова), немецк. *ch* в «*ich*», но имеет более переднюю артикуляцию; встречается обыкновенно в качестве конечной согласной в словах с гласными переднего ряда, в других же положениях, по-видимому, должен быть рассматриваем как звук отживающий, параллельно которому возник новый — смягченное «h»: $\tilde{s}\tilde{o}\tilde{g}\tilde{a}\tilde{h}'$ «хлеб», $\tilde{i}\tilde{n}\tilde{a}\tilde{h}'$ «корова», $\tilde{r}'\tilde{u}\tilde{g}\tilde{i}\tilde{h}'$ «свежие молодые листья тутового дерева»; $\tilde{i}\tilde{l}\tilde{i}\tilde{h}'$ «костный мозг»⁴.

Впоследствии было установлено, что звук *х'* является особенностью западных, северных и южных диалектов и говоров азербайджанского языка и встречается в конце слов с гласными переднего ряда; в восточной группе диалектов и говоров этому звуку соответствует *g'*, например: $\tilde{i}\tilde{n}\tilde{a}\tilde{h}'$ (запад., север. и южн.), $\tilde{i}\tilde{n}\tilde{a}\tilde{g}'$ (вост.) «корова», $\tilde{i}\tilde{g}\tilde{a}\tilde{h}'$ (запад., север. и южн.), $\tilde{i}\tilde{g}\tilde{a}\tilde{g}'$ «краска» (вост.), $\tilde{o}\tilde{r}\tilde{d}\tilde{a}\tilde{h}'$ (запад., север. и южн.), $\tilde{o}\tilde{r}\tilde{d}\tilde{a}\tilde{g}'$ (вост.) «утка» и т. д.

* * *

³ Приводимый ниже иллюстративный материал из книги Н. И. Ашмарина дается в транскрипции, принятой журналом «Советская тюркология».

⁴ Н. И. Ашмарин. Указ. раб.

Ценные наблюдения сделал Н. И. Ашмарин в области фонетики согласных. На материале нухинского диалекта им впервые была выявлена придыхательность следующих согласных: *p, t, k', c*.

В своей работе Н. И. Ашмарин следующим образом характеризует придыхательность перечисленных согласных: «*p* — придыхательное «*p*», т. е. «*p*», сопровождаемое безголосым образованием, как бы слабым звуком *h* (немецкое «*h*», но с очень малою степенью слышимости; подобное произношение мы встречаем, напр., в аварском слове *p'uzə* «дуть»): *k'ürçä* «глиняный кувшин средней величины»; *arçag* «унеси; увези». Такой же звук есть и в армянском языке»⁵.

«*t* — придыхательное «*t*», т. е. *t*, сопровождаемое легким безголосым образованием, о котором сказано выше (этот звук есть в армянском и в аварском яз., напр., в авар. слове *t'apa* «оставил»): *ot* «трава», *at* «лошадь», *satug* «продает»⁶.

«*k'* — сильно палатализованный глухой звук, близкий к великорусскому «*k*» в «*кинь*»; имеет более переднюю артикуляцию и часто звучит несколько похоже на мягкое «*c*», так что неопытный слух легко может смешать его с этим звуком... Примеры: *K'üg* «р. Кура», *k'obut* «грубый», *k'ägä* «сливочное масло», *k'ärg'ci* «тесло», *k'öjñax* «рубаха»⁷.

«*c* — выговаривается не так мягко, как московское «*ч*» и скорее напоминает польское *c* (письменное *cz*). Примеры: *çala* «чалтычная (рисовая) плантация»; *çält'ix'* «рис на корню; рис, скошенный и обмолоченный»; *çäp- çämrgä basug* «заволакивает мгла», *çäm* «сноровка»; *çaxçax* или *çäççax* «деревянная решетка вокруг сада»⁸.

Монографическое изучение диалектов и говоров азербайджанского языка выявило как специфическую особенность придыхательность согласных *p, t, k', c*.

Большой интерес в работе Н. И. Ашмарина представляет раздел «Долгие гласные». Все долгие гласные, встречающиеся в нухинском диалекте, Н. И. Ашмарин разделяет на две группы: А) Ровные, в которых качество и полнота звука не испытывают заметных на слух изменений от начала и до конца произнесения гласной: *säyü* «желтый», *gäyü* «старуха», *toğix* «малина», *äyü* «пчела», *o* «охота; три, растирай»... и т. д. Б) Дифтонгические, в которых замечается некоторая неодинаковость звука в начале или в конце произнесения гласного. Н. И. Ашмарин различает следующие дифтонгические гласные: 1) нисходящие (падающие и убывающие), в конце которых звук ослабевает, причем дифтонгические «*o*» и «*ö*» нисходят в конце до слабого узкого губного звука («*ö*» иногда переходит в слабое «*i*»), например: *sö* (как бы *so^u*) «остынь», *sojig* (как бы *so^ujig*) «он остывает»; 2) восходящие или прибывающие, с усилением звука в конце произнесения долгого гласного, причем получаются звуки более долгие (сверхдолгота): *mā, mā* «мне», *sā, sā* «тебе», *at'ü* «твоей лошади» и т. д.; 3) смешанные, при которых гласный «*o*» к концу произ-

⁵ Н. И. Ашмарин. Указ. раб., стр. 17.

⁶ Там же, стр. 18.

⁷ Там же, стр. 20.

⁸ Там же, стр. 23.

несения незначительно суживается, как бы переходя в «и»; при этом сила звука остается одинаковой до конца. Смешанные дифтонги встречаются только в положении перед согласным, например: пог «болото», огат «я тру», t^oox «курица».

Все вышесказанное свидетельствует о том, что Н. И. Ашмарин был глубоким знатоком фонетики тюркских языков и их диалектов. Благодаря своей широкой эрудиции и тонкой наблюдательности ученого он сумел, не прибегая к методам экспериментальной фонетики, дать исчерпывающее описание долгих гласных нухинского диалекта, приложимое в равной мере и к некоторым другим диалектам азербайджанского языка.

Большое место в своей работе Н. И. Ашмарин отводит имени существительному и глаголу. Исходя из диалектологического характера материала и избегая многословия, автор с целью наглядности изложения широко использует парадигмы склонения и спряжения. При склонении существительных (как без притяжательных аффиксов, так и с последними) Н. И. Ашмарин привлекает в качестве иллюстративного материала слова, оканчивающиеся на все гласные и согласные, демонстрируя тем самым процесс взаимовлияния корня и аффикса.

Так, например, в слове *bosga^vf* «тарелка» конечный *f* в родительном, дательном и винительном падежах под влиянием падежного аффикса переходит в *v*, так как эти аффиксы начинаются гласными; например:

bosgav^vup «тарелки», *bosgava^v* «на тарелку», *bosgav^vu* «тарелку».

В склонении притяжательных аффиксов Н. И. Ашмарин выявил характерную для нухинского диалекта особенность: во II лице единственного числа в родительном и винительном падежах эти аффиксы совпадают, например: *älyu* «твоей руки» и «твою руку».

На материале нухинского диалекта Н. И. Ашмарин впервые установил специфичный для азербайджанского языка особый тип долженствовательного наклонения на *-asy*, *-äsi*, отличающий его от других тюркских языков, например: *alasyjäm* «мне необходимо купить», *g'äläsijäm* «мне необходимо прийти». Следует отметить, что данная форма большей частью выступает как причастие, но в современном литературном языке, а также в некоторых диалектах (как правило в северном), принимая аффиксы сказуемости, она выступает также в форме долженствовательного наклонения. Однако здесь аффикс *-asy*, *-äsi* не в полной мере воспринял глагольные черты наклонения: отрицательная форма этого наклонения не оформляется при помощи присущего глаголу аффикса *-ta*, *-tä*, она образуется аналитическим путем при помощи отрицательного наречия *dejl*; например: *alasy dejläm* «мне нет необходимости купить», *g'äläsi dejläm* «мне нет необходимости прийти».

Н. И. Ашмарин впервые была зафиксирована такая особенность нухинского диалекта, как соединение деепричастной формы на *-yf*, *-if*, *-uf*, *-üf* с формой недостаточного глагола *-dyg*, *-dygla^v* для выражения 3-го лица единственного и множественного числа прошедшего состояния⁹, например: *alyt^ody* «купил», *g'älit^odi* «пришел», *oxujut^ody* «читал», *ölü^tdi* «умер» и т. д.

Следует отметить, что в данном случае формы на *-yf*, *-if*, *-uf*, *-üf* не являются деепричастиями. Они выступают как сказуемые. Видимо, Н. И. Ашмарин не учел двоякого употребления перфекта в азербайджан-

⁹ Н. И. Ашмарин. Указ. раб., стр. 166.

ском языке как в форме на -m^vys, -m^vis, -m^vus, -m^vüs, так и в форме на -ub, -ib, -ub, -üb (диалектные формы на -ur, -ir; -y^vi, -if и т. д.).

Как известно, работа «Общий обзор народных тюркских говоров гор. Нухи» посвящена фонетике и морфологии нухинского диалекта. Однако Н. И. Ашмарин на основе анализируемых примеров рассматривает в ней также отдельные языковые явления и с точки зрения их семантики и этимологии. Так, например, говоря о протетическом h в слове hügтах «лаять», в примечании он пишет: «В некоторых говорах Нухи hügтах означает «лаять», jüjügтах (с слабым срединным «j») — «бежать» (G'änzäli mähläsi); в других говорах то и другое понятие выражается одним и тем же глаголом jüjügтах; it jüjügür: 1) «собака лает»; 2) «собака бежит» (Gyslah mähläsi)»¹⁰.

Интересно также объяснение этимологии азербайджанского слова havax «когда».

Слово havax Н. И. Ашмарин считает сложным, состоящим из ha + vax «время», где ha соотв. уйг. kaj, каз.-тат. kaj, якутск. хаја «который». Ср. в других говорах аэри (например, в Баку) — hasan (осм. касан, каз.-тат. kajсан «когда». Осм. خانسی раньше писалось иначе: خانفی или قنقی¹¹.

Большой интерес представляет «Приложение II», помещенное в конце книги под названием «Некоторые грамматические формы из других говоров». Снабдив свою работу этим приложением, Н. И. Ашмарин хотел раскрыть разнообразие личных аффиксов в диалектах и говорах азербайджанского языка. В 20-е годы диалекты и говоры азербайджанского языка еще не были изучены. Н. И. Ашмарин, находясь в это время в городе Нухе, имел возможность лично общаться с учителями из разных районов Азербайджана, приехавшими в Нуху на заочные курсы.

В упомянутом приложении Н. И. Ашмарин иллюстрирует разнообразие личных аффиксов (п, j, v) во II лице единственного числа в родительном, дательном и винительном падежах, а также во II лице множественного числа, ограничиваясь лишь парадигмами; например:

(Erivan)¹²

И. bizo ^v un «твой теленок»	älin «твоя рука»
Р bizo ^v un «твоего теленка»	älijin «твоей руки»
Д. bizo ^v unja «твоему теленку»	älijä «твоей руке»
В. bizo ^v unju «твоего теленка»	älijü «твою руку»
М. bizo ^v unda «у твоего теленка»	äлиндä «в твоей руке»
Исх. bizo ^v unpan «от твоего теленка»	älinpän «из твоей руки»

K'isijiz «ваш человек», aгуjuz «ваша пчела», balajuz «ваш ребенок», gulayuz «ваше ухо», g'özjüz «ваши глаза», älijiz «ваша рука» и т. д.

Единств. число

I olaz^vat «я буду»

II olazaxsan «ты будешь»

III olazaxdy «он будет»

Множеств. число

olaz^vux «мы будем»

olazaxsyuz «вы будете»

olazaxlar «они будут»

¹⁰ Н. И. Ашмарин. Указ. раб., стр. 57.

¹¹ Там же, стр. 56—57.

¹² Там же, стр. 179—181.

I g'äläzäjäm «я приду»	g'äläzäjix' «мы придем»
II g'äläzäh'sän «ты придешь»	g'äläzäh'sijiz «вы придете»
III g'äläzäh' «он придет»	g'äläzäh'lär «они придут»
(Aydas)	(Vändam)
И. älin «твоя рука»	sürün «твое стадо»
Р. älin «твоей руки»	sürüvün «твоего стада»
Д. älää «твоей руке»	sürüvä «твоему стаду»
В. älin «твою руку»	sürüvü «твое стадо»
М. älinä «в твоей руке»	süründä «в твоём стаде»
Исх. älinän «из твоей руки»	sürünnän «из твоего стада».

По широкому использованию сравнительно-сопоставительного метода при сборе, обработке и описании диалектологического материала работа Н. И. Ашмарина в свое время была непревзойденной.

Описание городского говора, отличающегося пестротой и смешением форм, было связано с рядом трудностей, преодолевая которые Н. И. Ашмарин стремился показать языковые особенности отдельных кварталов (mählä). Он выделяет 5 групп нухинских говоров: 1. Говор селения Gyslax; 2. Говор G'änzäli mähläsi; 3. Говор Uxarybas u Savynci; 4. Говор Dodyⁱ; 5. Говор G'ilähli mähläsi.

Сравнивая между собою особенности этих говоров, Н. И. Ашмарин сопоставляет говоры Нухи с различными диалектами и говорами азербайджанского языка, а также с другими тюркскими языками (турецким, казанско-татарским, чувашским, якутским) и с языком памятников древнетюркской письменности.

Для точного описания артикуляции того или иного звука Н. И. Ашмарин иногда привлекает материалы русского и немецкого языков.

В заключение хочется подчеркнуть, что азербайджанские языковеды навсегда сохранили в своих сердцах горячую благодарность замечательному ученому-тюркологу Н. И. Ашмарину, оставившему после себя уникальный труд — образец монографического исследования диалектов и говоров тюркских языков, положившему начало подлинно научному изучению богатейших диалектов и говоров азербайджанского языка.

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ

Ш. АБИЛОВ

„КУТАДГУ БИЛИГ“ В БУЛГАРО-ТАТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Влияние знаменитого памятника древнейгуьгурской поэзии «Кутадгу билиг» на развитие литературы и формирование языка ряда тюркских народов — общепризнанный факт. Это подтверждают труды и исследования В. В. Радлова¹, В. В. Бартольда², П. М. Мелиоранского³, А. Н. Самойловича⁴, А. Н. Кононова⁵, С. Е. Малова⁶, Е. Э. Бертельса⁷, А. А. Валитовой⁸, Э. Н. Наджиба⁹, К. К. Юдахина¹⁰, Н. М. Маллаева¹¹, А. Аманжолова¹² и других. Большинство упомянутых авторов не ставило своей целью всестороннее освещение влияния «Кутадгу билиг» на ту или иную тюркскую литературу, однако все они касались этого вопроса. Особо следует выделить специальные исследования Е. Э. Бертельса «К вопросу о традиции в героическом эпосе тюркских народов» и А. А. Валитовой «К вопросу о фольклорных мотивах в поэме «Кутадгу билиг».

О влиянии «Кутадгу билиг» на развитие тюркских литератур, в том числе болгаро-татарской, в общих чертах писали и татарские ученые

¹ В. В. Радлов. К вопросу об уйгурах. Предисловие к изданию «Кутадгу билиг». СПб., 1893; *его же*. Das Kudatku Bilik des Jusuf Chass-Hadschib aus Balasagun, т. I—II, 1891—1910.

² В. В. Бартольд. Культура мусульманства. — Соч., т. VI; Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии; История турецко-монгольских народов; К вопросу об уйгурской литературе и ее влиянии на монголов. — Соч., т. V; История культурной жизни Туркестана. — Соч., т. II, ч. 1.

³ П. М. Мелиоранский. О Кудатку билик Чингиз-хана. — ЗВОРАО, т. XIII, 1901, стр. 015—023.

⁴ А. Н. Самойлович. Иранский героический эпос в литературе тюркских народов Средней Азии. — В сб.: «Фердовский». Л., 1934, стр. 166—167; *его же*. Материалы по среднеазиатской турецкой литературе, IV. Чагатайский поэт XV в. Атаи. — В кн.: «Записки коллегии востоковедов», т. II, ч. 2. Л., 1927, стр. 260; Среднеазиатско-турецкие надписи на глиняном кувшине из Сарайчика. — ЗВОРАО, т. XXI. СПб., 1913.

⁵ А. Н. Кононов. Баласогушли Юсуф ва унинг «Кутадгу Билиг» достони хақида. — «Ўзбек тили ва адабиёти», 1970, № 5.

⁶ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.—Л., 1951 (Уйгуры и их изучение).

⁷ Е. Э. Бертельс. К вопросу о традиции в героическом эпосе тюркских народов. — «Советское востоковедение», IV. М.—Л., 1947.

⁸ А. А. Валитова. К вопросу о фольклорных мотивах в поэме «Кутадгу билиг». — «Советское востоковедение», V. М.—Л., 1958; *ее же*. К вопросу о мировоззрении Юсуфа Баласагунского (политические поучения среднеазиатского мыслителя XI в.). — «Краткие сообщения ИНА», М., 1964, № 71. О некоторых поэтических особенностях «Кутадгу билиг». М., ИВЛ, 1960.

⁹ Э. Н. Наджип. Кыпчакско-огузский литературный язык мамлюкского Египта XIV века. Автореф. докт. дисс. М., 1965, стр. 9, 12, 17; *его же*. «Кутадгу белег» эсәренә 900 ел. — Ж1. «Казан утлары». Казань, 1969, № 2.

¹⁰ К. К. Юдахин. Боуз или бу уз? — «Эпиграфика Востока», I. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1947.

¹¹ Н. М. Маллаев. Юсуф Хос-Хожиб. — В кн.: «Ўзбек адабиёти тарихи». Биринчи китоб. Тошкент, 1963, стр. 142—169.

¹² А. Аманжолов. Ж1азу дәстүрiмез. — «Қазак әдәбиети». Алматы, 1965, № 51.

Г. Ибрагимов, А. Саади, А. Рахим и Г. Газиз. Вслед за Г. Ибрагимовым, который охарактеризовал «Кутадгу билиг» как «один из драгоценнейших памятников древнетюркской поэзии»¹³, А. Рахим и Г. Газиз восторженно называли «Кутадгу билиг» «величайшей жемчужиной общей древнетюркской литературы»¹⁴.

Отдельные статьи о «Кутадгу билиг» и его авторе Юсуфе Хас-Хаджибе Баласагунском до революции печатались в татарском журнале «Шура»¹⁵. В 1867 году в Казани был издан сборник татарских рассказов, сказок и притч с несколько растянутым, но любопытным названием:

«بيليك قىر ىنى ما بيليك لىك بيلور
او كوش سوز كشى دىن يادكار قالور»

Bilik kadrini ma bilik lik bilür.

Üküs söz kisidin jatk'ar kalur.

Под ним было написано: «Кудатку билик» дан», т. е. «Из «Кутадгу билиг». Это не только характеризует содержание сборника, состоящего из добрых советов и поучительно-дидактических рассказов, притч, изречений народной мудрости, но и свидетельствует о популярности «Кутадгу билиг» среди татарских читателей.

В этом двустишии начальные слова основного текста كتاب kitab и او كوش ukus заменены словами بيليك لىك bilik lik «знание» и او كوش. Будем ли мы او كوش читать как üküs «много» или ögös «хвалить», совершенно очевидно, что ни то, ни другое не подходит по смыслу.

Видно, издатель сборника, исходя из того, что слово او كوش ukus в значении «разум» может остаться для читателя непонятным, заменил его более распространенным üküs «много». Думается, что слово ukus «разум» в лексике тюрков Поволжья находилось в пассиве и было замещено us, öz не только в значении «сознание», но и «ум», «разум».

Таким образом, представители татарской культуры стремились знакомить своих читателей с «Кутадгу билиг», оказавшим определенное влияние на развитие болгаро-татарской литературы. Истоки этого влияния уходят в далекое прошлое. Возникает вопрос: как и когда этот памятник мог проникнуть в Поволжье и какое место он занимал в истории литературы болгаро-татар?

Для того чтобы литературный памятник одного или нескольких народов стал фактом культурной жизни другого народа, необходимы соответствующие благоприятствующие этому условия в развитии материальной и духовной культуры последнего.

Еще задолго до нашествия монголов Булгария была известна как одна из развитых в культурном отношении стран. Восточные историки и ученые X—XIV вв. пишут о развитии в Булгарии городского и сельского хозяйства. Историк X века Ибн-Руста свидетельствует: «Болгаре народ земледельческий и возделывают всякого рода зерновой хлеб, как-то: пшеницу, ячмень, просо и др. Большая часть их исповедует ислам, и есть в селениях их мечети и начальные училища с муэдзинами и имамами»¹⁶.

¹³ Казань, 1911—1924, стр. 31. عالم جان ئبراهيمف. 'يملا' تل، ئهدهيات مهسه له لهرى.

¹⁴ ع. دهيم، ع. مهزى. تاتار ئهدهياتى تاريخى. ۱ جلد، بورونى دور، كازان، 1922، стр. 120.

¹⁵ «Шура». Оренбург, 1909, № 23; 1915, № 14.

¹⁶ Д. А. Хвольсон. Известия о хазарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и русах... СПб., 1869, стр. 23, 34 (перевод и текст).

В. В. Бартольд пишет: «...ко времени монгольского завоевания он (Булгар. — Ш. А.) сделался каменным городом с населением не менее 50.000 человек и с собственной отраслью промышленности — кожевенным производством»¹⁷.

Булгария — одно из тюркских раннесредневековых государств в Восточной Европе, сделавшее ислам своей официальной религией, — испытала сильное влияние арабско-персидской культуры. При этом именно собственно булгарских ученых, законовевов, писателей получили известность далеко за пределами своей страны¹⁸. Хотя большинство булгарских ученых писало на арабском или персидском языках, создавались различные произведения и на местном тюркском языке, отдельные образцы которых упоминаются в Словаре Махмуда Кашгари. К последним относится песня-стих об Итиле (Волге)¹⁹. Крупным литературным памятником тюрков Волжско-Камской Булгарии домонгольского периода является «Юсуф китабы» («Kissa-i Jusuf») Али.

С нашествием монголов Булгария потеряла свою независимость, народ попал в кабалу завоевателей, однако дух его не был сломлен. Золотоордынские ханы были вынуждены считаться с особым положением и значением Булгарии. Ибо, как пишет А. Якубовский, «Булгар с его областью был самым важным в Золотой Орде земледельческим районом... Торговля пушниной на рынках Булгара не понизилась ни в XIII, ни в XIV в. Не меньше, если не большее значение в жизни Золотоордынского государства Булгарский район имел как поставщик хлеба... Булгарское население оставалось мало затронутым монгольским влиянием как в этническом, так и культурном отношении в период XIII—XIV и первой половины XV в. Напротив того, не только хозяйственно, но и культурно Булгары и их население оказывали влияние на города Нижнего Поволжья и степь»²⁰.

В то же время в Булгарии было развито производство промышленного типа. А. В. Арциховский пишет: «Нигде в Европе не установлено для XIV века такое развитое чугунолитейное производство, как в Булгарах»²¹.

Столь высокое развитие Булгарии в экономическом отношении обусловило подъем ее духовной культуры. «Войдя в состав нового государства, Булгария явилась центром, вокруг которого формировалась культура Золотой Орды»²².

Конечно, в создании материальных и культурных ценностей периода Золотой Орды принимали участие представители многих покоренных народов. И поэтому культурные ценности того периода являются общим достоянием ряда народов. Однако вместе с тем нельзя отрицать и того, что большая доля здесь принадлежит коренным жителям Поволжья — булгаро-кипчакскому населению, впоследствии получившему название татар²³.

¹⁷ В. В. Бартольд. Сочинения, т. VI. М., 1966, стр. 187 (Персидская культура и ее влияние).

¹⁸ *Hajr Khalfa*. Lexicon Bibliographicum et Encyclopaedicum, Vol. I, s. 210; Vol. II, s. 73; Vol. III, s. 372, 551; Vol. IV, s. 442; Vol. VI, s. 34. См. также: *مشهدالدين مرجاني. استفادلاخبار*. Типография Б. П. Домбровского в Казани, 1897, стр. 13—14, 78—89.

¹⁹ *عمود بن الحسين بن محمد الكاشغري. ديوان لغت الترك. جلد اول، استانبول، 1333، ص. 7.*

²⁰ Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение. М.—Л., 1950, стр. 101, 417.

²¹ А. В. Арциховский. Основы археологии. М., 1955, стр. 234.

²² А. П. Смирнов. Древняя история чувашского народа. Чебоксары, 1948, стр. 74.

²³ См. сообщение Ал-Омари в кн.: В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884, стр. 235 (русс. перев.) и стр. 213—214 (арабск. текст).

В городах местные мастера, каменщики, строители воздвигали красивые здания, ученые писали для правителей своды нравственных поучений, писатели и поэты создавали художественные произведения. Таким культурным очагом в Поволжье был город Сарай-Берке. Как свидетельствует Ибн-Арабшах, «...Сарай сделался средоточием науки и рудником благодатей, и в короткое время в нем собралась (такая) добрая и здоровая доля ученых и знаменитостей, словесников и искусников, да всяких людей заслуженных, какой подобная не набиралась ни в многолюдных частях Египта, ни в деревнях его»²⁴.

С другой стороны, в связи с образованием Золотой Орды проникновение уйгурской культуры и уйгурского языка в жизнь и быт тюрков Поволжья усилилось. Бесспорен и тот факт, что монголы принесли в Золотую Орду уйгурскую письменность. Канцелярскими делами в городах Золотой Орды ведали уйгуры, уйгурскими письменами писались отдельные ярлыки, дипломатические документы²⁵.

Естественно, что культурной среде Поволжья не мог не быть известным такой крупный древнетюркский памятник, каким, несомненно, является «Кутадгу билиг». Он мог быть доставлен в Сарай теми же писцами-уйгурами. Каким бы длинным ни был путь от Баласагуна до болгарских берегов Итиля, но «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагуни получил известность среди булгаро-кипчаков (татар) Поволжья. О популярности в те времена «Кутадгу билиг» в Поволжье пишет и турецкий ученый М. Ф. Кёпрюлю²⁶. Отдельные образные выражения из этого памятника вошли в народный и литературный язык, став крылатыми. Обратимся к фактам.

В 1909 г. в поселке Сарайчик при инженерных работах на глубине двух саженей был обнаружен разбитый на двадцать четыре куска глиняный кувшин с надписями, которые были прочитаны и опубликованы вместе с факсимиле А. Н. Самойловичем. Вот одна из надписей:

كشى كوركي يوز اول بو يوز كوركي كوز
بو اوز كوركي تيل اول بو تيل كوركي سوز

А. Н. Самойлович транскрибировал двустишие и дал перевод:

Кіші кѳр'кі јуз ол, бу јуз кѳр'кі кѳз,
бо уз (?) кѳр'кі тил ол, бу тил кѳр'кі сѳз²⁷.

«Красота человека — это лицо, красота этого лица — глаза;
Красота глотки (?) — это язык, красота этого языка — слово».

Резюмируя, автор писал: «Всякий, знакомый с сочинением XI в. Юсуфа Х. Х. Баласагунского «Кудатку-билик», сразу заметит сходство

²⁴ В. Г. Тизенгаузен. Указ. раб., стр. 461 (русск. перев.) и стр. 442 (арабск. текст).

²⁵ В. В. Бартольд. Сочинения, т. V, стр. 139 (Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии). Дорджи Банзаров. «Введение» к книге И. Н. Березина: Ханские ярлыки, I. Ярлык Тохтамыш-хана к Ягайлу. Казань, 1850, стр. 45; там же, стр. 29 (Приложение I. Извлечение из письма профессора Казан. ун-та О. М. Ковалевского к Н. А. Полевому).

²⁶ Кюпрюлю Задехе Мехмедовад. Турк адияти тарихи. یرنجی جزو. استانبول - ملی مطبعه، 1926، ص. 203.

²⁷ А. Н. Самойлович. Среднеазиатско-турецкие надписи на глиняном кувшине из Сарайчика, стр. 039.

двустийший Сарайчиковского кувшина с этим сочинением и по форме (مثنوی), и по метру (مقارب), и по содержанию (дидактическое)²⁸.

Далее А. Самойлович приводит двустийшие из самого «Кутадгу билиг» (предоставленного ему В. В. Радловым):

Укуш көркі тыл ол, бу тыл көркі сөз,
Кіші көркі жүз ол, бу жүз көркі көз²⁹.

В Наманганской рукописи «Кутадгу билиг» эти строки изложены так:

(Н 35)³⁰.   اوقوش كوركى تيل اول بو تيل كوركى سوز
كشى كوركى يوز اول بو يوز كوركى كوز

Как видим, двустийшие на кувшине почти полностью совпадает с текстом «Кутадгу билиг». Разница лишь в том, что слово *ukus* «разум» заменено другим и изменен порядок строк.

Имея в виду высокую технику изготовления кувшина и оформления его надписей, генерал Н. Дубасов писал: «Эта ваза едва ли местного (т. е. Сарайчика) производства»³¹.

Сарайчик не только был тесно связан со столицей — Сараем-Берке, но являлся местом погребения отдельных ханов Золотой Орды. Очевидно, что кувшин, обнаруженный в захоронении, принадлежал члену семьи одного из золотоордынских ханов, и, следовательно, его изготовление было связано с Сараем-Берке, где мастер оформил надпись, свидетельствующую, что поэма Юсуфа Баласагуни «Кутадгу билиг» здесь была хорошо известна. Скорее всего надпись выполнена по заказу родителей для дочери, уезжавшей или увозимой кем-то в чужие края. На такую мысль наводят грустные слова следующего двустийшия на кувшине:

بو كۆب نونك اجندا
³² ياش قویار بولور

Bu kübnun icinda
jas kojar bolur

«Внутрь этого кувшина
Можно слезы сливать».

У татар издавна существовал обычай, по которому девушке, выходящей замуж и переезжавшей в дом жениха, давали в приданое помимо сундуков, наполненных вещами, еще и предметы домашнего обихода: ведра, тазы, корыта, кумганы, кувшины (*küzä*), вплоть до деревянных мисок (*kübätä*) и др. Происхождение кувшина, найденного в Сарайчике видимо, связано с этим обычаем.

Подобного рода находки — довольно частое явление в Поволжье. Доцент Казанского государственного пединститута А. Ишмуратов обнаружил в Казани медный чайник с выгравированными на нем стихотвор

²⁸ А. Н. Самойлович. Среднеазнатско-турецкие надписи на глиняном кувшине и Сарайчика, стр. 042.

²⁹ Первоначальная транскрипция В. В. Радлова отличается. См.: Das Kudatku Bilil des Jusuf Chass-Hadschib aus Bälasagun, т. II. Text und Übersetzung nach den Handschriften von Wein und Kairo. St.-Pb., 1910, стр. 31.

³⁰ Цит. по работе А. А. Валитовой. К вопросу о фольклорных мотивах в поэме «Кутадгу билиг», стр. 91.

³¹ А. Н. Самойлович. Указ. раб., стр. 040.

³² Там же, стр. 043.

ными строками. Надпись относится к началу XVI века и выполнена при казанском хане Мухаммад-Амине его мастером-гравером³³.

Учеными обнаружены богатые и многообразные болгаро-татарские средневековые письменные памятники, образцы поэзии и прикладного искусства (художественные изразцы), какие едва ли могут где-то повториться. Традиция болгаро-татарской эпиграфики не только оказала сильное влияние на эпиграфику золотоордынского периода, но и составляет ее основу. Примером может служить кувшин с надписями-двустушиями из «Кутадгу билиг».

Авторы книги «Золотая Орда и ее падение» дали в приложении к ней рисунки образцов материальной культуры из Сарая-Берке и других городов Золотой Орды XIII—XIV вв., хранящихся в залах Эрмитажа в Ленинграде. Среди этих предметов есть кувшинчик, кувшин глиняный, орнаментированный надписями, и изразец с росписью³⁴.

Сравнительно недавно, в 1930 г., в Поволжье, на бывшей территории Золотой Орды была обнаружена монгольско-уйгурская рукопись на бересте. Расшифрованный текст оказался песней — стихотворным диалогом между матерью и сыном³⁵. Поэтические строки мы находим и непосредственно в памятниках болгаро-татарской эпиграфики³⁶.

Таким образом, кувшин с надписью-двустушием из «Кутадгу билиг» не случайная находка.

Однако постараемся установить: запечатлено ли рассматриваемое двустушие в других памятниках болгаро-татарской литературы и культуры?

В книге «Насихат ас-салихин» («Книга советов благодетельных»)³⁷, написанной на старотатарском литературном языке (тюркй), на странице 43 читаем:

«...كشى لار كا يوزنكنى آچق توتغيل سوچك سوزليك بولغيل اول
كشى نك كوركى يوزى ترر يوزنك كوركى كوز ترر كم كوز
نك (?) كوركى تيل ترر تيل نك كوركى يخشى سوز ترر...»

Кисилäргä жүзәни ачык тотыыл, сүчек сөзлик болыыл; ävväl kisi-
niñ körki жүзи торыр, жүзниñ körki көз торыр kim, көзниñ (?) körki til
torыр, tilniñ körki jaxsy söz торыр.

«...Будь к людям радушным (досл.: будь к людям открытолицым), сладкословным, [ибо] прежде всего красота человека — его лицо, красота лица — глаза, красота глаз (?) — язык, красота языка — доброе слово».

Это тот же самый текст, что и на кувшине. Если при чтении текста на кувшине были возможны разночтения слова *бу ауз*, то здесь вызывает сомнения выражение: *Корки Козннк (?) Козниñ (?) körki til* «красота глаз (?) — язык».

Это же изречение можно встретить и в другой древней татарской рукописной книге «Мунаббихат» («Пробуждающие»). Рукопись обна-

³³ А. Ишмуратов в настоящее время готовит публикацию об этой интересной находке.

³⁴ Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение. Приложение, рисунки: 44, 45, 51.

³⁵ Н. Н. Поппе. Золотоордынская рукопись на бересте. М.—Л., 1941, стр. 39.

³⁶ См.: Ф. В. Баллод. Старый и Новый Сарай, столицы Золотой Орды. Казань, 1923, стр. 29; Г. В. Юсупов. Введение в Булгаро-татарскую эпиграфику. М.—Л., 1960. Приложение, таблицы: 15, 61, 69; ع. رحيم، ع. عزيز. تاتار توده يانئى، تاريخئى، 55 يت.

³⁷ كتاب غرة ماب نصيحة الصالحين. Казань, типография братьев Каримовых, 1903.

ружена археографической экспедицией Казанского госуниверситета им. В. И. Ульянова-Ленина в 1968 г. в г. Касимове. Книга закончена 10-го дня июля месяца 1039 г. хиджри, т. е. 1629 года³⁸. На л. 226 рукописи читаем:

«...كشى كا يوز نكنى آچق توتغيل سوچوك سوز لاكل تقى تلنكنى
ساقلماغل كشى نك كور كى بولور يوز (يوز) نك كور كى كوز
(اوز) نك كور كى تيل بولور تيل نك كور كى يخشى سوز بولور...»

Kisigä jüzeñni acyk totyyl, sücük sözlagil, täni tiliñni sak-
layyl; kisiniñ körki bolur jüz, (jüz) niñ körki köz, (avuz?) puñ körki
til bolur, tilniñ körki jaxsy söz bolur...

«...Будь к человеку приветливым (досл.: будь к человеку от-
крытолицым), говори сладостно [и] еще береги свой язык. [Ибо]
красота человека — это лицо, красота [лица] — глаза, красота
[рта?] — язык, красота языка — доброе слово...»

Отрывок в основном совпадает с уже приводившимися выше, но в его тексте недостает некоторых слогов. Во втором предложении не хватает слова *يوز* — *jüz* «лицо», в третьем — слова, с которым связаны *نك* *اوز* — *...niñ körki til* «красота (чего-то?) — язык».

В двестишии из «Кутадгу билиг», где стоит слово *ukü* «ум, разум», в татарских текстах мы встречаем различные написания; на кувшине: *اوز* *bu öz?* *by avuz?*, в «Насихат ас-салихин»: *اوز نك* *közniñ* «глаза», в «Мунаббихат» это слово пропущено, если не взять то же самое *اوز نك* *közniñ* «глаза» или *اوز نك* *avuzpuñ* «рта». Как видим, два новых варианта изречения не дают возможность установить действительное звучание слова *اوز* *bu öz?* *by avuz?*

А. Н. Самойлович к прочтению слова *اوز* подошел весьма осторожно. Предположительно, с оговоркой, он читал его как *avz*, *avuz*, *uz* «рот»³⁹.

С. Е. Малов читает *اوز* как *бу өз* «эта самость», т. е. «это существо»⁴⁰.

К. К. Юдахин понимает *уз* в значении «умение, мастерство» и *бу уз* *körki til ol*, *бу til körki cöz* переводит: «Красота искусника (или: искусства, мастерства) — язык, а красота языка — слово»⁴¹.

Э. Н. Наджип безоговорочно читает *اوز* как *авуз*, *аууз* «рот»:

Кеше күрке — йез ул, бу йез күрке — күз,
Бу авыз күрке — тел ул, бу тел күрке — сүз⁴².

Kisi körki jüz ul, bu jüz körki köz,
Bu avuz körki til ul, bu til körki söz.

«Красота человека — его лицо, красота лица — глаза,
Красота уст — язык, красота языка — слово».

³⁸ Рукопись Т. 2170 хранится в Восточном отделе Научной библиотеки КГУ.

³⁹ А. Н. Самойлович. Среднеазиатско-турецкие надписи на глиняном кувшине из Сарайчика, стр. 041, прим. I.

⁴⁰ С. Е. Малов. Из третьей рукописи «Кутадгу билиг». — Известия АН СССР. Отд. гуманитарных наук, 1929, стр. 744.

⁴¹ К. К. Юдахин. Указ. раб., стр. 43.

⁴² Эмир Наджип. «Котадгу белег» әсәренә 900 ел. — Ж1. «Казан утлары», 1969, № 2.

Очевидно, работу выполнял местный мастер-гравер, употреблявший вопреки традиции в написании отдельных слов народно-разговорные варианты, т. е. вместо *avuz* он написал *avuz*. Об этом же говорят и языковые факты, приведенные в «Codex Comanicus». Там наряду с *avuz*, *avuzı* (16, 13), *avuzına* (168, 15) встречается написание *avuzıni*, (*avzing*, 197, 13) и *avzu* — 143, 12; 146, 16)⁴³.

avuz можно было еще прочесть как «сознание», «ум», «разум». Ш. Сулейман дает слову *avuz* — *öz* значение «ум, разум»⁴⁴. В Древнетюркском словаре сочетание *öz ket* передано в значении «лишаться чувств, терять сознание»⁴⁵.

Известный татарский поэт-суфий XVII века Мавля Кулуй в одном из своих хикметов пишет:

... اول میوه ننگ لذتیندین مست اولوبن
اوز دین کتیب ایسیز بولوب یاتسام ایردی⁴⁶

Ul mivāniñ lāḍḍātindin māst olubān
Ozdin ketip issiz bolup jatsam erdi.

«Опьянев от наслаждения этими [суфийскими] плодами,
Чтоб я, лишившись сознания, без памяти лежал».

Слово *avuz* *öz* в языке уральских татар и сегодня употребляется в значении «ум, разум». Например: *bigräk özsiz bala* «совершенно безумное дитя»; *andyj özli kisini bütän ocratmassuñ* «такого умного (разумного) человека больше не встретишь».

Поэтому наш болгаро-кипчакский (татарский) поэт, столкнувшись с двустишием из «Кутадгу билиг», вполне мог необычное для тюрков

Поволжья слово *ukus* «ум, разум» передать понятным для всех общетюркским словом *öz* в значении «сознание, ум, разум». Тогда сочетание *bu öz körki til* означало бы то же самое, что и *ukus* в «Кутадгу билиг», т. е. «красота этого ума — язык». Нам кажется, что такое прочтение вполне допустимо.

Кроме надписи на кувшине мы привели здесь примеры из двух других памятников болгаро-татарской литературы. Это еще раз подтверждает, что произведение «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагуни было достаточно широко известно в Поволжье. Что же собою представляют памятники «Насихат ас-салихин» и «Мунаббихат», из которых нами были взяты примеры?

Ш. Марджани считает «Насихат ас-салихин» принадлежащим болгаро-татарской литературе⁴⁷. Произведение это было очень распространено среди татар, выходило несколькими изданиями. Автор и дата написания неизвестны, но оно могло быть создано в XIV—XV веках или во всяком случае не позднее первой половины XVI века. Это назидательно-дидактическое сочинение, своего рода кодекс морально-нравственных норм для мусульман, содержащее также поучения, адресованные правителям, о том, как они должны вести себя по отношению к своим под-

⁴³ W. W. Radloff. Das türkische Sprachmaterial des Codex Comanicus. St.-Pb., 1883, стр. 3.

⁴⁴ شيخ سليمان. اغت چمائی و ترکی عثمانی. استانبول، ۱۲۹۸، ص. 320.

⁴⁵ Древнетюркский словарь. Л., 1969, стр. 394.

⁴⁶ Мавля Кулуй. Хикметы, л. 17 (Архив ИЯЛИ АН СССР, рук. ф. 23).

⁴⁷ Ш. Марджани. Указ. соч., стр. 13.

данным. На первый план автор выдвигает четыре качества, необходимых правителю для обеспечения процветания государства и наилучшего общественного строя. Первое — это знание — *ilm, bilik*, второе — справедливость — *'adl*, третье — щедрость — *sāxavāt* и четвертое — благословение — *du'a*. Автор пишет:

«... دنیا ننگ بارلقى تورت نرسه برله ترر اول عالمئر ننگ علمى
برله ايکنچی تورالار ننگ عدلى برله ترر اوچونچی байлр ننگ سخاوتى
برله (ترر) تورتنچی درويشلا رننگ دعاسى برله ترر ...»⁴⁸

Dünjanyñ barlyky tört nārsā birlä toryr: ävväl 'alimlarnyñ
'ilmi birlä, ikinci törälärniñ 'adli birlä toryr, üçünci bajlarnyñ sākā-
vāti birlä (toryr), törtinci dārvislärniñ du'asy birlä toryr.

«...Существование мира зиждется на четырех вещах: прежде всего, на знаниях ученых, во-вторых, на справедливости начальников (правителей), в-третьих, на щедрости богатых и, в-четвертых, на благословении дервишей (бедных) ...»

Нетрудно видеть, что это очень близко к четырем качествам добродетельного правителя в «Кутадгу билиг»: справедливость ('*adl*), счастье (*dävlät*), рассудок (*ukus*) и довольство (*kāna'ät*).

Если в «Кутадгу билиг» эти качества выступают отвлеченно, абстрактно, то в «Насихат ас-салихин» они более конкретизированы, причем автор имеет в виду правителей мусульманского мира, предлагая им свод правил для управления подданными. Сочинение состоит из нескольких глав и разделов: о справедливости, о знании, о науках, о благих и добрых делах, о поступках недозволенных, о вреде пьянства, о греховности взяточничества, о благопристойности в обращении между людьми, между старшими и младшими, об искренности и верности слову. Автор «Насихат ас-салихин» наставляет власть имущих держать себя с людьми радушно и приветливо, говорить сладостно и кормить их хлебом и солью (*Kisilärgä jüzeñni acyk totıyl, sücük sözlik bolıyl, toz-ikmak (jedü-güil)*). Юсуф Баласагуни также обращается к человеку, внушая ему добрые намерения (*jürü ätkü sözlük kişi*). Затем в тексте «Насихат ас-салихин», так же как и в «Кутадгу билиг», приводится уже известное нам изречение о качествах самого человека и его разума. Юсуф Баласагуни говорит, что если у человека слова будут хороши, то и сам он будет почитаем (*санлінур*), а наш автор говорит, что для человека нет лучшего занятия (искусства), чем совершенствоваться в знаниях, он возвышает себя лишь приобретая знания.

То, что между «Насихат ас-салихин» и «Кутадгу билиг» имеется связь — не может вызывать сомнений. Дело не только в текстуальной близости отдельных мест в этих произведениях, но и в сходстве композиций, в самом духе поставленных вопросов: весь пафос и назидательный характер «Насихат ас-салихин» созвучны «Кутадгу билиг». Авторы обоих произведений прочно стоят на позициях ислама и догм шариата. За содеянную несправедливость они грозят правителям адскими муками на том свете.

Но «Насихат ас-салихин» нельзя рассматривать как перевод «Кутадгу билиг». Язык и стиль последнего местами были слишком сложны

⁴⁸ Указ. .29. نصیحة الصالحین، ص.

для восприятия широких читательских кругов. Некоторые слова из «Кутадгу билиг» даже не входили в лексику тюрков Поволжья. Автор «Насихат ас-салихин», представитель булгаро-татар Поволжья, на основе «Кутадгу билиг» создал свое собственное дидактическое произведение. И это отнюдь не единичный случай.

Как известно, у Чингиз-хана и его преемников имелся своеобразный свод юридических и нравственных правил и установлений, рассчитанный на должностных лиц и известный под названием «Кутадгу билиг Чингиз хан-и». О существовании этого свода сообщал еще Хаммер Пургшталь, ссылаясь на персидское сочинение Мухаммада Хиндушаха «Дастур ал-катиб фи та-йин ал-маратиб» («Руководство для писца при определении степеней») ⁴⁹.

П. М. Мелиоранский этому вопросу посвятил специальную статью ⁵⁰. Развивая мысль Х. Пургшталь, он приводит свой перевод отрывка из персидского текста этой книги, раскрывая ее суть и назначение:

«...Упорядочение дел веры и царства и поддержание благосостояния божественного закона и государства зиждется на выполнении двух важных дел...

Первое есть укрепление дел божественного закона и проведение (в жизнь) постановлений ислама; второе — это следование по колеям (т. е. стезям) правосудия и руководство обычаям и образом действия людей справедливости...»

«Хотя книга называется «Кутадгу билиг Чингиз-хана», видимо, она, запечатлев старинные обычаи судопроизводства и законоположений, дополнялась и новыми установками последующих эпох, особенно в пределах Золотой Орды, ибо едва ли можно отнести ко времени самого Чингиз-хана строки, где говорится об укреплении «божественного закона и проведение (в жизнь) постановлений ислама» ⁵¹.

Далее П. М. Мелиоранский характеризует «Кутадгу билиг Чингиз-хана» как «отдельное сочинение», «не тождественное» с «Кутадгу билиг» Юсуфа Хас-Хаджиба и добавляет, что «оно было так названо в подражание уйгурскому «Кутадгу билиг» ⁵². М. Ф. Кёпрюлю сомневается в существовании какой-либо связи между этими двумя памятниками ⁵³.

Какова связь книги «Насихат ас-салихин» с «Кутадгу билиг Чингиз-хана», пока трудно сказать. Что же касается ее связи с «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагуни, то воздействие на нее последней совершенно очевидно. При этом многие места «Насихат ас-салихин» изложены «поэтической прозой». Автор ее, безусловно, использовал и другие литературные источники на арабском и персидском языках. Это сделано им с целью придания особого веса своим мыслям: он хотел этим дать понять правителям, что изложенные в книге нравственные поучения выражают не его личные взгляды, а суждения многих великих ученых мусульманского мира, предначертанные еще самим Мухаммедом.

Другим сочинением, в котором также прослеживаются связи с «Кутадгу билиг», является, как уже было сказано, татарская рукописная книга «Мунаббихат», законченная в 1629 году. Ее не следует путать с арабским сочинением, носящим аналогичное название и дважды (в 1905 и 1915 годах) издававшимся в Казани в переводе двух разных лиц —

منبهات ترجمه سی «Munabbihat tärzemäsi». На титульном листе этих

⁴⁹ См.: Geschichte der Goldenen Horde, б. 192, 467 и Geschichte der Khane, I, s. 36.

⁵⁰ П. М. Мелиоранский. О Кудатку билик Чингиз-хана, стр. 015—023.

⁵¹ Там же, стр. 018.

⁵² Там же, стр. 020.

⁵³ М. Ф. Кёпрюлюзаде. Указ. раб., стр. 203.

изданий указан автор Ахмед бен Али бен Мухаммад Ал-Аскилани Ал-Мисри Аш-Шафи'и, один из известных мусульманских теологов, составителей преданий о Мухаммеде.

Хотя автор рукописной «Мунаббихат» во введении пишет, что его книга является переводом с арабского, однако это не совсем так. Текст рукописи совершенно отличен от «Мунаббихат» Ахмеда бен Али. Если в первой из этих книг автор излагает нравственные поучения и выдвигает принципы, направленные на оздоровление общества, то идейная направленность второй книги совершенно иная: здесь все излагается под углом зрения подготовки мусульман к загробной жизни. Автор новой рукописи заимствовал у старой «Мунаббихат» лишь название и внешнюю композиционную канву. Многие места рукописной «Мунаббихат» полностью отличаются от «Мунаббихат» Ахмеда бен Али. Так, например, цитированный нами выше отрывок о том, что именно составляет красоту человека, и связанный с ним контекст, восходящий к «Кутадгу билиг», отсутствуют в «Мунаббихат» Ахмеда бен Али.

Рукописная «Мунаббихат» начала XVII века, написанная на чисто татарском языке, как мы полагаем, связана с «Кутадгу билиг» не непосредственно, а через посредство «Насихат ас-салихин». Подавая свое сочинение как перевод старой «Мунаббихат», автор при этом излагает совершенно отличные от выраженных в ней взгляды на мир. Его нравственные поучения обращены к современным ему правителям. Совершенно очевидно, что в данном случае, ссылаясь на старую «Мунаббихат», автор прибегает к испытанному тактическому приему: маскирует себя. Призывая к тому, чтобы правители были справедливыми и гуманными, чтобы они не давали голодать бедным, помогали им, чтобы с братьями по вере — мусульманами — обращались по-человечески, — он сам как бы отходит в сторону, выдавая все эти поучения и требования за перевод с арабского.

В начале XVII века, когда создавалась рукописная «Мунаббихат», татары уже жили в новых социально-политических условиях, являясь подданными Русского государства. Морально-нравственные поучения, адресованные ханам периода Золотой Орды или Казанского ханства, конечно, мало подходили для московских царей и номинальных правителей Касимовского ханства. Обращаясь к «Насихат ас-салихин» и к «Кутадгу билиг» через посредство других источников, автор при этом создает новое произведение. Теперь он должен был уже угождать московским царям, не оставляя в обиде и касимовских ханов, крупных татарских мурз-феодалов, которые были заодно с русскими царями и дворянами. Это, по-нашему мнению, и послужило причиной возникновения рукописной «Мунаббихат», созданной в подражание «Насихат ас-салихин».

Ярким примером, подтверждающим влияние «Кутадгу билиг» на булгаро-татарскую литературу, служит творчество одного из крупных татарских поэтов первой половины XVI века Мухамедьяра, автора поэм «Тухфа-и мардан» («Дар мужам», 1539), «Нур-и судур» («Свет сердец», 1542) и «Насихат» («Совет»). Его поэмы «Тухфа-и мардан», «Нур-и судур» и «Насихат», пишет Н. А. Баскаков о Мухамедьяре, носят нравственно-дидактический характер — жанр широко известный и в среднеазиатской тюркской литературе, классическим образцом которого был известный памятник XI века «Кутадгу билиг»...

Особо сильным было влияние «Кутадгу билиг» на поэму «Нур-и судур», в которой, как и в «Кутадгу билиг», общими являются вступле-

ние и посвящение поэмы правителю, современнику поэта, а также ее архитектоника. Поэма делится на главы, каждая из которых посвящается утверждению определенного этического принципа: справедливости, благородства, щедрости, верности слову, скромности, милосердия и других нравственных качеств, которыми должны обладать справедливые правители. Даже форма имен героев в поэмах Мухамедьяра напоминает нам имена героев «Кутадгу билиг»⁵⁴.

И в «Кутадгу билиг» и в «Нур-и судур» центральное место занимает образ справедливого правителя. Юсуф Баласагуни говорит, что для благоустройства и процветания страны государь должен окружить себя добродетельными советчиками ('ädgü kengäsci). Мухамедьяр показывает нам таких ученых-советчиков ('alim-kengäsci). В некотором царстве, созданном воображением поэта, падишах, окруженный учеными, прислушиваясь к их советам, начинает править справедливо, повсюду насаждает правосудие, «открывает врата щедрости и добродетелей». В результате страна благоустраивается, процветает, наступает всеобщее благоденствие, исчезает имущественное неравенство и возникает полная общественная гармония, когда:

Бори бирле قوي برکا سؤ ایچار
اورداک بيرله قارچغا برکا اوچار⁵⁵

Böri birlä koj birgä suv icar
Urdäk birlä karçyğa birga ocar.

«Волк и овца вместе воду пьют,
Утка и ястреб вместе летят».

Это перекликается с «Кутадгу билиг», в котором мы читаем:

Alin ätti tuzdi bojudy budun,
Böri qoj bila suvlady ol ädün⁵⁶.

«Он устраивал и упорядочивал свое племя (государство); народ разбогател.
И в то время волк и овца ходили вместе на водопой!»

Те же образы волка и овцы, мирно обитающих друг возле друга, мы встречаем и в творчестве гениального азербайджанского поэта — Низами. Вот как переданы известные строки Низами кипчакским поэтом: Золотой Орды Кутба:

ائينک عدليندا بوري برلا قوي سؤ
اچيب يورورلار ايردى خوش يئاشو⁵⁷

Anyu 'adlin da böri birlä koj su
Icib jürürlar erdi xos jänasu.

«При ее (Ширин) справедливости (справедливом правлении)
Волк и овца мирно рядом ходили на водопой».

⁵⁴ Здесь мы излагаем содержание отзыва Н. А. Баскакова (с его разрешения), написанного им еще в 1960 году в связи с нашей работой о творчестве Мухамедьяра. Отзыв хранится у автора данной статьи, стр. 4.

⁵⁵ Нур-и судур. — ЛО ИВ АН, рук. В. 3690, л. 83а; Мехэммедьяр. Техфэн мәрдан. Нуры судур. Казан, 1966, стр. 82.

⁵⁶ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности, стр. 245 (текст), 272 (перевод).

⁵⁷ Ananasz Zajackowski. Najstarsza Wersja turecka Husräv u Sirin Qutba. I. Facsimile. Warszawa, 1958, стр. 102; транскрипция, II, стр. 137.

У поэтов различных народов часто встречаются идентичные художественные образы. В творчестве татарского поэта Мухамедьяра ярко проявляется влияние дидактического направления и стиля «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагуни, а система его художественных образов непосредственно перекликается с творчеством Низами. Это наглядный пример наличия взаимного влияния и преемственных связей между литературами различных народов.

Указывая на связь творчества поэта Мухамедьяра с «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагуни, Н. А. Баскаков пишет:

«Эта преемственность вполне естественна и исторически оправдана. Известно, что золотоордынский период развития литературы и позже литературы Казанского ханства был тесно связан своими традициями с караханидским периодом, образцы литературы которого и даже письменность (согдийская) были занесены в Золотую Орду учеными уйгурами, привезенными туда монголами»⁵⁸.

Наши краткие заметки подтверждают мнение ученых-тюркологов о том, что «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагуни был хорошо известен многим тюркским народам. Приведенные выше факты свидетельствуют о том, что болгаро-татарские писатели разных эпох обращались к этому памятнику и по его образцу создавали новые художественные ценности на языке своего родного народа.

⁵⁸ Н. А. Баскаков. Указ. отзыв, стр. 4—5.

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

Л. Т. МАХМУТОВА

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

В дореволюционный период татарское языкознание развивалось в основном в направлении создания грамматик и словарей¹. С этой же целью собирались и изучались материалы живого разговорного языка отдельных групп татар, расселенных на обширной территории Российской империи, печатались статьи, освещающие различные особенности тех или иных «наречий» и составлялись словари, охватывающие их лексический фонд. Все это носило непланомерный, случайный характер и нередко было связано с деятельностью миссионеров (например, известные словари Н. Остроумова, А. Воскресенского, особенно труды и высказывания Н. Ильминского и др.).

Тем не менее среди дореволюционных исследователей татарского языка было немало таких эрудированных ученых, как С. и И. Хальфины, М. Иванов, А. Бессонов, Г. Махмудов, К. Насыри, Х. Фаизханов, И. Березин, Т. Ахмаров, Н. Катанов, М. Казем-Бек, С. Малов, Г. Максудов, Г. Нугайбек, Г. Ибрагимов и многие другие.

После Великой Октябрьской революции научные исследования в области татарского языкознания значительно расширились. Языковеды приступили к более глубоким и систематическим исследованиям татарского языка на основе накопленных фактов и сложившихся традиций. Была поставлена также задача практического использования полученных в процессе проводимых исследований результатов. Много внимания стало уделяться подготовке национальных кадров языковедов.

К этому периоду относится создание научных грамматик татарского языка, широкое изучение местных диалектов, составление словарей.

Из грамматик, изданных в эти годы, следует отметить труды Г. Ибрагимова², М. Курбангалиева и Х. Бадигова³, Дж. Валиди⁴ и, занявшую видное место в татарском языкознании, грамматику Г. Алпарова⁵ и др.

¹ Подробнее об этом см., например, «Современный татарский литературный язык». М., 1969, стр. 43—51; сб. «Вопросы татарского языкознания». Казань, 1965, стр. 357—423; сб. «Развитие филологических и исторических наук в Татарии (материалы юбилейной научной сессии института, посвященной 50-летию Октябрьской революции)». Казань, 1969, стр. 5—36; сб. «Материалы по диалектологии». Казань, 1955, стр. 5—13; М. Ногман. XVII—XVIII йезләрдеге русча-татарча кулъязма сүзлекләр. Казан, 1969 и др.

² Г. Ибрагимов. Татар сарфы. Казан, 1918 (перензд., 1-е изд. — 1911, 2-е изд. — 1913, 3-е изд. — 1915).

³ М. Курбангалиев, Х. Габделбәдиғъ. Ана теле нәхуе. Казан, 1919.

⁴ Ж. Валиди. Татар теленен грамматикусы. Казан, 1919.

⁵ Г. Алпар. Шәкли нигездә татар грамматикасы. Казан, 1-е изд. — 1926; 2-е изд. — 1927. См. также: Гыйбад Алпаров. Сайланма хезмәтләр. Казан, 1945, стр. 21—145.

Позднее, в 50—60-е годы, появились труды В. Хангильдина⁶, М. З. Закиева⁷, Д. Г. Тумашевой⁸, а также коллектива авторов, посвященные литературному татарскому языку⁹.

До последнего времени научные грамматики татарского языка издавались лишь на татарском языке. Значительным событием в татарском языкознании явилось опубликование в 1963 году на русском языке монографии М. З. Закиева о синтаксическом строе татарского языка¹⁰. В 1969 году вышел в свет на русском языке труд коллектива авторов «Современный татарский литературный язык»¹¹.

Отдельные вопросы морфологии и синтаксиса татарского языка получили освещение в многочисленных статьях Г. Алпарова, Ш. Рамазанова, Л. Заляя, Б. А. Серебренникова и других.

Широкое монографическое исследование различных проблем татарской грамматики является этапом на пути к созданию академической грамматики татарского языка.

Большое внимание языковедами уделяется разработке вопросов сопоставительной грамматики татарского и русского языков. В этой области плодотворно работают М. Курбангалиев, Р. Газизов и З. Валиуллина, опубликовавшая курс лекций по сопоставительной грамматике¹².

Особо следует отметить исследование фонетического строя татарского языка. В. А. Богородицкий и его ученик Г. Шараф создали в Казани кабинет экспериментальной фонетики и провели экспериментальные исследования звукового строя татарского языка. Результаты этих исследований были опубликованы В. А. Богородицким, Г. Шарафом и другими учеными. Их значение выходит за рамки татарского языкознания; они представляют интерес для тюркологии в целом¹³.

Позднее были изданы книги Р. Шакировой¹⁴ и У. Байчуры¹⁵ по фонетике татарского языка.

* * *

Татарское языкознание богато лексикографическими традициями. Большое число русско-татарских и татарско-русских словарей было создано еще до революции, в том числе словари: С. Хальфина (1775), И. Гиганова (1804), А. Троянского (1835), Н. Остроумова (1876, 1892), А. Воскресенского (1894), К. Насыри (1-е изд. — 1878, 2-е изд. — 1892,

⁶ В. Н. Хангильдин. Татар теле грамматикасе (морфология буенча очерклар). Казан, 1954; *его же*. Татар теле грамматикасе (морфология һәм синтаксис). Казан, 1959.

⁷ М. З. Закиев. Хәзерге татар әдәби теле. Синтаксис. Казан, 1958; *его же*. Хәзерге татар әдәби теле синтаксисы (студентлар өчен кулланма). Казан, 1963; *его же*. Хәзерге татар әдәби теле (синтаксис). Казан, 1966.

⁸ Д. Г. Тумашева. Хәзерге татар әдәби теле морфологиясе. Казан, 1964.

⁹ Хәзерге татар әдәби теле (лексика, фонетика, орфоэпия, графика һәм орфография, морфология). Казан, 1965.

¹⁰ М. З. Закиев. Синтаксический строй татарского языка. Казань, 1963.

¹¹ Современный татарский литературный язык (лексикология, фонетика, морфология). М., 1969.

¹² З. М. Валиуллина. Сопоставительная грамматика русского и татарского языков. Казань, 1967.

¹³ В. А. Богородицкий. Введение в тюрко-татарское языкознание. Казань, 1922; *его же*. Этюды по татарскому и тюркскому языкознанию. Казань, 1933; *его же*. Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками. Казань, 1943; Г. Шараф. Палытограммы звуков татарского языка сравнительно с русскими. — «Вестник Научного об-ва татароведения». Казань, 1927, № 7; *его же*. Сонорная длительность татарских гласных. — «Вестник Научного об-ва татароведения». Казань, 1928, № 8.

¹⁴ Р. Ф. Шакирова. Хәзерге татар теле фонетикасына кереш. Казан, 1954.

¹⁵ У. Ш. Байчура. Звуковой строй татарского языка, ч. 1. Казань, 1959.

3-е изд. — 1911), Н. Катанова (1912), Р. Рахманкулова (1913), С. Рахманкулова и А. Карама (1913) и др. Однако не все они являются словарями литературного татарского языка. Некоторые из них (И. Гиганова, А. Троянского, Н. Остроумова, А. Воскресенского) были созданы на основе лексики местных татарских говоров¹⁶. Это объяснялось тем, что они составлялись миссионерами и имели в связи с этим определенное назначение. Остальные из перечисленных словарей в той или иной мере отражали лексический состав татарского литературного языка своего времени.

В послереволюционные годы деятельность ученых в области лексикографии значительно активизируется. Уже в 1920 г. переиздается «Русско-татарский словарь» С. Рахманкулова и А. Карама. В 1929 г. вышел в свет «Новый русско-татарский словарь», составленный коллективом авторов, а в 1938 г. издан «Русско-татарский словарь» Г. Нугайбека (переизд. в 1940—1941 гг.) и др. В 1956—1959 гг. коллективом сотрудников Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова АН СССР (ИЯЛИ, Казань) был создан четырехтомный «Русско-татарский словарь» на основе «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова. В ближайшее время выходит в свет однотомный «Русско-татарский словарь», составленный на основе «Словаря русского языка» С. И. Ожегова.

В 1927¹⁷, 1950¹⁸ и 1962¹⁹ гг. издавались татарско-русские словари, созданные коллективами авторов. В настоящее время запланировано составление трехтомного «Татарско-русского словаря».

Наряду с перечисленными двуязычными татарско-русскими словарями издавались также словари арабско-татарские, с включением в некоторые из них и персидских слов²⁰. В 1965 г. был издан большой «Арабско-татарско-русский словарь»²¹.

* * *

В конце 20-х годов видным специалистом в области татарского языкознания Дж. Валиди был подготовлен четырехтомный «Толковый словарь татарского языка» (второй по счету, первый был составлен и издан ученым-просветителем Каюмом Насыри²²). Словарь Дж. Валиди по характеру словника напоминает знаменитый «Толковый словарь живого великорусского языка» Вл. Даля. По широте охвата, принципам обработки и подачи материала этот словарь соответствовал уровню развития языковедческой и тюркологической науки тех лет. К сожалению, из печати вышло всего два тома этого словаря²³.

В настоящее время коллективом сотрудников сектора языка ИЯЛИ завершено составление и редактирование «Толкового словаря современного татарского литературного языка», общим объемом более 300 п. л.

¹⁶ См.: Л. Т. Махмутова. О принципах составления татарского диалектологического словаря. — «Вопросы диалектологии тюркских языков (материалы совещания 1958 г.)». Казань, 1961, стр. 78—79.

¹⁷ Татарча-русча сүзлек. Казан, 1-е изд. — 1927, 2-е изд. — 1931.

¹⁸ Татарско-русский словарь. Казань, 1950.

¹⁹ Татарско-русский словарь. М., 1966.

²⁰ См., например, «Арабско-татарский полный словарь» Г. Ильяси (1912) и известный словарь С. Джантурина (1911).

²¹ К. З. Хамзин, М. И. Махмутов, Г. Ш. Сәйфуллин. Гарәпчә-татарча-русча алынмалар сүзлеге. Казан, 1965.

²² Каюм Насыри. Ләһжәи-татари. Казан, I ж. — 1895, II ж. — 1896.

²³ Ж. Валиди. Татар теленен тулы сүзлеге. Казан, I ж. — 1927, II ж. — 1929.

Словарь охватывает основной лексический состав татарского литературного языка с конца XIX в. по настоящее время. Статьи Словаря иллюстрируются примерами из художественной, научно-технической, учебно-педагогической, политической литературы и фольклора. К Словарю прилагаются краткий грамматический очерк, список собственных имен (с указанием их значений) и перечень географических названий. Этот Словарь, наиболее полный по составу словника и толкованию включенных в него слов, будет в дальнейшем использован при составлении многотомных двуязычных словарей, а также орфографического словаря, в котором общественность республики испытывает крайнюю нужду.

Наряду с перечисленными выше периодически издавались терминологические, школьные²⁴ и диалектологические словари, был осуществлен первый опыт создания фразеологического (1957, 1959) и синонимического (1962) словарей.

* * *

Начало формирования диалектологии как самостоятельной отрасли татарского языкознания можно отнести к 20-м годам, когда была организована планомерная работа по выявлению местных диалектов и говоров, их предварительной научной классификации²⁵.

Начиная с конца 40-х и до конца 50-х годов на территории Татарии и за ее пределами под руководством Л. Заляя проводилось изучение татарских диалектов. Ленинградским и Московским университетами были организованы диалектологические экспедиции в Рязанскую область (ЛГУ) и Западную Сибирь (ЛГУ и МГУ). Тогда же вышло в свет пособие Л. Заляя²⁶, был опубликован ряд статей по вопросам диалектологии²⁷ и изданы два первых выпуска Диалектологического словаря (1948, 1953). Все это позволило внести некоторые уточнения в классификацию татарских диалектов²⁸ и определить опорный диалект в формировании татарского литературного языка²⁹.

С 1958 г. сектор языка ИЯЛИ (Казань) приступил к исследованию татарских диалектов методом лингвистической географии. Татарские диалекты должны быть охвачены трехтомным Диалектологическим атласом татарского языка (ДАТЯ). Материалы I—II томов охватывают территорию от Рязанской до Челябинской области включительно. III том включает диалекты, расположенные на территории с татарским населением, восточнее Челябинской области.

В настоящее время в основном закончен сбор материалов для I тома (охвачено 320 населенных пунктов) и начато составление карт-изоглосс. В ближайшие два-три года планируется завершение сбора материала, включаемых во II том (пока обследовано 360 населенных пунктов).

²⁴ Наиболее полным среди них является: *М. И. Мэхмүтов*. Русча-татарча мәктәп сүзлеге. Казан, 1967.

²⁵ *Ж. Вәлиди*. Нократ һәм Глазов татарлары арасында. — «Татарстан», 1929, № 5—6; *его же*. Наречие каринских и глазовских татар. — «Труды Общества изучения Татарстана». Казань, 1930; *его же*. О диалектах казанского татарского языка. — «Вестник Научного общества татароведения», 1927, № 6.

²⁶ *Л. Жәләй*. Татар диалектологиясе. Казан, 1947.

²⁷ См., например, сб.: «Материалы по диалектологии», Казань, 1955; «Известия КФАН СССР, серия гуманитарных наук», вып. 1. Казань, 1955; сб. «Академику В. А. Гордлевскому к его семидесятилетию». М., 1953 и др.

²⁸ *Л. Жәләй*. Татар телендә диалектлар. — «Совет мәктәбе», 1938, № 5—6, стр. 65—75, № 8, стр. 52—61; см. также книгу: «Татар диалектологиясе».

²⁹ *Л. Залялетдинов*. Опорный диалект в формировании татарского языка. — «Вопросы диалектологии тюркских языков». Баку, 1958.

Диалектный материал собирается в соответствии с программой и согласно намеченной сетке, в среднем через каждые 12—15 км³⁰.

На основе изучения материалов, собранных за последние годы (т. е. после 1958 г.), стало возможным: а) уточнение классификации татарских диалектов, уточнение границ распространения ранее известных говоров и выявление новых; б) прояснение картины формирования татарских диалектов и говоров и установление их характерных особенностей; в) выяснение роли отдельных татарских диалектов в формировании и развитии татарского литературного языка и т. д.³¹

С 1958 г. изданы два Диалектологических словаря. Последний Словарь (1969) по объему материала, его доступности для невладеющих татарским языком (толкования значений слов даны и в русском переводе) занимает особое место в татарской диалектологии. Однако и в этом словаре диалектная лексика не могла быть представлена во всей полноте. По мере расширения диалектологических исследований диалектный материал продолжает накапливаться.

Наряду с подготовкой ДАТЯ и лексикографической работой сектором языка ИЯЛИ ведется исследование и теоретическое обобщение собранных диалектологических материалов, в том числе по заказанской группе говоров среднего диалекта, по мишарскому диалекту, по татарским говорам Нижнего Прикамья, Зауралья и Оренбургской области, по нагорной группе говоров и говорам Среднего Приуралья среднего диалекта.

Перед диалектологами института стоит еще одна неотложная задача — создание учебного пособия, отвечающего современному уровню развития татарской диалектологии.

Монографическое изучение говоров на территории, охватываемой III томом ДАТЯ, начато давно. Многие были сделаны в свое время В. В. Радловым. В советское время исследованием говоров татарского языка занимались С. Амиров, Л. Дмитриева, Д. Тумашева, Г. Ахатов и др. К сожалению, исследование территории, охватываемой III томом ДАТЯ, методом лингвистической географии ведется недостаточно интенсивно. Между тем, по ряду крайне серьезных причин (нерешенность некоторых важных проблем по сибирско-татарским говорам, подготовка Атласа тюркских языков, быстрая миграция населения и т. д.) эту работу следовало бы ускорить.

Готовится и дополнительный том ДАТЯ, охватывающий территории Волгоградской и Астраханской областей.

* * *

Одним из наименее разработанных разделов татарского языкознания является история языка. В последние годы наметилось некоторое оживление в области изучения памятников древне- и старотатарского языка, а также памятников, являющихся общими для ряда тюркских языков. Ф. Фасеевым подготовлен к печати критический текст «Қысса-и-Юсуф» Али с переводом на современный татарский язык и глоссарием; тексту будет предпослано обширное введение. Ведется также работа над

³⁰ Татар теле Диалектологик атласын төзү өчен материал жыйнау программасы. Казан, 1959.

³¹ См., например, следующие сборники: «Материалы по татарской диалектологии», вып. 2. Казань, 1962, стр. 1—314; «Развитие филологических и исторических наук в Татарии». Казань, 1969, стр. 29—36; «Татар диалектлары буенча кыскача белешмә» — в приложении к «Татар теленен диалектологик сүзлеген». Казань, 1969, стр. 612—643 и др.

армяно-кыпчакскими письменными памятниками XVI века. Намечается изучение языка произведений Мухамедьяра (XVI в.), Утыз Имяни (XVIII в.), письменных памятников разговорного языка XVI—XVIII вв. и т. д.

Все это позволит татарским языковедам в недалеком будущем на основе изучения письменных памятников разработать историю татарского литературного языка. Данные диалектологии и памятников разговорного языка (в отдельных случаях — и литературных памятников) позволят подготовить также историческую грамматику татарского языка.

С конца 50-х годов начали развиваться и новые области татарского языкознания: лексикология, стилистика, топонимика и др.

В настоящее время разработка отдельных проблем татарского языкознания сосредоточена в основном в ИЯЛИ и на кафедрах языка КГПИ и КГУ. Некоторые исследования ведутся в Уфе и Елабуге. Работа по татарскому языкознанию координируется Советом, созданным из представителей трех наиболее крупных языковедческих учреждений с центром в ИЯЛИ. За каждым из этих учреждений закреплены определенные темы.

В области развития татарского языкознания достигнуты значительные успехи, но татарским языковедам предстоит решить еще большие задачи, имеющие важное научное и практическое значение.

Б. А. СУЛЕЙМЕНОВА

О СОСТОЯНИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА ДРЕВНЕТЮРКСКИХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКОВ В КАЗАХСТАНЕ

Исследование истории казахского языка связано с именем С. Е. Малова. В статье «К истории казахского языка»¹ С. Е. Малов писал, что такие характерные особенности казахского языка, как утрата заднеязычных *g* и *γ* в определенных позициях в конце и середине слов, переходы и чередование *с* и *s*, употребление *dz* вместо *j* в начале слова возникли в глубокой древности. В связи с этим он подчеркивал важность изучения таких памятников средневековой письменности, как «Codex Sumanicus» (XIII в.), грамматики кыпчакского языка (XIII—XV вв.), трехтомный Словарь Махмуда Кашгарского (XI в.)². Он указывал также на необходимость изучения языка чагатайских письменных памятников. Мнение С. Е. Малова полностью разделяется языковедами республики³, работающими над созданием истории казахского языка. Сопоставляя данные казахского языка с материалами Словаря Махмуда Кашгарского, «Codex Sumanicus», грамматик кыпчакского языка, Н. Т. Сауранбаев высказывает предположение, что «уже в XI в. на базе кыпчакского государственного объединения ряда племен при ведущей роли кыпчаков произошло стяжение или смешение племенных диалектов. Племена кыпчаков, киргизов, части огузов, йагма, аграков, жаруков в конце XI в. составляли этническое ядро кыпчакского государства. На базе их племенных диалектов формируется кыпчакский язык»⁴. Далее он пишет: «...это языковое объединение было настолько глубоким, что ни господство арабского и персидского языков в Средней Азии в IX—XIV вв., ни монгольское расчленение кыпчакского союза племен на разные улусы не могли повлиять на ассимиляцию его. Наоборот, сложившийся казахский язык существовал и впитывал элементы этих языков, оставаясь в своем русле; ...современный казахский язык — есть развитие древнекыпчак-

¹ С. Е. Малов. К истории казахского языка. — «Известия Академии наук СССР, Отд. литературы и языка», 1941, № 3, стр. 97—101.

² Там же, стр. 98.

³ С. К. Кенесбаев. О достижениях и задачах изучения казахского языка. — «Труды первой сессии Академии наук Казахской ССР». Алма-Ата, 1946, стр. 312—329; А. С. Аманжолов. Памятники древнетюркской письменности и их отношение к современным тюркским языкам. — В кн.: «Материалы первой Всесоюзной научной конференции востоковедов в Ташкенте (10—11 июня 1957 г.)». Ташкент, 1958, стр. 827—836.

⁴ Н. Т. Сауранбаев. Некоторые черты древнекыпчакского языка. — «Вестник Академии наук Казахской ССР», 1948, № 12(45), стр. 12.

ского языка в новых условиях»⁵. Мнение о сходстве специфических черт казахского языка с соответствующими явлениями, наблюдаемыми в «древнекыпчакском» языке, высказывается им в последующих работах⁶.

Г. Мусабаев в своей дискуссионной статье, в основном солидаризуясь с точкой зрения Н. Т. Сауранбаева, «общекыпчакскую основу» казахского языка отодвигает еще дальше в глубь веков — в эпоху уйсунского государства (II в.). Основываясь на наличии некоторого сходства в лексике и грамматических формах современного казахского языка и языка надписей на могильнике V века, найденного в местности, некогда населенной племенами уйсун и канглы, Г. Мусабаев полагает, что «эти надписи принадлежали уйсунам и канглы, язык которых якобы имел общетюркскую (кыпчакскую) основу. Видимо, его мнение в какой-то мере основано на выводах историка Х. М. Адильгиреева, писавшего, что «народ, выступивший под наименованием «Казах», сложился между II веком до н. э. и XII н. э.»⁷. Существует еще одна точка зрения, утверждающая, что казахский язык сложился в результате объединения различных племенных диалектов, следы которых обнаруживаются и поныне. Так, указывая на наличие в казахском языке трех диалектов (диалект племен северо-восточных областей Казахстана, диалект южных областей, диалект западных областей), А. С. Аманжолов писал: «Эти диалекты складывались на базе родоплеменных языков и в известной мере в период насильственного раздробления племен полчищами Чингиз-Хана, а затем в период самостоятельного существования трех казахских орд или жузов, которые расценивались как феодальные владения (уделы), существовавшие в течение более трехсот лет. Эти феодальные дробления, безусловно, также способствовали поляризации диалектов»⁸.

Однако ясно, что вырванные из общей системы фактов отдельные данные и умозрительные заключения бездоказательны. Необходимо исследовать каждый письменный памятник, каждое языковое явление отдельно и во взаимодействии, на основе сопоставления с данными других памятников. Правильный научный вывод возможен лишь на основе детального изучения как письменных памятников, так и живых форм языка. Так было начато планомерное и кропотливое изучение языка древнетюркских памятников, трудов средневековых авторов, письменных памятников, относящихся к чагатайскому периоду, а также диалектов казахского языка. Мы здесь попытаемся дать обзор опубликованных работ, посвященных этой проблеме⁹.

В 1959 г. Г. Айдаровым было опубликовано несколько статей по

⁵ Н. Т. Сауранбаев. Некоторые черты древнекыпчакского языка, стр. 17.

⁶ Н. Т. Сауранбаев. К вопросу об образовании казахского языка. — В кн.: «Доклады советской делегации на XXIII Международном конгрессе востоковедов. Секция Ирана, Африки и Средней Азии». М., 1954, стр. 185—195.

⁷ Х. М. Адильгиреев. К истории образования казахского народа. — «Вестник Академии наук Казахской ССР», 1951, № 11 (70), стр. 92.

⁸ А. С. Аманжолов. Советское языкознание на новом этапе. — «Вестник Академии наук Казахской ССР», 1951, № 1 (70), стр. 23; его же. Вопросы диалектологии и истории казахского языка. Алма-Ата, 1959.

⁹ По ряду упоминающихся ниже научных проблем написаны кандидатские диссертации: Г. Айдаровым — о языке памятника Тоньюкука (1959), А. Курышжановым — о системе падежей в языке «Codex Cumanicus» (1959), А. Аманжоловым — о глагольном управлении в языке памятников древнетюркской письменности (1963), Е. Агмановым — об именно-атрибутивном сочетании в языке древнетюркской письменности (1964), М. Джолдасбековом — о древнетюркских литературных памятниках и их отношении к казахской литературе (1969), А. Есенгуловым — о словообразовательных аффиксах в языке древнетюркской письменности (1969) и др.

языку памятника Тоньюкука¹⁰. В дальнейшем он опубликовал ряд статей и по языку других древнетюркских памятников и подготовил сборники материалов по древнетюркской письменности. Затем Г. Айдаров приступил к изучению отдельных языковых фактов исследуемых памятников и сопоставлению их с фактами и материалами других тюркских языков, в частности огузской группы¹¹.

В 60-х гг. начинается изучение отдельных проблем языка древнетюркских памятников. В 1963 г. А. Аманжолов публикует статью о глагольном управлении в языке памятников древнетюркской письменности¹². Статьи по грамматике древнетюркской письменности публикует и А. Ислямов¹³.

¹⁰ Г. Айдаров. О языке памятника Тоньюкука и его отношении к некоторым современным тюркским языкам. Автореф. канд. дисс. Алма-Ата, 1959; *его же*. VIII ғасырлардағы Тоньюкук ескерткішінің тарихы жөнінде. — «Халық мұғалімі». 1959, № 6, стр. 86—88; VIII ғасырдағы Тоньюкук ескерткішіндегі қазак тіліне тән сөздер. — «Қазак тілі мен әдебиеті мәселелері», 1959, № 6, стр. 26—27; Тоньюкук ескерткішіндегі кейбір топонимикалық атаулар. — «Вопросы казахского и уйгурского языкознания». Алма-Ата, 1963, стр. 179—181; Морфологическая характеристика именных основ в языке памятника Тоньюкука. — «Известия Академии наук Казахской ССР, серия филологии и искусствоведения», вып. 3, 1959, стр. 35—41; Тоньюкук ескерткішіндегі қазак тіліне қатысты материалдар. — В сб.: «Вопросы истории и диалектологии казахского языка», вып. 5. Алма-Ата, 1963, стр. 64—108.

¹¹ Г. Айдаров. VIII ғасырдағы могилян ескерткіші. — «Вестник Академии наук Казахской ССР», 1963, № 5, стр. 77—284; *его же*. О языке памятника Кутлуг-Кагана (VIII в.). — «Известия Академии наук Казахской ССР, серия общественных наук», 1963, № 6, стр. 82—88; О языке памятника Кули-Чур (VIII в.). — «Вестник Академии наук Казахской ССР», 1964, № 11, стр. 76—77; *его же*. Язык орхонского памятника Бильге-Кагана. Алма-Ата, 1966; *его же*. Көне түркі жазуларынан материалдар (VIII ғасырдағы Мойын-Чор ескерткішінің тілдік өрекшеліктері). Алматы, 1966; *его же*. Орхон ескерткіштеріндегі сөз тіркестері. — «Известия Академии наук Казахской ССР, серия филологии и искусствоведения», вып. 3, 1962; *его же*. Имя прилагательное в языке орхонской письменности (VIII в.). — «Известия Академии наук Казахской ССР, серия общественных наук», вып. 1; *его же*. Орхон-Енисей жазуларының фонетикасынан мағлұмат. — В сб.: «Исследования по истории казахского языка». Алма-Ата, 1965, стр. 25—41; *его же*. Морфологический указатель памятника Кули-Чур (XIII в.). — «Вестник Каракалпацкого филиала АН Узбекской ССР», вып. 1, 1966; *его же*. Некоторые вопросы лексики орхонских памятников. — «Филологический сборник» Мин-ва высшего и среднего спец. образования, вып. V. Алма-Ата, 1966, стр. 284—303; *его же*. Словообразование в языке орхонских памятников (VIII в. н. э.). — «Тюркологический сборник». М., 1970; *его же*. Служебные части речи в языке орхонских памятников. — В сб.: «Исследования по тюркологии». Алма-Ата, 1969, стр. 148—150; *его же*. Некоторые сходные слова памятника «Тоньюкук» и современного туркменского языка. — «Известия Академии наук Туркменской ССР, серия общественных наук», вып. 4, 1961; *его же*. Некоторые общие элементы орхонской письменности и живых огузских языков. — В сб.: «Вопросы диалектологии тюркских языков», т. IV. Баку, 1966, стр. 125—141; *его же*. Орхон-Енисей дили (в соавторстве с М. Н. Хыдыровым), учебное пособие для вузов Туркменской ССР. Ашхабад, 1968.

¹² А. С. Аманжолов. Глагольное управление в языке памятников древнетюркской письменности. Автореф. канд. дисс. М., 1963; *его же*. Об управлении древнетюркского корневого глагола. — «Известия Академии наук Казахской ССР, серия филологии и искусствоведения», вып. 1—2, 1959, стр. 21—43; *его же*. Об управлении производных глагольных основ древнетюркских памятников. — В сб.: «Вопросы Казахского языкознания» (Труды Ин-та языка и литературы АН Казахской ССР, т. I). Алма-Ата, 1959, стр. 145—161; *его же*. К вопросу об управлении аналогических глаголов в древнетюркских языках. — В сб.: «Филологический сборник» Мин-ва высшего и среднего спец. образования, вып. 1. Алма-Ата, 1963, стр. 165—177; *его же*. Глагольное управление в языке древнетюркских памятников. М., 1969.

¹³ А. Ислямов. Употребление падежей в языке древнетюркских памятников. — «Ученые записки Семипалатинского пед. ин-та им. Н. К. Крупской», вып. 2, 1957, стр. 240—297; *его же*. Строй предложения в языке древнетюркских памятников. — Там же, вып. 3. 1959, стр. 226—246.

В 1964 г. Е. Агманов выступает с рядом статей, посвященных именным и атрибутивным сочетаниям в памятниках древнетюркской письменности¹⁴.

В работе М. Джолдасбекова «Древнетюркские литературные памятники и их отношение к казахской литературе» впервые сопоставлялись древнетюркские памятники с произведениями казахской литературы¹⁵. В конце 1969 года и несколько ранее А. Есенгулов публикует ряд статей, посвященных словообразовательным аффиксам в языке древнетюркской письменности¹⁶.

Наряду с изучением древнетюркских памятников исследуется язык письменных памятников, относящихся к средним векам, в частности к XI—XIV вв. Особый интерес проявляется к изучению так называемых памятников кыпчакского языка. Самым крупным среди них многими учеными признается «Codex Cumanicus». В 1957—1959 гг. А. Курышжановым был опубликован ряд статей о системе падежей и об особенностях языка этого памятника. А. Курышжанов касается не только истории создания рукописи «Codex Cumanicus», но и истории народа, являвшегося носителем ее языка¹⁷.

Наряду с изучением этого основного памятника кыпчакского языка А. Курышжанов одновременно занимается исследованием письменных памятников мамлюкских кыпчаков XIII—XIV вв. Им изучаются материалы широко известного в тюркологии тюркско-арабского словаря, написанного анонимным автором в 1245 г. в Египте (или Сирии) и считающегося одним из ранних памятников этого рода.

¹⁴ Е. Агманов. Именно-атрибутивное сочетание в языке памятников древнетюркской письменности. Автореф. канд. дисс. Алма-Ата, 1964; *его же*. Наблюдение над структурной особенностью изафета в памятниках древнетюркской письменности. — В сб.: «Тіл және әдебиет мәселелері». Алматы, 1963, стр. 29—37. Именное словосочетание с причастием в качестве заглавного слова в языке памятников древнетюркской письменности. — В сб.: «Тіл және әдебиет мәселелері». Алматы, 1965, стр. 3—18; *его же*. Тенденция предикативизации словосочетаний, выражающих атрибутивное отношение в тюркских языках. — «Известия Академии наук Казахской ССР, серия общественных наук», вып. 2, 1964.

¹⁵ М. Джолдасбеков. Древнетюркские литературные памятники и их отношение к казахской литературе. Автореф. канд. дисс. Алма-Ата, 1969.

¹⁶ А. Есенгулов. Словообразовательные аффиксы в языке древнетюркской письменности (на материале орхоно-енисейских и таласских памятников). Автореф. канд. дисс. Алма-Ата, 1969; *его же*. Туркі тіліндегі-мыш қосымшасы туралы бірер сөз. — «Известия Академии наук Казахской ССР, серия общественных наук», 1966, № 4; *его же*. Көне туркі ескерткіштеріндегі -лық, жұрнағыны, мағнасы. — «Известия Академии наук Казахской ССР, серия общественных наук», 1969, № 2; *его же*. Орхон-Енисей ескерткіштері тіліндегі устеу сөздердің жасалуы. — Журн. «Қазақстан мектебі», 1969, № 10.

¹⁷ А. Курышжанов. Форма и значение падежей в языке «Codex Cumanicus». Автореф. канд. дисс. Алма-Ата, 1958; *его же*. «Codex Cumanicus» тіліндегі мекендік ұғымды бідретін септіктердің мағналары. — В сб.: «Вопросы истории и диалектологии казахского языка», вып. 1, 1958; *его же*. Значение аккумулятива в языке «Codex Cumanicus». — «Известия Академии наук Казахской ССР, серия филологии и искусствоведения», вып. 1, 1957, стр. 42—47; *его же*. Генитив в куманском языке. — «Известия Академии наук Казахской ССР, серия филологии и искусствоведения», вып. 1—2, 1959; *его же*. Ескі туркі тілдерінің кейбір жазу нұсқалары туралы деректер. — «Қазақ тілі мен әдебиеті», 1958, № 7, (в соавторстве с проф. Н. Т. Сауранбаевым); К изучению куманских загадок. — В сб.: «Вопросы истории и диалектологии», вып. 2. Алма-Ата, 1960; «Кодекс Куманикус». — Журн. «Жұлдыз», № 9 (в соавторстве с проф. Н. Т. Сауранбаевым); Арабо-персидские элементы в куманском языке (на материале лексик). — В сб.: «Вопросы истории и диалектологии казахского языка», вып. 4, 1962; *его же*. О графике одного слова в памятнике куманского языка «Codex Cumanicus». — Журн. «Эпиграфика Востока», вып. XV, 1963; *его же*. Кыпшактар кім. — Журн. «Білім және еңбек», 1962, № 11, 12.

А. Курышжановым опубликован ряд статей об упомянутых памятниках, в том числе и о «Китаб булгат ал-муштак фи лугат ат-турк ва-л кифжак» и др.¹⁸

К исследованиям А. Курышжанова примыкает интересная работа М. Н. Маженовой о языке памятника «Китаб ал-идрак ли-лисан ал-атрак»¹⁹. Как известно, П. М. Мелиоранский считал эту рукопись одним из наиболее полных и интереснейших памятников тюркских (кыпчакского) языков, а ее автора, Абу-Хайяна, — выдающимся ученым своего времени²⁰. Самое беглое знакомство с работой М. Н. Маженовой²¹ убеждает в том, что образцом для автора послужил труд П. М. Мелиоранского.

Памятники старокыпчакского языка в казахской лингвистике пока еще являются объектом самостоятельного исследования, без сравнения и сопоставления с языковыми фактами современного казахского языка. Последнее станет возможным и целесообразным только после полного освоения и всестороннего анализа языковых явлений исторических памятников. В ближайшие годы параллельно с изучением некоторых письменных памятников мамлюкских кыпчаков предполагается подготовка и издание «Кодекса Куманикуса» на русском языке. Планируется также исследование языка «Хикметов» Есеви как одного из источников по истории казахского языка. В настоящее время в Казахстане наряду с интенсивным изучением древних и средневековых памятников подготавливаются учебники и учебные пособия по языку древнетюркских памятников. Часть из них уже опубликована²², часть находится в печати.

Памятники древнетюркского языка привлекают внимание и казахских литературоведов. В учебниках, учебных пособиях и хрестоматиях

¹⁸ А. Курышжанов. XIII ғасырдың қолжазбасы және ондағы қазак тілінің деген сөздігі мағнасы. — В сб.: «Вопросы казахской филологии», 1964; *его же*. К истории и критике Тюркско-арабского словаря XIII в. — В сб.: «Исследования по истории казахского языка», 1965; *его же*. Следы говоров в языке Тюркско-арабского словаря XIII в. — В сб.: «Казахская диалектология». Алма-Ата, 1965; *его же*. Элементы туркменского языка в Тюркско-арабском словаре XIII в. — «Известия Туркменской Академии наук, серия общественных наук», 1966, № 2; *его же*. К характеристике первичных глагольных основ в языке древнекыпчакских памятников. — «Вестник Академии наук Казахской ССР», 1967, № 6; *его же*. Қөне қыпшақ тілінің зерттелу тарихы. — «Қазак әдебиеті», 22 декабрь 1968; *его же*. Қөне қыпшақ тіліндегі ай, кун аттары. — «Исследования по тюркологии». Алма-Ата, 1969, стр. 68—78; А. Курышжанов, Б. Репин. К истории исследования древнекыпчакских памятников. — «Известия Академии наук Казахской ССР, серия общественных наук», 1966, № 4.

¹⁹ М. Н. Маженова. Әбу-Хайян қыпшақ тілінің зерттеушісі. — Журн. «Білім және еңбек», 1966, № 4; *ее же*. Әбу-Хайяның түркі тілдерінің түсіндірме кітабында берілген дауыссыз дыбыстар жайындағы деректер. — «Қазак тілі мен әдебиет мәселелері». Сб. статей аспирантов и соискателей, вып. IV. Алма-Ата, 1966, стр. 114—120; *ее же*. Әбу-Хайян кітабындағы грамматикалық көрсеткіштер. — В сб.: «Исследования по тюркологии». Алма-Ата, 1969; *ее же*. Әбу-Хайян еңбегінің грамматикалық очерктері. — «Қазак тілі және әдебиеті мәселелері». Сб. статей аспирантов и соискателей, вып. VI. Алма-Ата, 1969, стр. 28—37.

²⁰ П. М. Мелиоранский. Араб-филолог о турецком языке. Введение, стр. VIII—IX. СПб., 1900.

²¹ М. Н. Маженова. Абу-Хайян — исследователь кыпчакского языка. Автореф. канд. дисс. Алма-Ата, 1969.

²² А. Курышжанов, М. Томенов. Орхон-Енисей жазуы ескерткіштерінің зерттелу тарихы мен грамматикалық очерктері. Алматы, 1964; А. Абилькаев, К. Умиралиев, Ш. Сарыбаев. Қазак тілі тарихы грамматикасы бойынша бақылау-пысықтау жинағы. Алматы, 1968.

по казахской литературе широко используются и популяризируются материалы этих памятников²³.

Наш обзор был бы не полным, если бы мы не упомянули о двух книгах, уже защищенных в качестве докторских диссертаций. Первая из них — это книга Т. Р. Кордабаева «Вопросы исторического синтаксиса»²⁴, посвященная описанию синтаксиса казахского языка XV—XIX вв. и анализу синтаксического строя языка книги Кадыргалия Кошум-улы «Жамиғ-ат тауарих» и Абылгазы Багадурхана «Шежірен-тюрк», а также языка переписки казахских биев, султанов и предводителей племен с русской администрацией. Вторая книга — «Развитие современного уйгурского литературного языка» — А. Т. Кайдарова²⁵ посвящена рассмотрению общенародного уйгурского языка во всех его диалектных проявлениях и взаимоотношениях с современным литературным языком как советских, так и синьцзянских уйгуров. Написанная на русском языке, она доступна широкому кругу читателей и может служить ценным пособием для студентов, преподавателей и языковедов-тюркологов.

В данном обзоре мы пытались познакомить читателя с основными работами казахских языковедов, посвященными исследованию языка древних и средневековых письменных памятников. Не претендуя при этом на полноту охвата материала, мы напомним читателю, что имеется по этому вопросу довольно полный библиографический указатель Ш. Сарыбаева и интересный обзор работ по истории казахского языка Б. Абилкасимова²⁶.

²³ Эдебиет нускалары. Составители: Б. Кенжебаев, Х. Суюншалиев, М. Жолдасбеков, М. Магауин, К. Ситдыков. Алма-Ата, 1967; Х. Суюншалиев. Қазак әдебиетінің қалыптасу кезіндері. Алматы, 1967; А. Қурманжанов, М. Томанов, Г. Айдаров, Р. Бердібаев. Ежелгі мәдениет куәлері. Алматы, 1966, стр. 144—212; М. Томанов. Махмуд Кашғари. Орта Азия мен Қазақстанның ұлы ғалымдары. Алматы, 1964, стр. 153—166.

²⁴ Т. Р. Кордабаев. Тарихи синтаксис мәселелері. Алматы, 1964.

²⁵ А. Т. Кайдаров. Развитие современного уйгурского литературного языка. Алма-Ата, 1969.

²⁶ Ш. Сарыбаев. Қазак тіл білімі әдебиетінің библиографиялық көрсеткіші. Алматы, 1965; Б. Абилкасимов. Қазак тілі тарихының зерттелуі жайында. — «Известия Академии наук Казахской ССР, серия общественных наук», 1967, № 5, стр. 71—78.

Ф. С. ФАЦЕЕВ

НОВЫЙ ТИП ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ

Диалектологический словарь татарского языка¹ (ДСТЯ) — результат многолетнего труда группы диалектологов Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова АН СССР (Казань). Издание словаря воспринято общественностью как значительное явление в развитии татарской диалектологии и лексикографии.

В предисловии к словарю (стр. 5—6) указаны источники ДСТЯ и дан сжатый очерк истории диалектальной лексикографии, начиная с конца XVIII в.² Как известно, в трудах Дамаскина (Д. С. Руднев), И. Гиганова, Л. Будагова, Н. П. Остроумова, А. Воскресенского, В. В. Радлова, К. Насырова, Г. Ахмарова, Н. Ф. Катанова³ и других отражена лексика преимущественно восточного, отчасти среднего и западного диалектов. Первым диалектологическим словарем современного типа был «Диалектологик сүзлек» под редакцией Л. Залая. Словарь издавался отдельными выпусками: вып. I, Казань, 1948, 263 стр.; вып. II, Казань, 1953, 264 стр.; вып. III, Казань, 1958, 260 стр.

В 1958—1968 гг. был собран обширный лексикологический материал, положенный в основу рецензируемого словаря, представляющего собой совершенно оригинальный труд с новыми принципами построения. Эти принципы изложены на стр. 7—15 ДСТЯ.

Проста и удобна система транскрипции заглавных слов и иллюстраций (стр. 13—14); приняты следующие дополнительные знаки: w — губно-губной сонант; d — межзубной щелевой /-з, >/, й — везде вм: j; ғ, к₁ — заднеязычно-увулярные; /' — гортанный смычный, /' / — палатальность согласных (н'-нь, л'-ль, т'-ть... и т. п.). Обычные знаки а — ә, у — ү, о — ө, ы — э(е), ый — и выражают систему десятигласного вокализма татарского языка: [a⁰ — ә, у — ү, о — ө, ы — е, ы] — и¹]. При этом необходимо иметь в виду чередование гласных при сравнении с другими тюркскими языками, например в словаре: *ур* «овраг, сухое русло» <тюрк. *ör* «ров» (РСл. 1046)⁴, *уба* «возвышенность; яма...» <тюрк. *öba* «холм, курган...»; *оло* (*оло*) «огромный» <тюрк. *uluğ* «большой»; *өзәм* (*өзәм*) «изюм» <тюрк. (j) *üzüm* «виноград»; *үпмәк* «хлеб пече-

¹ Татар теленен, диалектологик сүзлеге. Казан, 1969. Составители: Н. Б. Бурганова, Л. Т. Махмутова, З. Р. Садыкова, Г. К. Якупова. Общая редакция Л. Т. Махмутовой.

² Предшествующий период см.: *Мустафа Нугманов*. Русско-татарские рукописные словари XIII—XVIII вв. Казань, 1969 (на татар. яз.).

³ *Н. А. Баскаков*. Введение в изучение тюркских языков. М., 1969. *А. Г. Каримуллин*. Библиография литературы по татарскому языкознанию. Казань, 1957; Татарско-русский словарь (ТРСл.). М., 1966.

⁴ Здесь и ниже из «Опыта словаря тюркских наречий» В. В. Радлова, т. I, стр. 1157, 1899, 1275, 803, 1490.

ный» <тюрк. *ötмәк* — то же; ил «село; родная сторона...» <тюрк. *әл'* «страна; эль; союз племен»; *элке (елке)* «прежде, раньше» <тюрк. *илкі* — то же и т. п.

В приложении дается алфавитный словарь диалектной номенклатуры растений (стр. 585—611) с указанием их литературного и русского эквивалентов и латинского научного термина:

айукамыр 1. ч ст., м э л., х в л., ку з н. гөлж, имеш, гөләп (шиповник *Rosa Сinpatomea L.*); 2. ч ст. к. бөгән., что очень важно для упорядочения ботанической и сельскохозяйственной терминологии.

Вторым приложением к словарю является краткий справочник по татарским диалектам (стр. 612—643). В справочнике излагается история татарской диалектологии, далее следует систематическое описание фонетических (стр. 616—625) и морфологических (стр. 626—637) особенностей среднего и западного (мишарского) диалекта. Большое внимание уделено описанию глагола с его грамматическими категориями (стр. 631—637). Из синтаксических особенностей (стр. 637—638) выделены некоторые различия в изафетных сочетаниях, в управлении падежами и в оформлении вопросительных предложений. Лексические особенности представлены с точки зрения характеристики пластов заимствованной лексики (стр. 639—640). В заключение приводится библиография по татарской диалектологии.

Словарь (стр. 16—584) составлен на базе лексики среднего и западного диалектов⁵ (а также некоторых смешанных переходных говоров) и включает 14-15 тысяч реестровых слов и словосочетаний, значительная часть которых вводится в научный обиход впервые.

В соответствии с основными принципами составления словаря (стр. 12) в словник ДСТЯ включены прежде всего лексические диалектизмы, отсутствующие в литературном языке: *ыланшак* (<*уҫлан-ушак*₁) «детвора» (лит. *бала-чаға*), *түрәү* (<*төрәй*-) «родить; родиться» (лит. *тудыру, туу*), семантические диалектизмы, отличающиеся от литературного языка лишь по значению: *алма* «картофель» (лит. знач. «яблоко»), *сак, ал* «подбородок» (лит. знач. «борода») и т. п. Включены также слова с более широкой, чем в литературном языке, семантикой (см. ниже *айаз* и др.), а также контекстуальные диалектизмы или так называемые фразеологически связанные значения слов, определяемые контекстом. Хотя *жабалдаш* (лит. *ябалдаш*) «развесистые ветви и крона деревьев» как регулярный фонетический вариант и не подлежит включению в словник⁶, однако в сочетании *жабалдаш кеше* то же слово приобретает значение «коренастый, приземистый человек», и в данном случае включение его в словарь закономерно.

Однако система татарских диалектов и их взаимоотношения с общенациональным языком чрезвычайно сложны⁷, и это отражается на структурных особенностях говоров, где можно обнаружить не только регулярные, но и целый ряд нерегулярных, как бы «потухших» или «затухающих» явлений, имеющих аналогии в других тюркских языках. Поэтому в ДСТЯ включаются как рудиментарные образования, так и инновации, имеющие значение для этимологии, истории и сравнительной грамматики тюркских языков. Например: *дары* (лит. *тары*) «просо»; *гәрәз* (лит.

⁵ Материалы восточного диалекта см.: Д. Г. Тумашева. Көнбатыш Себер татарлары теле. Казан, 1961 и Г. Х. Ахатов. Диалект западносибирских татар. Уфа, 1963.

⁶ Любое слово с начальным *j* (графич. *я, ю, е, йо-йе*) может произноситься в говорах среднего диалекта с [ж₁].

⁷ См. ТРСл., стр. 807—812.

караэ) «соты»; *сикертка* (лит. *чикертка*) «кузнечик»; *айтавер* (лит. *айта бир*) «пусть; продолжай говорить»; *ика* (лит. *икэн*) «оказывается» и т. д. и т. п. Здесь можно найти параллели с древнетюркскими карлукско-уйгурскими, булгарскими, огузско-кипчакскими лексическими формами.

Примечательно сохранение в диалектах многочисленных древних лексем, считавшихся до сих пор лишь принадлежностью старолитературного татарского языка (поволжский тюркь XIII—XVIII вв.). Например: *алап* ~ *алып* «великан; исполин», *анчак*₁ «тогда», *булдачы* «будущий; являющийся», *ату* «сапог», *ашу* «больше, в избытке», *ашак*₁ «низкий», *бетег* «письмо», *беранча* «несколько», *кемсэ* «некто», *инче* «наследство», *ирмак* «забава», *кунэ суы* «ртуть» и т. п. Эти лексемы частично изменили своё значение, например: *аргыш* «дружки; распорядители свадебного поезда-каравана» (др.-тюрк. *аргыш*, *аркыш* «караван»); *к₁одок*₁, *к₁озок*₁ «прорубь», *к₁оток*₁ «лужа» (лит. *к₁ойы*, др.-тюрк. *к₁удуф* «колодец»). Некоторые употребляются лишь в оборотах: *балбан булган*, *балбан шикелле* — о полном человеке, упитанном животном, ср. др.-тюрк. *балбал* «надгробный камень; истукан»; *к₁ырым черүше чак₁лы* — о большом количестве чего-либо, *досл.* «как крымское войско»; *тархан яту* «бездельничать», *досл.* «лежать как тархан» и т. п.

Особое внимание уделено в ДСТЯ разработке семантического объема слов. Например: лит. *айаз* «ясный, безоблачный» (ТРСл., стр. 49), а в говорах — *айаз*: 1. Заказанье, Оренб., Киров., Удм. АССР: «поляна; лужайка»; 2. Заказанье: «открытое, незатененное, ровное место»; 3. Киров., Удм. АССР «чистый, звонкий (голос)»; «ясный, отчетливый, разборчивый (о письме)»; 4. Там же: «приветливый, радушный»; 5. Там же: «острый» — о зрении; 6. Там же: «очень» — усиление качества; 7. Нагорн. ТАСР: «бойкий, ловкий, проворный»; 8. Заказанье: «только, лишь, единственно». Слово *ару* представлено 19 значениями, *салу* — 13, *йантык* — 11, *шилэ* (<*шөйлэ*, *шу илэ*) — 8, *бабай*, *бирнэ*, *кэлшэ*, *тапау* — 7 значениями и т. д.

Все заглавные слова снабжены пометой — адресом и объяснены достаточно подробно на татарском, а затем и на русском языке. Необходимо отметить при этом богатство и разнообразие иллюстративного материала словаря: в примерах использованы не только бытовые диалоги, но и цитаты из разных жанров устного творчества, см., например, статьи на *чебелдек* «занавеска над ложем», *энечка* «тонкий» (о бровях), *кабеш* «родной, -ая», *ашик* «любовь», *дыва* «молитва». Иллюстрациями служат народные песенки, пословицы, поговорки, прибаутки, магические формулы и т. п. Особенно интересны частушки, отражающие старый быт, например. об игре в портные — *тегуче уйыны* (стр. 453):

Әлһам дә — Вәли, йасын дә — Вәли, к₁ашын₁ к₁армалый, күзен₁ сөрмәли, абыстайлар, тун тегәргә йукмы эли? «И благословение, и за упокой — на все руки мастер, наш Вали такой. Очи сурьмяные, черные бровушки, что вам пошить, милые тетушки?».

ДСТЯ охватывает почти все тематические группы лексики татарского языка: ландшафты, рельеф, породы и земельные угодья; растительный и животный мир; анатомические, метеорологические, астрономические и другие понятия. Например, понятия времени: *замат*, *ара*, *беркавым* «момент; промежуток времени», *мизгел* «миг, мгновение», *чорчур* «период, сезон, пора»; годы животного цикла: *к₁уйан*, *сыйыр*, *тычкан*, *ж₁ылкы*, *дун₁гыз ж₁ыллары* «годы зайца, коровы, мыши, лошади, свиньи» и т. д. имеют ослабленное реальное значение. То же и в названиях месяцев народного календаря: *наруз айы* «март—апрель», *сабат*

айы «месяц пашни», *урак*₁ *айы* «месяц жатвы», *оло кырлач* «декабрь—январь», *кече кырлач* «январь—февраль».

Хорошо разработана этнографическая терминология, относящаяся к области материальной и духовной культуры татарского народа, его обрядам, праздникам и народным играм, домашнему обиходу, одежде, украшениям. Ср., напр., словарные статьи на: *ак*₁ I «молочные продукты...», *ак*₁ II «подарок невесты после сговора...»; *йер анасы*—мифический образ матери земли... *йер майы* — прибор, употреблявшийся в народной медицине... *читек* — национальная обувь, ичиги... *чүпләмле* — молодежная игра «ручеек»... и мн. др.

В ДСТЯ отражены все словообразовательные формы⁸ слов татарского языка, например, диалектные ответвления обычных корневых слов: *йиз* «лето» (л и т. «весна»), *йорт* «двор» (л и т. «дом»); производные слова: *йулагай* «попутно», *арткары* «дальний, дальше» и др.; сложные слова, например сочетания с *-айак*₁: *кышайак*₁, *жымайак*₁, *саплайак*₁, *соскайак*₁, *тазайак*₁, *ташайак*₁—разные виды посуды, чаши, ср. л и т. *чинайак*₁—*чынаяк* «чашка; чайный сервиз» (досл. «китайская чаша; фарфор; фаянс»); весьма оригинальны сочетания с основой *-бай* «изобилующий чем-нибудь»: *жилдербай* «легкий на подъем», *сакбай*, *кылакбай* «глухой» (!), *ордыбай* «опрометчивый» и др. Особенно много парных слов, столь присущих специфике тюркских языков: *агач-буғач* «ветки; сучья», *алма-тилмә* «чередующься; попеременно», *кырга-кызан* «вороньё», *тоз-тибез* «соль, соленость»⁹ и т. п. Многочисленные составные слова типа: *агач айак*₁ «лыжи», *айак баскыч* «педаль», *айак савыты* «обувь», *кызыл йомыртка бэйрәме* «пасха» (досл. «праздник красных яиц») и т. п. чаще располагаются в словаре в алфавитном порядке определяемого слова.

ДСТЯ является в какой-то мере и словарем народно-разговорного языка, так как включает ряд разговорных и просторечных слов и толкований, недостаточно отраженных в обычных словарях, что имеет немаловажное значение для системной разработки словарных статей, регистрации лексики «пограничных областей» и, наконец, выявления диалектной базы общенационального языка. Так, нижеследующие слова употребляются в большинстве говоров, не имея специфически диалектного оттенка: *авырык*₁ *өыну* «недомогать», *азак*₁ «после, затем», *ала* «до, по...»; *алачык*₁ «кузница», *аралау* «разрезать; разнимать», *иләшу* «привыкать», *инәлу* «умолять», *ин*₁ «плечо», *исәп* «дума; печаль...» То же необходимо сказать и о местных жаргонных выражениях¹⁰, например: *айфарлану*, *буламы утырып* (шуточн.), *кәттә*, *челбәй*, *хәттин ашқан*, *хәшәб*, *хәрәсэн йалк*₁ *авы*, *жифырт-мифырт*, *әжбәғыр*, *дәллә* (<*тәллә* «золото»), *әштеп чыгару*, *шәнгәрәй* «коптелка» (из личного имени).

Итак, лексический состав ДСТЯ богат и разнообразен. Однако возникает вопрос, правомерно ли включение в него вышеотмеченных пластов лексики? Широта охвата лексики, структура словарных статей и другие особенности определяются прежде всего типом диалектологического словаря. К какому же из известных типов подобных словарей относится ДСТЯ?

⁸ См.: Ф. С. Фасеев. Татар телендә терминология нигезләре. Казан, 1969, стр. 117—172.

⁹ Вторая часть *-тибез* имеет аналогии с монг.: *давс* «соль», бурят. *дабһа(н)*, калм. *давсн*, др.-монг. *dabusun*, чув. *тавар*, якут. *тууз*.

¹⁰ Этот пласт лексики (профессионализмы, просторечия, вульгаризмы) до сих пор не собран и почти не изучен. Кроме научного интереса, он имеет значение средства стилизации (воссоздание реалий быта, характеров исторического колорита, сатиры и юмора). См.: Н. К. Дмитриев. Строй тюркских языков. М., 1962, стр. 493—503.

В зависимости от степени охвата диалектной территории или диалектных групп словари могут включать: 1) лексику одного или нескольких селений; 2) «подговор» определенного района; 3) «говор» ряда районов; 4) группу говоров определенной зоны; 5) диалект (области и т. д.); 6) группу диалектов (культурно-исторический ареал); 7) наречия (этнографической группы, не успевшей развиться в особую народность); 8) все диалекты и наречия данного национального языка.

По степени отражения лексического состава различаются следующие виды словарей: 1) дифференциальный словарь, включающий в себя лишь то специфическое, что отличает данный говор или диалект от общенационального языка; 2) полный словарь-справочник, отмечающий всё без исключения, что услышано в речи и записано к текстам на территории распространения данного говора¹¹, т. е. без оглядки на то, имеется ли эта лексема (семантема, номенклатура, фразеологизм) в литературном языке или не имеется; 3) смешанный или полудифференциальный словарь, включающий дополнительно важнейшие лексемы общеразговорной речи, преимущественно номенклатурного характера, относящиеся к местной географической среде, хозяйству и ремеслам, обрядам, играм, фольклору, мифологии и другим этнографическим особенностям далеко не местного значения¹². Так, отчасти преодолевается основной недостаток чисто дифференциальных словарей — разрозненность лексем и значений, отсеченных от живой системы говоров и диалектов. Между тем, если диалекты суть ответвления общенародного языка, то основой всякого говора должен служить именно этот общеразговорный язык, а его своеобразным дополнением, «оттеняющей окраской» — некоторые диалектальные черты (произношение, лексика и т. д.)¹³.

Следовательно, фактическое отражение диалекты находят в полном словаре-справочнике. Составление такого словаря даже отдельного населенного пункта (что тоже очень важно!) требует значительного времени. Однако гораздо больше материальных сил и средств требует составление полного словаря всех диалектов данного национального языка. Поэтому неудивительно, что дифференциальные словари, при всех их недостатках (неполнота, отсутствие системности, разрозненность лексико-семантических связей), до сих пор представляют собой начальный этап в развитии диалектальной лексикографии (ср., напр., ДС I, II, III). Что же касается ДСТЯ 1969 г., то он относится к более сложному типу, а именно — к полудифференциальному словарю группы диалектов определенного культурно-исторического ареала. В этом его специфика, новизна и преимущество.

Известно, что между литературным языком и местными диалектами находится живой разговорный общенациональный язык, богатейшая сокровищница которого до сих пор ожидает своих собирателей и исследователей.

¹¹ С регистрацией речи всех возрастных групп населения, с выделением архаического, традиционного и основного в говоре, а также с определением влияния литературной, междиалектной и иноязычной среды, что требует длительного систематического наблюдения.

¹² Разновидности диалектных словарей представляют собой сочетания рассмотренных выше типов. Признаки же «толковый — переводный» не являются определяющими для ДС, ибо диалектная лексика соотносительна с общелитературной и должна толковаться для представителей данного языка путем привлечения литературных эквивалентов. Переводы же имеют дополнительное научное значение (общеславистское, тюркологическое и т. д.). В данном случае толкование является неотъемлемой особенностью полного справочного и смешанного дифференциального словаря.

¹³ В описаниях говоров отбирается, анатомизируется именно последнее, а связи с общенародно-разговорным языком, как правило, не рассматриваются. Этим объясняется, в частности, неясность соотношения литературных, общеразговорных, просторечных и диалектальных элементов в языке.

дователей. Естественно, диалектологические экспедиции привлекают некоторые лексические материалы общенационального языка, однако по самому существу своих специальных задач не могут этого сделать в полном объеме. Тем более необходимо отметить заслугу составителей ДСТЯ, взявших на себя и в пределах возможного выполнивших и эту задачу.

Несомненно, что ДСТЯ послужит обогащению синонимических и номенклатурных средств татарского литературного языка, в истории которого и в прошлом имелся удачный опыт использования разговорной и диалектной лексики¹⁴. Однако процесс демократизации и обогащения литературного языка за счет «народной речи» еще далек от завершения. Неиспользованным остается еще многое из разговорной лексики, не говоря уже о богатейшей номенклатуре народных профессий и ремесел. В этом отношении ДСТЯ содержит много удачных наименований-терминов по сельскому хозяйству, географии, биологии, медицине и т. д. Здесь можно почерпнуть много полезного писателям, журналистам, переводчикам, например: *йарак*₁ «приспособление; пригодность, польза»; *айакчы* «тамада; официант»; *ару* «чистый, непоганный»; *атк, ару* «исполнять быстро», *алыс* «далеко; даль»; *йапан* «безлюдные просторы»; *оны-к, а* «внучка», *тудык, а* «кузина», *тудык, 1* «кузен», *игэч* «сестра» (безотносительно к возрасту, напр., «Три сестры» — «Өч игэч») ¹⁵.

Естественно, в таком большом труде возможны и недочеты, неизбежные во всяком новом деле. Все же заметим, что большинство этих недочетов относится не столько к содержанию, сколько к технической стороне. Например, знаки транскрипции (см. выше) несколько меняют обычный алфавитный порядок, в то же время некоторые из них не имеют самостоятельного места в алфавите, приравниваясь в этом отношении к близким парам: *в-ш*, *з-д*, *к₁*, *к*, *ф*, *г-'/*, *л-л'* и т. д. Поэтому ощущается отсутствие таблицы алфавита с необходимыми примечаниями и поправками. Например, специфические буквы следовало бы с конца алфавита перенести в середину, в соответствии с естественной системой звуков: *а — э, ж — ж₁, н — н₁, о — ө, у — ү, х — һ*, как это сделано для *ғ — г, к₁ — к*, что вполне допустимо в научных трудах, оперирующих транскрипцией.

К сожалению, отсутствуют и пометы типа: *разг., общедиаал., перен., редк., устар., шуточн., неодобр.* Например, в случае *сүну* «заснуть» (стр. 389), *өрдөрү* 2. «ругать» (стр. 554) это собственно не диалектизмы, а обычные слова, употребленные в переносно-эвфемическом смысле.

Встречаются некоторые описки в транскрипции: *абсын* «жены двух братьев», очевидно, должно быть — *абысын* (иначе произносится «апсын»). В словах *лэн* (*лээн, лэгэн* «тазик»), *сәтләмкэй* (*сәэтләмкэй < сәғәт* «часы») пропущен знак долготы (в последнем случае долгота определяется ритмичкой иллюстративного стиха). Не оговорены позиционные варианты: *чәнчег, биг* (в примерах) вм. основного *чәнчек, бик* (по аналогии с *бетег* «письмо» может возникнуть превратное представление об их статусе). Остатки среднетюркского вокализма в сергачском, нукратском и других говорах не совсем точно отражены в знаках транскрипции, напр.: *корчагына кийенчекләр тегә* (244) «шьет наряды своим

¹⁴ Примеры см. в цитированной выше работе «Татар телендә терминология нигезләре», стр. 128—132.

¹⁵ Вариант перевода названной драмы А. П. Чехова, рекомендуемый Л. Т. Махмутовой, так как лит. *ана* означает «старшая сестра», а лит. *сенел* — «младшая сестра»; существующий перевод «Апалы — сенелләләр» означает фактически «Старшие и младшие сестры». Слово же *игэч* является общепонятным ввиду наличия в лит. *кайнигэч* (*кайын игэч*) «золовка, свояченица».

куклам»; татарым *өземнән он йаш зор* (401) «муж мой на десять лет старше меня» и т. п. случаях знаки *о* — *ө* нужно читать, как [ó] и [o̞].

Недостаточно использованы графические возможности печати для облегчения четкого восприятия словарной статьи: толкования значений слова и иллюстрации к ним набраны очень мелким шрифтом, что создает определенные неудобства.

В ДСТЯ весьма часто тот или иной диалектизм толкуется не посредством соответствующего литературного слова, а другим диалектизмом: *эрехман* к. кучан (лучше обычным *эрекман* «лопух»); *ар'ак* к. йуwach (лучше: *аргы* *як*, *аръяк* «заречная, та сторона»); *бат'кә* к. кэбэм; *жәмне* к. завоклы; *казы* к. 'азо (?); *өстөкләү* к. өсте'ләү (?).

Это нарушает основной принцип толкования (объяснять неизвестное более известным, необычное — обычным, вариант — основным словом) и приводит к затемнению словообразовательных связей. Составители стремились, по-видимому, указать различные наименования объекта или понятия. Все же для этого более приемлема группировка фонетических вариантов в одной статье и помета *ср.* (*сравните*) при вариациях различного происхождения.

В некоторых случаях отсутствуют иллюстрации (см. напр.: *абыз*, *бөдәү*, *бөдәжә*, *бигәнәк*, *йапак*, *өзән*, *өйкәләү*, *өнөрө*, *өшке*, *үләмэт*, *үркән*, *үрләну*, *үңеру*, *чаба чүбе*, *хатаралы*). Смысл слова в этом случае оказывается недостаточно выявленным и подтвержденным, что может вызвать сомнения в толковании его значения.

Иной раз имеет место неточность в определении омонимов, напр.: *өту* I, II, IV... в м. обычного многозначного *өт-* (тюрк. *үтмәк*) 1) «печь; обжигать»; 2) «опаливать, выщипывать (птицу)»; 3) «жечься, вызывать ожог, жалить (о крапиве)». И наоборот, в статье *үрмә* 1, 2, 3, 4 объединено два разных слова: *үрмә* «плеть» и *үүрмә* (*үрмә*) «вихрь, смерч» (лит. *өермә*).

Одним из достоинств ДСТЯ является краткое указание источников заимствованных диалектизмов, напр.: *асаба* [гар.] «наследник...»; *бикәр* [фарс.] «зря, напрасно...»; *врәш* [морд.] «жена ст. брата»; *моши* [угор.] «лось»; *сабағач* [рус. цеп+ағач] «цеп» и т. п. Лишь единичные из них могут вызвать сомнения, например: *шай* I [рус. чай] «должно быть, кажется»¹⁶. В данном случае большое гнездо сходных слов (*шай* II, *шайы*, *шэй* I, II и др.) с закономерной деривацией показывает большую вероятность природного происхождения: *ухша-* «быть похожим», *ухшай* «походит, похоже» > *охшай*, *ошай* > *ошай*, *шай* «кажется (похоже); должно быть» > *шэй* — то же... Точной параллелью к этому является *өши* «кажется, как будто» (стр. 556) < *ошый*, *ошой* < *ошай*... И так, два языка могут прийти к исходному результату совершенно самостоятельно.

При глаголах с чередующимися основами желательного было бы указать основу глагола, например: *бағу* [бак₁-], *табу* [тан-], *тану* [таны-], *кыркы* [кыркы₁-], *кырыкы* [кырыкы₁-], иначе из имени действия трудно выявить чистую основу.

В справочнике тезис о «непротивопоставленности среднего и мишарского диалектов» («...урта һәм мишәр диалектларынын бер-берсенә капма-каршы куела алмауларын, ягъни үзара шактый якын булуларын күрсәтте» — стр. 614, абз. 3), по-видимому, неточно сформулирован. Авторы правы в том, что между собой эти диалекты имеют более тесные

¹⁶ Связано с глаголом: *чаять* (чувствовать) — *чаю*, *чаешь*, *чай* (повел.?) > и далее конверсия в частицу, вводное слово (см. Толк. словарь под ред. Д. Н. Ушакова, IV, стр. 1232).

исторические связи, нежели с восточным диалектом. Однако с точки зрения структурных признаков (их свыше пятнадцати) мишарский диалект кардинально отличается от среднего и от литературного языка (см. стр. 615—617). Если в «говорах одного диалекта могут обнаружиться в той или иной степени и свойства другого диалекта» (стр. 614, абз. 3), то это является свидетельством того, что здесь произошло смешение различного рода говоров, напр., группы говоров «горной стороны» ТАССР, Касимовского говора, говора кряшен¹⁷ и говоров так называемых «коридоров»¹⁸. По-видимому, вторичные признаки взаимно-смешанных говоров нельзя безоговорочно возводить к общим традиционным признакам диалекта¹⁹. Наличие промежуточных говоров с теми или иными смешанными признаками лишь подчеркивает различия собственных дифференциальных признаков среднего и западного диалектов. Впрочем, эти вопросы исторической диалектологии еще только начинают ставиться и далеки от конкретного разрешения.

В кратком обзоре столь объемистого «Диалектологического словаря татарского языка» (643 стр.), разумеется, мы не могли охватить все его особенности. Однако несомненно одно, что создан новый тип диалектологического словаря, значение которого для татарского языкознания (по-видимому, и не только для него) трудно переоценить.

¹⁷ Процесс смешения этих говоров начался по меньшей мере с XVI в. (см. ТРСл., стр. 807, 808—811).

¹⁸ Термин, введенный Л. З. Заляем в связи с обнаружением промежуточных смешанных говоров.

¹⁹ Ибо тогда признаки, возникшие под влиянием западного диалекта, могут быть отнесены к среднему и наоборот.

Р. МУЗАФАРОВ

ОБ ИЗУЧЕНИИ ФОЛЬКЛОРА КРЫМСКИХ ТАТАР

Интерес ученых к фольклору крымских татар возникает в конце XVIII — начале XIX века, то есть после присоединения Крыма к России. Так, например, ценные для науки сведения об обычаях, обрядах, праздниках, легендах крымских татар мы встречаем в путевых записях путешествовавших по краю П. Палласа¹, И. Муравьева-Апостола² и других.

Первые научные записи устнопоэтических произведений крымских татар были опубликованы в конце XIX — начале XX века В. Радловым³, А. Самойловичем⁴, П. Фалевым⁵ и другими русскими учеными⁶.

Материалы по фольклору крымских татар встречаются и в общих этнографических трудах В. Кондараки⁷, Н. Маркса⁸, И. Березина⁹ и других ученых. К сожалению, эти материалы приводятся только на русском языке. Отдельные вопросы крымскотатарского фольклора затрагивались в работах М. Драгоманова¹⁰, А. Самойловича¹¹ и других ученых¹².

После установления Советской власти и образования Крымской АССР открывается новый этап в организации сбора, публикации и изучения устной поэзии крымских татар.

Большая заслуга в этом принадлежит сектору устнопоэтического творчества Крымского научно-исследовательского института языка и литературы им. А. С. Пушкина. К сожалению, рукописный фонд сектора в годы Великой Отечественной войны был бесследно утрачен. Сбором и изучением устнопоэтического творчества народов, населявших до войны полуостров, занимались также на кафедре крымскотатарского

¹ П. Паллас. Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб., 1788.

² И. Муравьев-Апостол. Путешествие по Тавриде. СПб., 1823.

³ В. Радлов. Образцы народной литературы тюркских племен, т. VII. СПб., 1896.

⁴ А. Самойлович. Крымскотатарские скороговорки. СПб., 1917; его же. Песни крымских турок про Вторую Отечественную войну. — «Живая старина», 1914, вып. 3—4.

⁵ П. Фалев. Пословицы, поговорки и приметы крымских татар, собранные А. Боданинским, О. Мурасовым и Мартино. — «Известия Таврической ученой архивной комиссии», 1915, № 52.

⁶ А. Олесницкий. Песни крымских турок. М., 1910; Д. Хараджаев. Мариуполь и его окрестности. Мариуполь, 1892.

⁷ В. Кондараки. Универсальное описание Крыма, т. III—IV. СПб., 1875; его же. Легенды Крыма. М., 1883.

⁸ Н. Маркс. Легенды Крыма, вып. I—III. М., 1914—1917.

⁹ И. Березин. Татарские пословицы турецкого племени. — «Библиотека для чтения», 1856, апрель—июнь.

¹⁰ Кузьмичевский (псевд. М. Драгоманова). Турецкие анекдоты в украинской народной словесности. — «Киевская старина», 1886, т. XIV.

¹¹ А. Самойлович. Среди крымских татар летом 1916 г. — «Известия Таврической ученой архивной комиссии», 1918, № 54.

¹² Ф. Домбровский. Ашик-Умэр. — «Современник», 1848, № 9.

языка и литературы Крымского пединститута им. М. В. Фрунзе. После Великой Отечественной войны собиранием и изучением крымскотатарского фольклора занимались лишь отдельные представители национальной интеллигенции на общественных началах. К сожалению, до сих пор еще не создан единый научный центр, который занимался бы вопросами крымскотатарской фольклористики. Думается, что необходимость в создании подобного центра уже назрела.

Из всех жанров крымскотатарского фольклора, можно сказать, особенно повезло песенному жанру. Так, например, значительные по объему и ценные в научном отношении собрания крымскотатарских народных песен были опубликованы И. Бахшышем и Ю. Болатом¹³, А. Рефатовым¹⁴, Я. Шерфединовым¹⁵, А. Кончевским¹⁶, В. Филоненко и С. Ефетовым¹⁷. Определенный научный интерес представляют и публикации крымскотатарских песен, подготовленные З. Бахаревичем и другими фольклористами¹⁸.

В довоенное время было собрано большое количество крымскотатарских частушек, значительная часть которых опубликована известным крымскотатарским фольклористом и писателем Керимом Решидовым (Джаманаклы)¹⁹.

Пребывание в Крыму М. Горького и А. Н. Толстого оказало благотворное воздействие на сбор и публикацию крымскотатарского фольклора. Вот что пишет по этому поводу исследователь жизни и творчества М. Горького в Крыму Р. Вуль: «Из творческих вопросов, затрагивавшихся Горьким в беседе и в переписке с крымскими писателями, реальное воплощение получил только его совет заняться собиранием и публикацией фольклора. Уже после его смерти работники Алушкинского музея выпустили первый научно составленный сборник крымского фольклора (сказок. — Р. М.)»²⁰. По инициативе А. Н. Толстого в клубе писателей в Москве состоялся вечер собирательницы крымскотатарского фольклора Марии Георгиевны Кустовой, на котором присутствовал сам А. Н. Толстой и профессор Ю. Соколов²¹. Как свидетельствует М. Г. Кустова, А. Н. Толстой был инициатором издания в переводе на русский язык крымскотатарских сказок, собранных ею в Крыму²². Говоря о собирателях крымскотатарских сказок, в первую очередь надо упомянуть собрания этого жанра, подготовленные к изданию К. Решидовым и А. Усеином²³, У. Ипчи²⁴, С. Коцюбинским²⁵.

¹³ И. Бахшыш. Кърым татар йырлары. Симферополь, 1940; Ю. Болат ве И. Бахшыш. Кърым татар йырлары. Симферополь, 1939.

¹⁴ А. Рефатов. Кърым татар йырлары. Симферополь, 1932.

¹⁵ Я. Шерфединов. Песни и танцы крымских татар. Москва—Симферополь, 1931; *его же*. Китлевий йырлар. Симферополь, 1934 и др.

¹⁶ А. Кончевский. Песни крымских татар, ч. I—II. М., 1926; *его же*. Песни Крыма. М., 1929; *его же*. Песни Востока. М., 1925; *его же*. 15 песен Крыма. М., 1930 и др.

¹⁷ В. Филоненко и С. Ефетов. Песни крымских татар. Симферополь, 1927. См. также В. Филоненко. Детские игры крымских татар. — «Известия Таврической ученой архивной комиссии», 1918, № 56.

¹⁸ З. Бахаревич и А. Одабаш. Крымскотатарские детские песни. Симферополь, 1926; «Йырлар джыйынтыгы». Симферополь, 1940; «Кърым татар йырлары». — «Эдебият ве культура», 1938, № 11—12; А. Спендиаров. Две песни крымских татар. М., 1938 и др.

¹⁹ «Чыңлар ве манелер». Симферополь, 1940; «Бахытлы халкнынъ йырлары». Симферополь, 1940 и др.

²⁰ Р. Вуль. А. М. Горький в Крыму. Симферополь, 1961, стр. 107.

²¹ «Литературная газета», 7. X 1938.

²² М. Кустова. Сказки крымских татар. Симферополь, 1940; *её же*. Сказки крымских татар. — «Молодая гвардия», 1939, № 1.

²³ «Масаллар». Симферополь, 1938; «Масаллар», т. I. Симферополь, 1936.

²⁴ У. Ипчи. Масаллар. Симферополь, 1936.

²⁵ С. Коцюбинский. Сказки и легенды татар Крыма. Симферополь, 1936.

Занимались советские фольклористы также собиранием и публикацией крымскотатарских народных анекдотов, в том числе о ходже Насреддине и Ахмет-Ахаве, подготовленные к печати С. Коцюбинским²⁶. Ценность фольклорных материалов, помещенных в сборнике С. М. Мирера, значительно снижается из-за литературной обработки отдельных текстов и включения в издание некоторых сказок, не имеющих какого-либо отношения к циклу анекдотов об Ахмет-Ахаве²⁷.

Систематической и планомерной работы по собиранию и записи крымскотатарских легенд не проводилось. Можно упомянуть лишь публикацию некоторых легенд в общих фольклорных сборниках и на страницах журналов²⁸.

Несколько лучше обстояло дело с загадками. В сборниках крымскотатарских загадок, собранных и опубликованных В. Филоненко²⁹ и И. Бахшышем³⁰, содержится в общей сложности около тысячи произведений этого жанра.

Нельзя признать успешным и сбор произведений крымскотатарского эпоса. В сборниках сказок и на страницах литературных журналов публиковались лишь в сокращении тексты крымскотатарских дастанов: «Эдыге»³¹, «Чора-батыр»³², «Козу-Курпеч ве Баян-Слу»³³, «Таирнен Зоре», «Ашык гарип», «Нар камыш»³⁴, «Кер-оглу»³⁵, «Кобланды-батыр»³⁶.

В свое время был издан ряд общих сборников крымскотатарского фольклора, включавших устные рассказы, анекдоты, сказки, песни, пословицы, частушки³⁷. Много фольклорных текстов самых разнообразных жанров можно найти в учебниках и учебных пособиях для крымскотатарских школ³⁸.

Было опубликовано немало работ, посвященных анализу тех или иных жанров устной поэзии крымских татар. Так, например, некоторые вопросы эпического (дастанного) творчества крымских татар освещаются в статьях А. Фетислямова³⁹ и Д. Меджитовой⁴⁰. Проблемы крым-

²⁶ «Анекдоты о ходже Насреддине и Ахмет-Ахаве». Симферополь, 1937.

²⁷ С. Мирер. Ахмет-Ахай озенбашский. М., 1940; см. рец.: С. Жислина. Ахмет-Ахай озенбашский. — «Литературная газета», 12. II 1940; А. Алтанлы. Искаженный фольклор. — «Красный Крым», 6. I 1941.

²⁸ А. Кончевский. Сказки, легенды и предания Крыма. М.—Л., 1929; С. Коцюбинский. Сказки и легенды татар Крыма. Симферополь, 1936; А. Гирич. Легенды Крыма. — «Крым», 1927, № 1 и др.

²⁹ «Загадки крымских татар». Симферополь, 1926.

³⁰ «Тапмалжалар». Симферополь, 1941.

³¹ «Эдебият ве культура», 1938, № 10; русский перевод см. в сб. «Литературный Крым». Симферополь, 1939.

³² «Эдебият ве культура», 1939, № 2.

³³ «Масаллар», т. I. Симферополь, 1941; «Совет эдебияты», 1941, № 4.

³⁴ «Масаллар», т. I. Симферополь, 1941.

³⁵ Р. Тынчеров ве Ю. Болат. Эдебият. Симферополь, 1940 и др.

³⁶ «Масаллар», т. I. Симферополь, 1941.

³⁷ А. Усеинов. Алим (Джыйынтыкъ). Симферополь, 1941; З. Келямов. Динге кършы. Симферополь, 1940; «Азат Кърым». Симферополь, 1940 и др.

³⁸ Р. Тынчеров. Эдебият хрестоматиясы. Симферополь, 1939; Ш. Алядин. Эдебият хрестоматиясы. Симферополь, 1939; М. Сулейман, Э. Шемми-заде. Эдебият. Симферополь, 1940 и др.

³⁹ А. Фетислямов. Чора-батыр. — «Большевик ёлу», 1935, № 2; его же. Эдыге эпосы акъында. — «Эдебият ве культура», 1938, № 10—11.

⁴⁰ Д. Меджитова. Кърым татар халкъ яратыджылыгында къадын-къыз образы. — «Совет эдебияты», 1941, № 3.

скотатарского сказковедения освещаются в статьях К. Решидова⁴¹, С. Коцюбинского⁴², У. Ипчи⁴³. Теории и истории песенного фольклора крымских татар посвящены исследования А. Кончевского⁴⁴, К. Решидова⁴⁵. Значительный научный интерес представляет большая статья В. А. Гордлевского, посвященная сравнительному и текстологическому анализу крымскотатарских пословиц⁴⁶. Весьма ценны в научном отношении и статьи Ю. Болат⁴⁷ и А. Фетислямова⁴⁸, посвященные изучению песен, легенд и устных рассказов о крымскотатарском народном герое Алим. Одному из древнейших памятников духовной культуры крымских татар, сохранившихся до наших дней, — поэме «Тогай-бей» — посвятили свои исследования А. Фетислямов⁴⁹, О. Акчокраклы⁵⁰ и другие ученые. Из работ, появившихся в последние годы, следует отметить сборник крымскотатарских сказок, составленный Р. Тынчеровым, Ю. Болатом и К. Джаманаклы⁵¹. Тексты песен, пословиц, анекдотов, загадок и других жанров крымскотатарского фольклора регулярно публикуются на страницах газеты «Ленин байрагы», издающейся в Ташкенте на крымскотатарском языке.

Все больше уделяется внимания публикации крымскотатарского фольклора на русском языке. Так, например, недавно вышло шестое издание сборника «Легенды Крыма», значительная часть которого посвящена устнопоэтическим произведениям крымских татар⁵². К сожалению, в этом сборнике не приводятся паспортные данные публикуемых легенд, многие из них приводятся в обработанном виде, отдельные легенды являются по существу литературными, а не народными текстами.

В конце 50-х и в течение 60-х годов были написаны и опубликованы также некоторые исследования, посвященные отдельным вопросам устной поэзии крымских татар⁵³.

История собирания, издания и изучения крымскотатарского фольклора показывает, что в этой области многое еще предстоит сделать.

⁴¹ К. Решидов. Крым татар масаллары. — В кн.: «Масаллар», т. I. Симферополь, 1941.

⁴² С. Коцюбинский. О сказках крымских татар. — В сб.: «Сказки и легенды татар Крыма». Симферополь, 1936.

⁴³ У. Ипчи. Крым масаллары. — В сб.: «Масаллар». Симферополь, 1936.

⁴⁴ А. Кончевский. Прошлое и настоящее в песнях Крыма. — «Крым», 1925, № 1 и др.

⁴⁵ К. Решидов. Чыңлар ве манелер. — В сб.: «Чыңлар ве манелер». Симферополь, 1940.

⁴⁶ В. Гордлевский. Замечания на пословицы крымских татар. — «Записки Восточного отделения Русского археологического общества», 1925, т. XXV.

⁴⁷ Ю. Болат. Алим Азамат огълу. — «Эдебият ве культура», 1938, № 10—11 и др.

⁴⁸ А. Фетислямов. Алим. — «Эдебият ве культура», 1936, № 1.

⁴⁹ А. Фетислямов. Тогай-бей акъкъында поэма. — «Эдебият ве культура», 1939, № 6.

⁵⁰ О. Акчокраклы. Татарська поема Джан-Мухамедова про похід Ислам-Гирея II спільно з Богданом Хмельницьким на Польщу 1648—1649 р. — «Східний світ», 1930, № 12.

⁵¹ «Татар халкъ масаллары». Тошкент, 1959.

⁵² «Легенды Крыма». Сост. Г. Таран. Симферополь, 1967.

⁵³ Р. Музафаров. Татарские народные пословицы (О пословицах крымских татар). Казань, 1959; *его же*. Русско-тюркские фольклорные связи. Саратов, 1966; *его же*. Очерки фольклора тюрков. Мелекесс, 1966; *его же*. Пра беларуских татар. — «Полымя», 1966, № 1; *его же*. Из истории русско-тюркских фольклорных связей. — «Ученые записки Чувашского научно-исследовательского института языка, литературы и истории», вып. XXXIII, 1967; *его же*. Крымскотатарский фольклор и русская литература. — «Материалы VII конференции литературоведов Поволжья». Волгоград, 1966; Р. Музафаров, Б. Гафаров. Халык тарихы-фольклорда. — «Казан утлары», 1966, № 8.

РЕЦЕНЗИИ

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК 1970*

Главная редакция восточной литературы Издательства «Наука» выпускает за последние годы уже второй сборник статей по тюркологии¹. В основу рецензируемого сборника легли доклады, прочитанные на Первой тюркологической конференции, состоявшейся в 1967 г. в Ленинграде².

Тематика сборника определяется задачей: дать обзор состояния и перспектив развития тюркологических — филологических и исторических дисциплин за 50 лет Советской власти. К достоинствам рецензируемой книги следует отнести ее справочно-энциклопедический характер; читателю предоставляется возможность получить непосредственно от наиболее авторитетных специалистов достаточно полные сведения об основных этапах разработки узловых проблем тюркологии и о ближайших перспективах ее развития.

Сборнику, состоящему из статей по филологии и истории, предпослано предисловие (стр. 4). Открывается сборник статьей А. Н. Кононова «Тюркское языкознание в Ленинграде, 1917—1967» (стр. 5—28). В ней дается краткий обзор деятельности отдельных ленинградских ученых-тюркологов и ряда научных учреждений Ленинграда (Восточного факультета, Азиатского музея — Института востоковедения и других, ряда ликвидированных впоследствии институтов 20-х годов, различных объединений востоковедов и тюркологов). В обзоре охарактеризованы основные направления научной работы в области тюркологии: изучение памятников древней письменности, исследование проблемных вопросов фонетики и

грамматики современных восточных языков, а также истории, диалектологии, лексикологии, лексикографии и описание рукописей. Автор знакомит читателя с составами научных коллективов, называет важнейшие работы ведущих ученых.

К статье А. Н. Кононова по своему характеру непосредственно примыкают обзоры Д. М. Насилова «Изучение памятников древнеуйгурского языка в отечественном востоковедении» (стр. 93—110) и А. М. Щербака «Египетские рунические надписи. К истории открытия и изучения» (стр. 111—134).

В первом из этих обзоров Д. М. Насилов излагает краткую историю собирания и обработки материалов древнеуйгурского языка, подробно характеризует деятельность В. В. Радлова по опубликованию и изучению древнеуйгурских памятников, составившую «целую эпоху» в русской тюркологии. Д. М. Насилов справедливо подчеркивает «непреодолимое» значение радловских переводов труднейших для понимания текстов и дает перечень неопубликованных трудов замечательного ученого (стр. 98—110). Далее описывается деятельность ближайшего ученика и сподвижника В. В. Радлова — С. Е. Малова, а также других его учеников и последователей. В статье приводятся названия их основных работ и перечень специальных разделов с комментариями к древнеуйгурским памятникам, посвященными их языковым и палеографическим особенностям и лексике.

В статье А. М. Щербака приведен краткий список памятников тюркского рунического письма, найденных в Туве, Хакасии (и, добавим, в Минусинском районе Красноярского края РСФСР). Более подробную характеристику географии памятников, структуры и размеров надписей, продолжение кодификации до № 85 (с поправками в №№ 52 и 53) и особенно сведения об основных публикациях текстов по каждому памятнику можно найти во введении к Древнетюркскому словарю (Л., 1969), составленному В. М. Надельевым и автором данной статьи (см. стр. XXII и сл.). Кроме

* М., 1970, 287 стр. Редакционная коллегия: А. Н. Кононов (отв. редактор), С. Г. Кляшторный, Ю. А. Петросян, С. С. Цельникер.

¹ См.: Тюркологический сборник. К шестидесятилетию А. Н. Кононова. М., 1966.

² Краткий отчет об этой конференции, составленный В. Г. Гузевым и Н. А. Дулиной, помещен в конце сборника, стр. 277—285.

того, А. М. Щербак кратко излагает историю открытия и публикации памятников, начиная с Д. Г. Мессершмидта и Ф. И. Страленберга. Автор справедливо замечает, что чтение и интерпретация памятников еще далеки «от окончательной разработки» (стр. 118). Большие разделы статьи посвящены палеографии енисейки и языковым особенностям текстов.

Статьи Е. И. Убрятовой и Н. А. Баскакова посвящены задачам исторического изучения тюркских языков. Е. И. Убрятова говорит о настоятельной необходимости после «большой подготовительной работы» приступить к созданию сравнительной грамматики тюркских языков («Задачи сравнительного изучения тюркских языков», стр. 63—79). Автор отмечает, что хотя в тюркологии и «поднят огромный материал», однако «наблюдается очень большое несоответствие между накопленным фактическим материалом и его использованием как в общетеоретической тюркологической литературе, так и в исследованиях отдельных языков». В качестве примера применения методики, построенной на учете данных различных языков и диалектов (азербайджанского, якутского, ногайского, башкирского, татарско-сибирского), даются образцы реконструкции для 1-го л. множ. числа повелительного (resp. желательного) наклонения двух форм — включительной и исключительной.

Н. А. Баскаков в статье «Основные задачи историко-типологического изучения грамматики тюркских языков» (стр. 80—92) подчеркивает значение четкой схемы при описании тюркских языков, необходимость установления всего многообразия типов морфологических, синтаксических и фонологических моделей, сопоставление которых позволит перейти к определению «диахронического процесса их развития от наиболее древней конструкции к более новой, образовавшейся под воздействием внутренних и внешних факторов их развития».

В последней фразе имманентно выражен предел возможностей типологического метода в историческом исследовании. Типологическое исследование родственных языков позволяет зафиксировать различия в семантических структурах однотипных категорий (в грамматике) и заметить их логически вероятное развитие. Однако далее нужны собственно компаративистские приемы: анализ единиц выражения с осторожным «разгребанием» всех непродуктивных остатков и реконструкций доисторических систем форм и значений по этим исторически рудиментарным формам и значениям. Иными словами, компаративистские приемы нацелены на восстановление конкретной истории конкретных единиц (resp. систем единиц) языка, — что как раз и дает возможность учесть «воздействие внутренних и внешних факторов».

Две статьи сборника посвящены тюрк-

скому стиху. Обширный доклад В. М. Жирмунского на конференции «О некоторых проблемах теории тюркского народного стиха», полный текст которого опубликован в рецензируемом сборнике (стр. 29—68), дает развернутый ответ на концепцию И. В. Стеблевой (о поэтическом характере некоторых орхоно-енисейских текстов), изложенную в книге «Поэзия тюрков VI—VIII вв.» (М., 1965). Еще в 1968 г. до выхода сборника в свет сокращенные редакции доклада были помещены в двух журналах («Вопросы языкознания», 1968, № 1; «Народы Азии и Африки», 1968, № 2). В связи с последними публикациями в печати появились статьи: И. В. Стеблевой «Еще раз об орхоно-енисейских текстах как произведениях поэзии» («Народы Азии и Африки», 1969, № 2, стр. 125—133); С. П. Боброва «Стих или проза? (По поводу полемики И. В. Стеблевой и В. М. Жирмунского)» («Народы Азии и Африки», 1966, № 6, стр. 114—116). При рассмотрении проблем, затронутых в статье В. М. Жирмунского, помещенной в сборнике, невозможно обойти эти две работы, что выходит за рамки данной рецензии.

В статье «К вопросу о происхождении жанра *туяг*» (стр. 135—147) И. В. Стеблева развивает положение А. Н. Самойловича о возникновении этого литературного жанра (четверостишия, рифмованного словами-омонимами) из фольклорного четверостишия со скрытым смыслом. Для подтверждения предполагаемой эволюции оба автора приводят четверостишия из Словаря Махмуда Кашгарского и из надписи в честь Тоньюкука.

Серию исторических очерков открывают статьи С. Г. Кляшторного и В. А. Ромодина «Изучение истории тюркских народов в АН СССР» (стр. 148—162) и Л. П. Потапова «Этнографическое изучение тюркских народностей в СССР за советский период» (стр. 163—175).

В первой статье значительное место уделяется деятельности В. В. Бартольда, поскольку именно им (в 1925—1930 гг.) были созданы первые обобщающие труды по истории тюркских наций, получивших самостоятельность после Октябрьской революции. Далее приводится краткое описание тематики трудов А. Н. Бернштама, А. Ю. Якубовского, П. П. Иванова, дается характеристика «сборников материалов» 30—40 гг., а также некоторых публикаций последнего времени.

В статье Л. П. Потапова подчеркивается большая роль советской исторической науки в изучении общественного строя тюркских народов. Полевые этнографические исследования «выявили и дали возможность изучить и описать основные средства производства в кочевом скотоводческом хозяйстве, определить формы собственности на них, их распределение по социальным

группам», что позволило «открыть и описать классовое расслоение киргизов, алтайцев и казахов» (стр. 166) (работы П. Погорельского и В. Батракова, автора статьи, С. А. Токарева, А. П. Чулошникова). Серия послевоенных публикаций посвящена аналогичным проблемам в истории почти всех тюркских народов.

Автор отмечает положительный опыт советских тюркологов по воссозданию истории бесписьменных (в данном случае — из числа тюркских) народов в отличие от буржуазной историографии, относящейся к этой проблеме явно негативно. Значительное место в работах советских историков заняли вопросы этногенеза тюркских народов. Это вызвано прежде всего ростом национального самосознания, возросшим интересом каждого народа, «вступившего на путь самостоятельного свободного развития», к своей истории.

А. Д. Желтяков в статье «Изучение истории, экономики и культуры Турции в Ленинграде за 50 лет (1917—1967)» (стр. 176—191) рассматривает труды ленинградских тюркологов и выделяет следующие основные направления их исследований: «генезис и развитие турецкого феодализма и капитализма, история рабочего класса и крестьянства, народные движения и национально-освободительная борьба, либерально-реформаторские течения» (стр. 184).

С. Г. Агаджанов в статье «Некоторые проблемы истории огузских племен Средней Азии» (стр. 192—201) указывает на вопросы, по которым еще нет единого мнения: формирование огузской конфедерации в Средней Азии; локализация огузов в IX—XI вв.; государственная организация огузов и сельджукское объединение. Автор обобщает существующие мнения по каждой из этих проблем и приводит основную литературу³.

Статья Р. А. Гусейнова «Сельджукская тематика в современной историографии» (стр. 208—222) носит обзорно-библиографический характер.

Несколько непоследовательными представляются выводы Г. И. Семенова в его интересной в целом статье «О характере и причинах застойности кочевых скотоводческих обществ» (на материалах Казахстана) (стр. 223—237). Автор считает, что основная причина устойчивости кочевого скотоводства «при низком общем уровне развития производительных сил заключалась... в больших потенциальных внутренних возможностях данной формы хозяйства, его большей рентабельности по сравнению с земледельческим производством того времени» (стр. 233). «...Сохранение хозяйственной основы... обусловливали сохранение и устойчивость, а в конечном итоге известное

оставание наиболее соответствовавших этой хозяйственной основе форм производственной и общественной организации» (стр. 234). Но тогда не понятен вывод, к которому приходит автор: «Следовательно, сохранение кочевой общины, родо-племенной структуры кочевого общества было не проявлением консерватизма и застойности, а закономерным, жизненно оправданным и необходимым явлением...» (стр. 236). То, что особенности хозяйственного уклада, связанные с природными условиями, способствовали возникновению и укреплению определенной и своеобразной социальной структуры — феодальной эксплуатации, прикрытой традициями родо-племенных отношений, — было явлением закономерным, отнюдь еще не говорит о его прогрессивности. Подобная организация общества не способствовала развитию производительных сил, не создавала никаких предпосылок для перехода к более высокой формации — в этом и заключается суть общераспространенного мнения по данному вопросу, опровергнуть которое автору не удалось. Однако статья заслуживает внимания с точки зрения раскрытия природно-исторической обусловленности различных сторон уклада, а также социальной организации кочевого общества.

С интересом читается вторая статья А. Д. Желтякова, заключающая сборник: «История турецкого книгопечатания и периодики от реформ «низам-и джедид» до конституции 1876 г.» (стр. 238—276). Статья представляет собой подробный обзор этой весьма узкой темы.

Автор настоящей краткой аннотации «Тюркологического сборника 1970» не ставил своей целью обсуждение проблем, затронутых в статьях сборника, научный диапазон которого чрезвычайно широк и не может быть полностью охвачен специалистом какой-либо одной определенной области. Нам кажется, что нужно приветствовать основное направление сборника — обзорно-вводно-библиографическое.

Хочется также высказать замечание технического характера. Не следовало бы во многих случаях заменять сокращения названий изданий и учреждений аббревиатурами, что значительно увеличило число последних. Аббревиатуры обычно закрепляются за наиболее известными изданиями и центральными учреждениями. В остальных случаях уместнее сокращения. Вместо аббревиатуры сборника УЗИВАН лучше было бы: Уч. зап. ИВАН вместо УЗКУ лучше: Уч. зап. Казанск. ун-та и т. д. Стремление к экономии места не должно сказываться на удобстве чтения, на возможности понять сноску, не обращаясь к списку сокращений. К сожалению, аналогичный недостаток в настоящее время получил широкое распространение во многих научных изданиях.

³ Более подробное изложение проблем с их анализом содержится в книге: С. Г. Агаджанов. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX—XIII вв. Ашхабад, 1969.

«ВОПРОСЫ ТЮРКОЛОГИИ»*

В сборник вошли доклады языковедов Ленинграда, Москвы, Казани, Елабуги, Ташкента, Баку и других городов страны, посвященные проблемам тюркских языков, прочитанные на межвузовской конференции, состоявшейся в июне 1967 г. в Казанском государственном педагогическом институте.

Сборник открывается обзорной статьей проф. М. З. Закиева «Успехи татарского языкознания за 50 лет». Автор характеризует основные направления развития татарского языкознания, приводит библиографические данные о работах ученых-языковедов. М. З. Закиев подчеркивает важную роль русского языкознания, оказавшего большое влияние на развитие татарского языкознания, особенно в области грамматики. В то же время автор предостерегает от механического перенесения положений русской грамматики в грамматику татарского языка.

В другой своей статье «Некоторые социальные факторы и эволюция языка» (стр. 10—14) М. З. Закиев рассматривает пути становления норм татарского литературного языка, подчеркивает благотворное влияние разговорной речи на формирование национального литературного языка. Это влияние было неодинаковым на разных этапах эволюции языка. Решающую роль в этом процессе играли социально-исторические условия. После первой русской революции 1905 года происходит интенсивная демократизация литературного языка на основе разговорной речи. В советскую эпоху, в условиях сплошной грамотности и поднявшегося культурного уровня населения, а также массового распространения двуязычия, возникают новые предпосылки для дальнейшего развития и совершенствования национального литературного языка. Говоря о двуязычии как о новом социальном факторе в языковой практике татар, М. З. Закиев справедливо критикует тех писателей и филологов, которые стараются игнорировать активное влия-

ние двуязычия на разговорную речь, а через нее и на литературный язык.

Третья статья М. З. Закиева — «Роль идей М. В. Ломоносова в становлении лингвистических взглядов представителей Казанской школы тюркологов» (стр. 15—20). Сравнивая работы И. Гиганова, И. Хальфина, А. Троянского, М. Иванова с «Российской грамматикой» М. В. Ломоносова, М. З. Закиев приходит к заключению, что в татарских грамматиках перечисленных авторов «как план-структура самих трудов, так и определение основных понятий и категорий, безусловно, идет от М. В. Ломоносова» (стр. 17). В суждениях С. Кукляшева, Н. Ф. Катанова, М. Иванова о стилях татарского языка автор статьи также усматривает влияние известного учения М. В. Ломоносова о трех стилях.

Значительное место в сборнике занимают статьи по отдельным проблемам морфологии.

Исследованию залоговой системы глагола посвящены статьи К. З. Зиннатуллиной «К вопросу о разграничении терминов при анализе залоговой системы глагола в татарском языке» (стр. 32—35) и «К проблеме залогов в современном татарском литературном языке» (стр. 36—44).

Отметив разноречие в употреблении терминов при анализе залоговой системы глагола в тюркских языках, К. З. Зиннатуллина доказывает, что ни один из употребляемых терминов («субъект», «подлежащее», «действующее лицо», «грамматический субъект») не является полноценным при определении залогов как грамматической категории. Объективно глагол в любой форме (личной и неличной) предполагает носителя глагольного признака, поэтому автор считает целесообразным ввести в употребление понятие «носитель глагольного признака»: «...именно от характера последнего и характера его взаимоотношений с действием зависит залоговое оформление многих глаголов татарского языка» (стр. 35).

Во второй статье К. З. Зиннатуллина стремится определить сущность категории залогов на материале татарского языка. Автор

* Ученые записки Казанского государственного педагогического института. Казань, 1970, 283 стр.

дает краткий обзор истории вопроса и характеризует принятые в научной литературе о языке различные определения залогов. Одни исследователи относят залог к самостоятельной грамматической категории, другие понимают залог как сочетание нескольких различных категорий глагола, третьи рассматривают залог как один из видов глагольного словообразования. Учитывая все эти представления о залоге, а также ряд других факторов, автор определяет свой подход к проблеме залогов.

Большой интерес представляет статья *А. А. Юдашева* «Лексикографическая разработка залоговых форм глагола в тюркских языках» (стр. 21—31). Она содержит весьма ценные высказывания по поводу лексикографического оформления залоговых форм глагола в тюркоязычных переводных словарях.

В статье *Х. Ш. Гарданова* «Категория наклонения в татарском языке и ее стилистическое употребление» (на тат. яз., стр. 272—282) указывается на серьезный недостаток в изучении категории наклонения. До сих пор в татарском языкознании категория наклонения трактуется по образцу грамматик русского языка. *Х. Ш. Гарданов* указывает на необходимость введения в употребление татарского термина, соответствующего понятию «категория глаголов» и предлагает в качестве такового термина «täybirläk k'atëgogiyäse». Войдет ли этот термин в научный обиход — покажет время. Во второй части работы рассматриваются стилистические особенности употребления глаголов повелительного наклонения.

Как отмечено редколлегией, статья *Ф. А. Ганиева* «О синтетических и аналитических падежах в татарском языке» (стр. 74—84) носит дискуссионный характер. Соглашаясь с высказыванием *М. З. Закиева* о многопадежности татарского языка, автор утверждает, что в татарском языке имеется десять синтетических и восемь аналитических падежей. К известным шести синтетическим падежам им добавляются еще следующие четыре: уподобительный (tastaj, urmandaj), лишительный (urmansyz, syjurgsyz), обладательный (urmanly, syjurgly), местно-временной (urmandayy, vakyttauy).

«То, что до настоящего времени ни в одном из тюркских языков не выделены аналитические падежи, связано с тем, что определения категории падежа, принятые для синтетических языков, механически перенесены на аналитические тюркские языки» (стр. 83). Автор перечисляет аналитические падежи, имеющиеся, по его мнению, в татарском языке, и показывает, как они оформляются.

До последних лет в татарском языкознании подражательные слова изучались в разделе междометий или рассматривались как отдельная семантическая группа междо-

метий. Только *Д. Г. Тумашевой*¹ эти слова выделяются в самостоятельную часть речи. *М. А. Сагитов* в своей статье «К вопросу изучения подражательных слов» (на тат. яз., стр. 176—186) поддерживает точку зрения *Д. Г. Тумашевой* и подробно анализирует характерные особенности подражательных слов, отличающие их от других частей речи и прежде всего от междометий. В целом работа представляет собой интересное специальное исследование по татарскому языку, в котором подробно анализируются фонетическая и морфологическая структуры данной категории слов и их стилистические функции.

В статье *А. А. Халилова* «Относительные слова в азербайджанском и татарском языках» (стр. 131—139) приводятся результаты сравнительного изучения относительных слов как средства выражения аналитической связи между предложениями. *А. А. Халилов* пишет: «Когда связь частей сложного предложения осуществляется при помощи парных относительных слов, тогда сказуемое придаточного предложения принимает аффиксы условности -sa'll-sä» (стр. 138). Как показывают материалы азербайджанского и татарского языков, употребление этого аффикса в предложениях названной конструкции носит не обязательный, а эпизодический, стилистический характер. Поэтому вместо слов «...принимает аффиксы...» правильнее было бы сказать «...может принимать и аффиксы...»

В статье *З. М. Валиулловой* «Имя прилагательное и его субстантивация» (на тат. яз., стр. 187—193) рассматривается один из видов конверсии. Этот вопрос мало изучен в тюркологии. В зависимости от степени сближения субстантивированных прилагательных с именами существительными автор выделяет три вида субстантивации: 1) полную, 2) частичную, 3) случайную.

В сборнике нашли отражение вопросы исторической лексикологии.

Статья *Т. И. Тепляшиной* «Древние бесермянские фамилии» (стр. 124—133) посвящена выяснению происхождения фамилий особой этнической группы удмуртского народа, именуемой бесермянами. На основе изучения письменных документов трехсотлетней давности и сравнительного анализа упоминаемых в них фамилий бесермян, удмуртов и татар автор устанавливает, что «...бесермянские фамилии, как зафиксированные в письменных документах XVII века, так и существующие ныне, преимущественно ведут свое начало от тюркских слов. Последнее свидетельствует о том, что бесермяне длительный период времени испытывали на себе татарское воздействие и исповедовали ислам» (стр. 132).

Укажем на одну неточность, допущенную автором: фамилия «Сырчегов», по ее мне-

¹ *Д. Тумашева*. Хазэрге заман эдэби телен; морфологиясе. Казан, 1964.

нию, удмуртского происхождения и восходит к удмуртскому *surgik'* (скворец), тогда как это слово общетюркское.

В статье *С. М. Исхаковой* «Узбекский элемент в языке сибирских татар» (стр. 140—150) рассматриваются встречающиеся в разговорной речи сибирских татар узбекские элементы, которые автор считает отражением некогда сильного влияния узбекского языка, носители которого переселились в Сибирь в свое время из Бухары.

Р. Х. Халикова в статье «Башкирские шежере и их лексика» (стр. 151—157) анализирует лексику и фразеологию башкирских шежере племен Юрматы, Мин, Кыпсак, Усерган, Тамьян, Табын, Айле, Кара-табын и др. Тексты этих своеобразных письменных памятников XVI—XIX веков представляют собой богатый материал для изучения истории башкирского языка.

В статье *Р. Г. Ахметьянова* «Принципы этимологических исследований в области татарской лексики» (стр. 93—101) излагаются общие принципы научного исследования в области этимологии, даются конкретные методологические указания по изучению этимологии татарской лексики. Большое внимание уделяется методу аналогии (группировка по аналогии, заключение по аналогии), на конкретных примерах вскрывается природа возможных ошибок. Далее автор выдвигает принцип «от ближайшего к дальнейшему», означающий неуклонное следование генетической непрерывности в глубь времен.

На основе изучения большого фактического материала написана статья *Г. Ф. Саттарова* «О некоторых тенденциях развития татарской ономастики в послеоктябрьский период» (стр. 219—233). В работе подчеркивается, что общие закономерности развития татарского языка в советское время нашли непосредственное выражение и в ономастике. Автор указывает четыре пути пополнения и обновления татарской антропонимии: 1) присвоение традиционных имен представителям молодого поколения; 2) выпадение из сферы употребления имен, не соответствующих высоким моральным качествам человека социалистического общества, и т. д.; 3) возникновение совершенно новых имен; 4) пополнение татарской антропонимии путем заимствования имен из русского языка, а через него — и из западноевропейских языков. На основании этих же принципов рассматриваются основные пути развития и татарской топонимии.

Вопросы стилистики татарского языка представлены в сборнике статьями *В. Х. Хакова*, *Х. Р. Курбатова*, *Ф. С. Сафиуллиной*, *С. И. Ибрагимова*, *Х. Г. Агишева*.

Основным этапом развития и становления норм татарского литературного языка посвящена статья *В. Х. Хакова* «Некоторые вопросы развития и нормализации татарского литературного языка» (на тат. яз., стр. 166—175). В своем исследовании *В. Х. Хаков* исходит в первую очередь из

лингвистических факторов, учитывая при этом и влияющие социально-исторические условия. Автор полагает, что конкретное изучение языка различных письменных источников в фонетическом, лексико-семантическом, грамматическом и стилистическом аспектах дает возможность последовательно проследить этапы развития татарского литературного языка.

Не лишняя определенная интереса статья *Х. Р. Курбатова* «Развитие татарской стилистики как науки» (на тат. яз., стр. 252—262), к сожалению, в значительной своей части состоит из изложения общей теории стилистики без конкретного анализа развития стилистики татарского языка.

Актуально и малоследованному в татарском языкознании вопросу посвящена статья *Ф. С. Сафиуллиной* «Стилистическое употребление синтаксических фигур в художественной литературе» (стр. 234—243). В ней анализируются выразительные возможности различных синтаксических фигур: хиазма, синтаксического параллелизма, композиционного стыка, анафоры, эпитеты и присоединительных конструкций. Все эти стилистические средства непосредственно связаны с порядком слов в предложении. Приводимые автором примеры из современной художественной литературы «говорят о гибкости порядка слов в татарском языке, о его богатых стилистических возможностях» (стр. 243).

В статье *С. И. Ибрагимова* «Синтаксические синонимы и омонимы в татарском языке» (на тат. яз., стр. 207—218) приводятся многочисленные примеры из художественной литературы и периодической печати, свидетельствующие о слабом использовании синтаксических синонимов в татарском литературном языке. По мнению автора, это объясняется их недостаточной изученностью. До сих пор в языкознании не сформулирован обоснованный принцип определения синтаксических синонимов. *С. И. Ибрагимов* предлагает свое определение, которое довольно точно отражает сущность данного синтаксико-стилистического явления.

Синтаксические омонимы в татарском языкознании впервые явились объектом специального исследования в статье *С. И. Ибрагимова*. Автор выделяет две группы таких омонимов: положительные и отрицательные. Анализируя случаи употребления отрицательных омонимов, он рекомендует практические пути их устранения.

В статье *Х. Г. Агишева* «Усилительные конструкции с однородными словами в татарском языке» (стр. 112—123) анализируется группа подобных конструкций, «являющихся результатом повторения одного и того же слова, либо этимологически родственных слов, когда к корню присоединяются различные аффиксальные морфемы» (стр. 114). Автору удалось выявить свыше десятка структурных типов таких усилительных конструкций. Например: усилительные именные словосочетания изафетной конст-

рукции (maturların y matury, izgeneñ izge-se); усиленные конструкции типа sōjk'emtedän-sōjkemle; однокоренные построения с усилительными частицами la||lä, da||dä (küzläre lä küzläre); усиленные глагольные конструкции (sajgavy sajrau, sajgarty sajgı; можно было бы добавить еще и конструкции типа k'öcäjgānpān-k'ö-sājū, barγas-barγas, kilgān-kilgān) и др. Каждый тип усиленных конструкций кратко описан и для наглядности проиллюстрирован примерами из художественной литературы.

Статьи Д. Г. Тумашевой «К вопросу о соотношении языка и диалекта» (стр. 45—55) и Д. Б. Рамазановой «Некоторые лексические особенности говора пермских татар» (стр. 263—274) посвящены проблемным вопросам татарской диалектологии.

Проблема соотношения языка и диалекта, рассматриваемая в работе Д. Г. Тумашевой, «возникла в связи с выяснением характера языковых единиц сибирских татар и определением их отношения к татарскому литературному языку» (стр. 45). Автор предлагает новую классификацию языка сибирских татар. На территории Западной Сибири Д. Г. Тумашева выделяет три диалекта: тоболо-иртышский, барабинский и томский, что «отражает степень изученности сибирских диалектов к настоящему времени и их реальное соотношение с татарским литературным языком в данный момент».

В статье «Некоторые лексические особенности говора пермских татар» Д. Б. Рамазанова полагает, что «говор пермских татар является одним из говоров, формирующихся по своему территориальному расположению в стороне от основного татарского населения, в окружении других народов» (стр. 255). По ее мнению, это обстоятельство способствовало сохранению в языке пермских татар древнего (общетюркского) лексического пласта. Для примера автор приводит около десятка слов (например: syklay, kodok, oγau, iläsä, olan, taskak, k'ünäk' и др.) и подвергает их глубокому этимологическому анализу.

Проблема перевода нашла свое отражение в статьях Р. А. Юсупова «Перевод как разновидность билингвизма» (стр. 56—73) и «Некоторые вопросы употребления заимствований в переводе» (стр. 194—206). Обе работы содержат теоретические положения,

авторские наблюдения и практические выводы.

Статья Ш. Н. Асылгараева «Некоторые экспериментальные данные о синтагматическом членении татарской речи» (на тат. яз., стр. 244—251) возобновляет традицию экспериментального изучения татарского языка. Этот метод исследования с применением электро-акустических аппаратов дает возможность автору с большой точностью установить синтагматическое членение речи. Подробно рассматриваются интонационные компоненты (мелодика, пауза, темп, ударение), служащие средством членения татарской речи на синтагмы.

Г. Х. Ахунзянов в статье «Фразеологические сочетания как вид фразеологических выражений» приходит к выводу, что «видовой термин «фразеологическое сочетание» в теоретической фразеологии обозначает следующие типы бинарных словесных сочетаний: 1) переменные сочетания, в которых соответствующий компонент имеет ограниченную сочетаемость в данном значении; 2) полуперемменные сочетания, в которых соответствующий компонент имеет единичную сочетаемость с необусловленным фразеологической связью значением; 3) несвободные устойчивые сочетания, в которых соответствующий компонент имеет единичную сочетаемость в значении, обусловленном данной фразеологической связью» (стр. 107).

В татарском языкознании уделяется большое внимание сопоставительной грамматике. Об этом свидетельствует статья З. М. Валиуллиной «О преподавании курса «Сопоставительная грамматика русского и татарского языков» (стр. 158—165).

К сожалению, до сих пор не разработаны проблемы сопоставительной лексикологии и семасиологии, особенно в современных условиях двуязычия, подъема культуры речи и возрастания роли русского языка как межнационального. Весьма современной является постановка этих важнейших теоретических и практических вопросов в статье Р. Х. Субаевой «О сопоставительной семасиологии русского и татарского языков» (стр. 85—92).

Думается, что благодаря своим несомненным достоинствам сборник «Вопросы тюркологии» не пройдет мимо внимания тюркологов страны.

М. Г. Мухамдиев

М. Х. АХТЯМОВ. СЛОВАРЬ ОМОНИМОВ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА*

Проблема омонимии в связи с составлением омонимических словарей и разработкой теоретических проблем по лексикологии давно привлекает внимание отечественных и зарубежных языковедов.

По этому поводу академик В. В. Виноградов писал: «В настоящее время проблеме омонимии придается очень большое значение в самых разнообразных лингвистических концепциях и в самых различных областях лингвистического исследования¹. О важности этой проблемы свидетельствует проведение специальной дискуссии по вопросам омонимии, организованной Ленинградским Отделением Института языкознания АН СССР в декабре 1957 года. Об этом же говорят и выступления ученых-языковедов в печати².

До последнего времени вопрос об омонимах в современном башкирском языке не являлся предметом специального исследования. Поэтому словарь омонимов М. Х. Ахтямова в определенной мере восполнил этот досадный пробел.

В предпосланном словарю введении автор дает лингвистическое определение омонимов как слов или их частей, совпадающих по звучанию и написанию, но различных по значению.

Заслуживает внимания приведенная здесь же классификация омонимов в башкирском языке:

- I. Омонимы:
  - а) лексические омонимы;
  - б) лексико-грамматические омонимы (омографы);
  - в) грамматические омонимы.

II. Омофоны.

III. Омографы.

В словаре рассматриваются лексические и лексико-грамматические омонимы. Лексические омонимы в башкирском языке

всегда являются полными, т. е. их компоненты совпадают между собой во всех присущих им грамматических формах (напр., *сая* — хлестать, *сая* — скакать). Лексико-грамматические омонимы, напротив, всегда неполные, т. е. компоненты таких омонимов относятся к разным грамматическим классам и совпадают только в некоторых из грамматических форм (напр., *ит* — мясо, *ит* — делать, совершать).

В случае лексико-грамматических омонимов в качестве основной формы имени существительного берется имя существительное в именительном падеже единственного числа, а в качестве основной формы глагола — глагол II лица единственного числа повелительного наклонения, совпадающий с основой инфинитива. Такие омонимы удачно названы автором *первичными*. В результате присоединения омонимических и омографических аффиксов от каждого первичного лексико-грамматического омонима образуется по два новых: *аттын₁* — род. пад. от сущ. *ат* «лошадь» и *аттын₁* — II л. ед. ч. очевид. прош. вр. изъявн. накл. от гл. *ат* «стрелять», *атты* — вин. пад. от сущ. *ат* «лошадь» и *атты* — III л. ед. ч. очевидн. прош. вр. изъявн. накл. от гл. *ат* «стрелять». Подобные лексико-грамматические омонимы названы *вторичными*. Вторичные омонимы в собственно словарь не включены, поскольку они могут быть образованы от первичных.

При помощи омографических аффиксов от каждого первичного лексико-грамматического омонима образуется по одному омографу: *атыгыз* — II л. мн. ч. притяж. формы сущ. *ат* «лошадь» и *атыгыз* — II л. мн. ч. повелит. накл. от гл. *ат* «стрелять».

В процессе работы над составлением словаря автор выявил в башкирском языке до 800 омонимических гнезд, которые в свою очередь включают около 2000 лексических и лексико-грамматических омонимов.

Особенностью словаря является его доступность для специалистов в области других языков: введение и правила пользова-

* Уфа, 1966, 142 стр.

¹ В. В. Виноградов. Об омонимии и смежных явлениях. — «Вопросы языкознания», 1960, № 5, стр. 3.

² См.: Лексикографический сборник, вып. IV, 1960; «Вопросы языкознания», 1957, 1958.

ния словарем изложены на башкирском и русском языках; кроме того, все башкирские омонимы и омографы снабжены русскими переводами.

Несколько слов о недостатках.

В словаре отмечено около 80 пар слов, очень близких по своей семантической структуре. Однако, если понимать под омонимами слова, имеющие одинаковое звучание и написание, но совершенно различные по смысловому значению, то, с нашей точки зрения, совершенно неправомерно считать подобные пары омонимами в подлинном смысле этого слова. Например:

592. *тырма* «борона, грабли», *тырма* «сгребать граблями»;

704. *һынау* имя действия от *һына* «испытывать, пробовать», т. е. «испытание», *һынау* «экзамен»;

779. *ярлы* «бедняк», *ярлы* «бедный, скудный» и т. п. Включение таких пар в словарь омонимов представляется нам правильным лишь в тех случаях, когда с ними соотносится еще третье слово. Например:

140. *быуа* «пруд»

быуа III л. ед. ч. наст. вр. от гл. *быу* «душнить»;

быуа III л. ед. ч. наст. вр. от гл. *быу* «прудить»;

746. *ябык* «худеть, истощаться»

ябык «тощий, худой»;

ябык «закрытый».

Такого рода примеров в словаре насчитывается около десяти. В данном случае слова, не характеризующиеся омонимическими отношениями, можно было бы расположить в одну строку, как в последнем примере. Между словами *ябык* «худеть, истощаться» и *ябык* «худой, тощий», расположенными в одной строке, нет омонимических отношений. Омонимами в указанном гнезде слов являются *ябык* «худеть, истощаться» и *ябык* «закрытый», с одной стороны, и *ябык* «тощий, худой» и *ябык* «закрытый» — с другой.

В словаре имеется и ряд неточностей: греческое слово *опота* «нимя» дано как *опута* (стр. 5, 17); под номером 224 в качестве омонимов зафиксированы слова *йыуынты* «помои» и *йыуынды* III л. ед. ч. очевидн. прош. вр. от гл. *йыуын* «умываться».

Необходимо сказать несколько слов и о погрешностях корректуры. На стр. 72—73 в результате смещения правого боковика трудно находить слова, относящиеся к одному гнезду. Слова 359. *кызған* «раскаленный» и *кызған* III л. ед. ч. неочевидн. прош. вр. от гл. *кыз* «накаляться, горячиться» приводятся как лексические омонимы. В гнезде под номером 738 *яһак* оставлено в русском переводе без изменений — «яһак».

Ч. Ю. Латыпов

«СОВРЕМЕННЫЙ ТАТАРСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК»*

Монография «Современный татарский литературный язык» является плодом коллективного труда ученых-языковедов Казанского института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова АН СССР, Казанского университета и Казанского педагогического института. Эта первая татарская научная грамматика на русском языке составляет важный этап в развитии татарского языкознания. Монография помимо «Введения» включает следующие главы: «Лексикология», «Фонетика», «Орфоэпия», «Графика и орфография», «Морфология».

«Введение» в свою очередь состоит из четырех разделов. В первом разделе содержатся основные сведения о расселении татар и диалектном членении татарского языка; приводится на основе новейших научных данных классификация диалектов и говоров татарского языка, характеризуются их основные особенности, помещается наглядный иллюстративный материал. Подробно освещаются в разделе вопросы образования татарских говоров, рассматривается влияние других татарских и соседних финно-угорских языков на этот процесс; определяется роль диалектов в создании литературного языка. Признавая ведущую роль среднего диалекта в формировании татарского литературного языка (его фонетики и лексики), авторы подчеркивают значение для морфологии мишарского (западного) диалекта.

Второй раздел «Введения» посвящен истории становления норм татарского литературного языка. Авторы приводят убедительные доводы, свидетельствующие о том, что локальные нормы татарского языка (в лексическом, фонетическом, грамматическом аспектах) начали складываться и развиваться в рамках Булгарского государства еще в домонгольскую эпоху. Окончательное же формирование татарского языка совпадает с распадом государства Золотой Орды в XV веке и образованием Казанского ханст-

ва. Для подтверждения этого основного положения привлекается большое количество исторических источников, известных лишь узкому кругу специалистов, анализируя которые авторы выявляют специфику норм татарского языка, отличающую его от древнетюркского.

В этом разделе подчеркивается также большая заслуга татарских поэтов и писателей Г. Кандалий, К. Насыри, Г. Тукая, М. Гафури, Г. Камала, Г. Ибрагимова, Ш. Камала и других в создании татарского литературного языка.

В третьем разделе «Введения» излагаются основные сведения о стилях татарского литературного языка и истории их становления; приводится большое количество иллюстративных примеров из древних письменных памятников, художественной литературы и разговорной речи; подчеркивается национальное своеобразие различных стилей последней. Иллюстративный материал дается и в переводе на русский язык, что облегчает пользование книгой.

В четвертом разделе «Введения» рассматриваются этапы развития татарского языкознания. Анализируются основные труды зарубежных и отечественных дореволюционных тюркологов, оценивается их значение в решении теоретических проблем.

После Великой Октябрьской социалистической революции в результате претворения в жизнь ленинской национальной политики были созданы все условия для подлинно свободного развития татарского национального языка и его научного изучения. Авторы отмечают огромные сдвиги в развитии советского татарского языкознания и характеризуют роль ведущих тюркологов в разработке основных теоретических вопросов грамматики, фонетики и диалектологии.

В главе «Лексикология» даются основные сведения о лексическом значении слов, об омонимах, синонимах, антонимах, рассматриваются выразительные возможности и характеризуются стилистические пласты словарного состава.

* М., 1969, 380 стр.

Недостаточно, на наш взгляд, разработан в монографии раздел «Фразеология», которому уделено всего 1,5 страницы. У читателя не создается цельного представления о фразеологии татарского языка.

В главе «Фонетика» при описании звукового состава татарского языка приводится артикуляционная характеристика гласных и согласных звуков, кратко излагаются закономерности их чередования, выявляются особенности ударения и т. д.

Автор при этом опирается на труды В. А. Богородицкого и Г. Шарафа, которые впервые исследовали фонетический строй татарского языка экспериментальным путем. Их работы и по настоящее время не утратили своего значения.

В главе «Орфоэпия» подробно рассматриваются основные нормы литературного произношения. До сих пор вопросам орфоэпии в татарском языкознании уделялось недостаточно внимания. Ценной особенностью настоящей монографии является восполнение этого пробела. Материалы главы могут быть использованы в дальнейшем для создания специального руководства по орфоэпии татарского языка.

В главе «Графика и орфография» приводятся краткие сведения из истории татарского алфавита, детально описывается система современной орфографии. Изложенные здесь основные положения представляют особую ценность для методистов и учителей, занимающихся поисками рациональных приемов обучения.

В заключительной главе — «Морфология» — дается краткое систематическое освещение особенностей морфологического строя татарского языка.

В монографии уточнены и в определенной мере разрешены некоторые спорные вопросы татарской грамматики. Так, например, в разделе «Имя существительное» авторы останавливаются на грамматической категории определенности и неопределенности; в разделе «Местоимение» впервые рассматривается неопределенное местоимение и т. д.

Почти общепринятым в татарском языкознании в последнее время стало подразделение прилагательных по значению на качественные, относительные и притяжательные. В монографии же рассматриваются только качественные и относительные прилагательные. Авторам монографии следовало бы изложить свою точку зрения и на третий вид прилагательного.

Как известно, глагол самая сложная, богатая грамматическими категориями и формами часть речи. Ему посвящается значительная часть монографии. В отличие от других грамматик татарского языка здесь модальным и перифрастическим формам глагола уделяется большое внимание, что по достоинству будет оценено читателем.

Разделы внутри глав располагаются в четкой логической последовательности. Благодаря тщательной работе редакторов монография воспринимается как единое целое, не распадаясь стилистически на отдельные главы, написанные разными авторами.

Монография представляет собой значительный вклад в татарское языкознание и заслуживает высокой оценки.

Л. Ш. Арсланов

К. З. ЗИННАТУЛЛИНА. ЗАЛОГИ ГЛАГОЛА В СОВРЕМЕННОМ ТАТАРСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ*

Монография К. З. Зиннатуллиной посвящена сложной и актуальной проблеме — залогам глагола современного татарского литературного языка.

Категория залога, так же как и многие другие вопросы грамматики татарского языка, оставалась до последнего времени вне поля зрения исследователей. Однако без глубокого теоретического изучения морфологии невозможны успешные исследования в области языкознания.

Система залогов является, пожалуй, наиболее спорной как в тюркологии, так и в русском языкознании. Ибо в данной категории входят в сложные взаимодействия многочисленные явления лексики и словообразования, морфологии и синтаксиса. Многие залоговые аффиксы наряду с реляционными имеют также и деривационные значения.

До работы К. З. Зиннатуллиной изучению этой проблемы в татарском языкознании посвящались лишь отдельные статьи (Л. З. Заляя и М. З. Закиева), а в трудах по грамматике приводились только общие сведения.

Рецензируемая книга является первой попыткой монографического исследования залоговых форм глагола татарского языка. Ценность ее заключается также в том, что автор анализирует и обобщает большой фактический материал. К работе приложен перечень залоговых форм 1991 татарского глагола. Автором практически учтены и подвергнуты анализу все залоговые формы основного пласта корневых и производных глаголов, что потребовало большой и кропотливой работы.

В татарском языкознании подобный перечень впервые был составлен видным ученым второй половины XIX в. К. Насыри в его грамматике «Эпмүзедж» (Казань, 1895). Однако количество приведенных им корневых и производных глаголов не достигало и 800. К тому же он включил в перечень много искусственных форм, образование которых можно допустить только теоретически (ср.:

биренелмэк, биреленмэк и т. д.), пренебрегая «лексическим сопротивлением» языка.

Заслугой автора является тщательное изучение истории вопроса от индийских и античных грамматик до последних работ в области русской и тюркской грамматик. Подробно рассматривается развитие теории залога в русском языкознании, всегда оказывавшем непосредственное воздействие на разработку вопросов грамматики, и в частности категории залога в тюркских языках. Обстоятельно прослеживается в работе история разработки теории залога как в тюркологии в целом, так и в татарском языкознании.

В конце работы приводится обширная библиография по рассматриваемой теме.

На основе анализа литературных источников автор делает вывод о наличии принципиальных противоречий в разработке теории залога.

Во втором разделе работы К. З. Зиннатуллина исследует все типы залоговых форм глагола татарского языка с точки зрения их образования и значения. В современном татарском языке она устанавливает следующие четыре залоговые формы глагола: страдательный, возвратный, взаимно-совместный и понудительный.

Следует отметить, что в грамматиках татарского языка до последнего времени не уделялось должного внимания выяснению условий присоединения залоговых аффиксов. На основе исследования обширного языкового материала К. З. Зиннатуллина определяет эти условия и систематизирует их.

Автор отмечает, что из рассмотренных ею в монографии корневых и производных глаголов общим числом 1991, лишь 346 глаголов (17,4 процента) могут быть снабжены аффиксом «I», 670 (33,6 процента) — аффиксом «n», 658 (около одной трети) — аффиксом «s» и 1738 (88,6 процента) — аффиксами понудительности. Наличием всех залоговых форм характеризуются только 72 глагола, т. е. менее 4 процентов. В этом же

* Казань, 1969, 231 стр.

разделе раскрываются ведущие значения залоговых форм.

Глагольные формы на -I-, как явствует из монографии, выражают собственно страдательное значение (*язылу* «писаться»), переходное значение (*жыелу* «скапливаться»), значение, близкое к исходным глаголам (*тукталу* «останавливаться»), и значение произвольности действия (*картаелу* «со стариться»).

Формы на -п- имеют собственно страдательное значение (*сайлану* «избираться, быть избранным»), переходное значение (*мактану* «хвалиться»), так называемое собственно возвратное значение (*юыну* «мыться»), значение включенного объекта (*кырын* «бриться»), значение произвольности действия (*йоклану* «спаться»), значение повторности действия (*сызгырын* «на свистывать»), значение распространения глагольного признака на человека в целом (*агарыну* «поблестить»).

Формы на -s- выражают взаимное значение (*очрацу* «встречаться»), значение содействия (*савышу* «помочь донть»), активно-безобъектное значение (*язышу* «заниматься письмом»), значение совместности действия (*йогерешу* «бежать»), неполноты и интенсивности действия (*авышу* «накрениться», *ачешу* «бродить»).

Понудительные формы могут иметь переходное значение (*бушату* «освободить»), безличное значение (*салкынайту* «похолодать»), собственно понудительное значение (*ачтыру* «сделать так, чтобы кто-либо открыл что-либо»).

Выделение указанных значений является результатом большой аналитической работы, сделанной автором, и представляет исключительную ценность для грамматики татарского языка.

Весьма существенным и оригинальным является исследование отношения залоговых форм к остальным глагольным категориям: к грамматическим категориям лица и числа, наклонения и времени, к формам утверждения и отрицания, к категории длительности действия и т. д. Исследование отношения залоговых форм глагола к указанным категориям и их места в системе других категорий глагола дает возможность более полно представить их природу.

Заслуживает внимания также рассмотрение двух- и трехчленных залоговых конструкций.

Весьма убедительным является утверждение К. З. Зиннатуллиной о том, что «формы с наращением нескольких аффиксов понудительности отличаются от первично-производных лишь степенью понуждения» (стр. 215).

Работа К. З. Зиннатуллиной представляет собой оригинальное исследование, вносящее определенный вклад в изучение системы не только татарского глагола, но и тюркской глагольной системы в целом.

Вместе с тем в монографии, на наш взгляд, имеется ряд спорных моментов.

По мнению К. З. Зиннатуллиной, основной залог в его традиционном понимании неприемлем. Глаголы, не имеющие залоговых аффиксов, следует рассматривать не как формы, входящие в категориальную систему пяти залогов, а лишь как исходные формы производных залогов (стр. 217). По мнению автора, «выражение осуществления процесса самим субъектом свойственно всем личным глаголам» (стр. 217). На наш взгляд, данное утверждение нельзя считать бесспорным. Хотя основной залог и не имеет формального показателя, однако это еще не дает права исключить его из системы залогов. Например, в грамматической категории падежа именительный падеж также не имеет формальных признаков, является основной, начальной формой существительного, однако он никем не исключается из системы данной категории.

С нашей точки зрения, основной (действительный) залог находится с другими залоговыми формами в таких же отношениях, в каких именительный падеж — с остальными падежами. Значит, основной (действительный) залог также относится к системе залогов и поэтому должен исследоваться в данной категориальной системе.

Приведенное в работе традиционное определение основного залога является не совсем удачным, поскольку под это определение можно подвести и другие залогов. Однако это не может служить причиной исключения основного залога из залоговой системы. Необходимо найти такое определение, которое точно отражало бы суть основного залога и указывало его место среди других залогов.

Автор монографии анализирует все залоговые формы и устанавливает их основные значения.

Совершенно правильно отметив, что «прежде чем объединить залогов, необходимо их разъединить» (стр. 47), К. З. Зиннатуллина сама почему-то не пошла дальше «разъединения».

Исследование глаголов по залоговым аффиксам должно было завершиться систематизацией и классификацией значений по залогов. Это сделало бы научную разработку проблемы законченной и исчерпывающей.

Не совсем понятным, на наш взгляд, является утверждение К. З. Зиннатуллиной о том, что страдательные формы с собственно страдательным и переходным значениями, возвратные формы с собственно страдательным, переходным, так называемым: собственно возвратным значением, взаимно-совместными формами с активно-безобъектным значением и значением содействия, понудительные формы с переходным и собственно понудительным значениями — выражают грамматические отношения, вне отношения к исходным глаголам и характеризуются

всеми признаками самостоятельных глаголов, т. е. являются категориями лексико-грамматическими.

На наш взгляд, приведенные автором словоформы *төзелу*, *тикшерелу* (собственно страдательное значение страдательной формы — стр. 132), *буялу*, *указып бету* (непереходное значение страдательной формы — стр. 156), *аванслану*, *үлчәнү*, *камап алыну* (собственно страдательное значение возвратной формы — стр. 171), *юнышу*, *урлашу* (активно-безобъектное значение взаимно-совместной формы — стр. 193), *ясашу*, *савышу* (значение совместности действия взаимно-совместной формы — стр. 191), *көлешү*, *торкылдашу*, *чырылдашу* (значение совместности действия взаимно-совместной формы — стр. 194), *елату*, *көлдөру* (переходное значение повелительной формы — стр. 203), *буяту*, *ачтыру* (собственно повелительное значение — стр. 211) имеют только грамматические значения в сравнении со своими исходными формами, и, несмотря на то что в языке они могут выступить как самостоятельные глаголы, их нельзя считать глаголами лексико-грамматической категории (по терминологии автора).

Что же касается наличия в них признаков самостоятельных глаголов, то это не может служить основанием для того, чтобы приписывать им какое бы то ни было лексическое значение. Например, словоформа *килгәләу* отличается от глагола *килу* своим грамматическим значением, а в системе глагола проявляет себя, как типичный самостоятельный глагол, способный изменяться по категориям времени, лица, наклонения и т. д. И все же это не делает словоформу *килгәләу* глаголом лексико-грамматической категории. Она остается грамматической формой глагола *килу* «притий».

Точно так же следует рассматривать вышеуказанные формы залогов: *төзелу*, *тикшерелу*, *аванслану*, *камап алыну*, *чырылдашу* и т. п. От своих исходных глагольных форм они отличаются только выражением залоговых отношений. Их отличие от основных форм относится не к семантике, а только к грамматическому значению, независимо от поведения в контексте.

Словоформы *менгезү*, *кигезү*, *яткызу*, *житкезу* (стр. 199—200), образованные при помощи аффиксов *гыз—гез* (*кыз—кез*), являются нелитературными. Их следовало бы отнести к диалектальным.

Автор утверждает, что второй компонент слова *буйсыну* представляет собой аффикс *-сын*, что, на наш взгляд, неверно. Как показывают факты языка, форма *-сыну* этимологически восходит к тюркскому слову *сону* «дать»: *буйсыну* значит *буй бирү* — *буйсону* (см. соответствующие этимологические экскурсы К. Насырова, В. Хангильдина). По нашему мнению, указанный аффикс не имеет ничего общего с производными глаголами *ваксыну* «мельчиться», *кузсену* «подвергнуться сглазу», как это считает автор (стр. 113).

Отмеченные нами отдельные недочеты и спорные моменты не умаляют общих достоинств монографии. Она принесет несомненную пользу при дальнейшей разработке соответствующих разделов научно-описательной грамматики и составлении грамматических характеристик глаголов при работе над словарями. А это свидетельствует о ее научной и практической ценности.

Ф. Ганиев

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ПАМЯТИ ВИДНОГО УЧЕНОГО-ТЮРКОЛОГА Н. И. АШМАРИНА

30 сентября — 1 октября 1970 г. в г. Чебоксары состоялась юбилейная научная сессия, посвященная 100-летию со дня рождения выдающегося чувашского языковеда, видного тюрколога, члена-корреспондента Академии наук СССР проф. Н. И. Ашмарина. Сессия была организована Научно-исследовательским институтом при Совете Министров Чувашской АССР, Чувашским государственным университетом им. И. Н. Ульянова и Чувашским государственным педагогическим институтом им. И. Я. Яковлева.

В работе сессии приняли участие ученые Москвы, Казани, Уфы и Чебоксар. Сессию открыл вступительным словом председатель республиканской юбилейной комиссии заместитель председателя Совета Министров Чувашской АССР *Н. Е. Егоров*.

В докладе члена-корреспондента Академии педагогических наук СССР *М. Я. Сироткина* (Чебоксары) «Н. И. Ашмарин и чувашская культура» говорилось об огромных заслугах Н. И. Ашмарина в деле изучения культуры, быта и языка чувашей. Докладчик подчеркнул, что за сорок лет своей деятельности Н. И. Ашмарин создал большое число научных работ по языкознанию, фольклористике и истории, не утративших своего значения и по настоящее время. Докладчик отметил, что в своей научной деятельности Н. И. Ашмарин не ограничивался исследованием только одного чувашского языка, он многое сделал также в области изучения других тюркских языков (азербайджанского, татарского). В докладе была освещена также активная педагогическая и общественная деятельность Н. И. Ашмарина, направленная на подготовку национальных научных и педагогических кадров.

Доклад канд. филол. наук *Н. П. Петрова* (Чебоксары) «Н. И. Ашмарин как лексикограф» был посвящен работе ученого над семнадцатитомным «Словарем чувашского языка», ставшим в настоящее время настольной книгой каждого научного работника,

учителя и всех работников умственного труда в Чувашии. Докладчик проанализировал лексикографическую работу ученого над словарем, показав огромное научное и культурное значение этого классического труда. Словарь является не только «сокровищницей языка чуваш» (в нем представлено более 40 тыс. слов), но и энциклопедией материальной и духовной жизни чувашского народа в дореволюционную эпоху.

С докладом на тему: «Вклад Н. И. Ашмарина в татарскую филологию» выступил старший научный сотрудник Казанского института языка, литературы и истории АН СССР *И. А. Абдуллин*. Докладчик отметил широту научных интересов Н. И. Ашмарина, много сделавшего для развития татарской фольклористики, литературоведения и истории литературного языка. Особую ценность опубликованным и неопубликованным работам Н. И. Ашмарина по истории татарского литературного языка и татарской литературы, подчеркнул докладчик, придает то, что они были написаны им в период пробуждения национального самосознания татарского народа, формирования татарской буржуазной нации и национального литературного языка. Н. И. Ашмарин был также одним из первых переводчиков и пропагандистов татарской литературы. Обзоры и очерки Н. И. Ашмарина, посвященные процессу формирования татарского национального литературного языка, благодаря своим научным достоинствам получили признание со стороны татарских литературоведов.

С именем Н. И. Ашмарина, как известно, связано начало нового этапа в изучении древней истории чувашей. Эта мысль была особо подчеркнута в докладе д-ра историч. наук *В. Ф. Каховского* (Чебоксары) «Н. И. Ашмарин о происхождении чувашского народа». Докладчик показал, что выдающийся ученый на основе лингвистических данных убедительно обосновал болгарскую теорию происхождения чувашей, которая ныне получила всеобщее призна-

ние среди историков, лингвистов и других ученых.

В содержательном докладе д-ра педагог. наук *Г. Н. Волкова* (Чебоксары) «Словарь Н. И. Ашмарина как источник этнопедагогических исследований» была рассмотрена научная деятельность ученого в области чувашской педагогики. Докладчик отметил, что «Словарь чувашского языка» Н. И. Ашмарина содержит энциклопедические сведения по народной педагогике, о многих особенностях народного воспитания; в нем содержится также богатый материал о функциях воспитания и воспитателей в историческом аспекте, о роли молодого подрастающего поколения в поступательном движении общества и т. д. Собранный ученым этнопедагогический материал, по мнению докладчика, позволил Н. И. Ашмарину наметить общую линию развития педагогической культуры чувашского народа и тем самым внести значительный вклад в духовную культуру Чувашии.

Доклад канд. филол. наук *В. И. Котлева* (Чебоксары) «Н. И. Ашмарин и проблемы чувашской фонетики и фонологии» показал значение вклада Н. И. Ашмарина в чувашскую фонетику. Докладчик отметил, что ученый создал первый систематический научный курс фонетики чувашского языка. Далее в докладе говорилось о проблемных вопросах чувашской фонетики и фонологии, ждущих своего разрешения.

Д-р филол. наук *Н. А. Андреев* (Чебоксары) в докладе «Н. И. Ашмарин и проблемы чувашского синтаксиса» показал роль и заслугу выдающегося чувашеоведа в разработке вопросов синтаксического строя чувашского языка и его особенностей. «Как подлинный исследователь, — говорит докладчик, — Н. И. Ашмарин не мог не понять, что раскрытие духа и природы конкретного языка возможно лишь при изучении его синтаксической структуры, при изучении функционирования языка в речи». В докладе отмечается, что в своих трудах по синтаксису Н. И. Ашмарин сумел вскрыть тончайшие особенности построения чувашской речи. Однако докладчик не обошел некоторые противоречивые и неверные положения ученого в трактовке тех или иных грамматических форм. Эти противоречия, по мнению докладчика, объяснялись тем, что у Н. И. Ашмарина не было достаточно четких теоретических концепций, собственной синтаксической теории. Это нельзя ставить в вину ученому. Сказанное, подчеркнул докладчик, не умаляет заслуг выдающегося ученого перед чувашским и тюркским языкознанием.

Канд. филол. наук *И. Г. Добродомов* (Москва) выступил с докладом «Н. И. Ашмарин как этимолог». Он подробно остановился на этимологических изысканиях Н. И. Ашмарина. Докладчик отметил, что этимологические суждения ученого разбро-

саны по многим работам ученого и носят характер беглых попутных замечаний. В них отмечается связь тех или иных чувашских слов со словами других тюркских языков, а также со словами языков нетюркских народов, имевших контакты с булгарами или чувашами. Несмотря на ошибочность отдельных этимологических положений, замечает докладчик, они сохраняют свою непреходящую историческую ценность как важные вехи в развитии чувашской исторической лексикологии.

Старший редактор издательства «Советская энциклопедия» *Т. Ф. Медведкова* (Москва) в своем докладе «Работа над чувашско-русскими и русско-чувашскими переводными словарями» подчеркнула огромную роль «Словаря» Н. И. Ашмарина в развитии чувашской лексикографии за годы Советской власти. В заключение она отметила, что создание «Словаря чувашского языка» — это жизненный подвиг Н. И. Ашмарина, подобный подвигу В. И. Даля. Докладчик считает необходимым осветить жизнь и деятельность Н. И. Ашмарина не только в научных трудах и статьях, но и в таком пользующемся широкой популярностью издании, как серия «Жизнь замечательных людей».

Канд. филол. наук *И. Т. Сергеев* (Чебоксары) выступил с сообщением «Н. И. Ашмарин как автор «Русской грамматики», в котором охарактеризовал работу ученого в области составления специального учебного руководства по русскому языку для нерусских учебных заведений.

Канд. педагог. наук *Г. А. Анисимов* (Чебоксары) выступил с сообщением «Н. И. Ашмарин и некоторые вопросы аспектологии». Он отметил, что Н. И. Ашмарин одним из первых в тюркологии высказал мысль о том, что в тюркских языках нет грамматической категории вида. Это утверждение ученого получило в последующем признание и развитие в трудах известных тюркских аспектологов. Н. И. Ашмарину же принадлежит мысль о том, что чувашскому языку также чуждо видовое различие глаголов. В сообщении отмечалось, что Н. И. Ашмарин не ограничился только обоснованием этого тезиса. Он выявил также определенные функциональные особенности чувашских глагольных форм в передаче тех или иных видовых значений.

Канд. филол. наук *Т. М. Гарипов* (Уфа) в своем докладе «Словарь чувашского языка» Н. И. Ашмарина и болгаро-кыпчакские языковые параллели» говорил не только о богатстве чувашской лексики, но и об исключительной лингвистической одаренности и эрудиции составителя «Словаря» Н. И. Ашмарина, получившего и классическое и ориенталистическое образование. Переходя к вопросу о болгаро-кыпчакских языковых взаимосвязях, докладчик отметил малую изученность вопроса о воздействии языков болгарской ветви на тюркские

языки иных ветвей. Докладчик привел конкретные примеры чувашско-башкирских (и татарских) языковых параллелей, имеющих в «Словаре» Н. И. Ашмарина, показал типологические сходства в области грамматики и семантики, совпадения фонетического и лексического характера, регулярные и нерегулярные соответствия гласных и согласных и т. д.

В докладе «Н. И. Ашмарин и В. В. Радлов о происхождении чувашского языка» д-р филол. наук *М. Р. Федотов* (Чебоксары) дал анализ взглядов этих ученых на вопрос о происхождении чувашского языка. Основываясь на характерных фонетических явлениях — ротацизме и ламбдаизме, он показал древность чувашского языка. Основные черты консонантизма (ламбдаизм и ротацизм), по мнению докладчика, дают возможность рассматривать чувашский язык как особый член алтайской семьи языков, в котором сохранились тунгусо-маньчжурские и монгольские черты эпохи I—II вв. н. э.

Канд. филол. наук *Р. Г. Ахметьянов* (Казань) в своем выступлении коснулся некоторых чувашских этимологий по данным Н. И. Ашмарина: *сурахури* ~ *сорхори* «название обряда встречи нового года», *куланай*

«подушная подать», *алпаста* «домовой». Методологическое значение опытов ученого в области этимологии он видит в выявлении им экстралингвистической подосновы значенных слов.

С воспоминаниями о Н. И. Ашмарине выступили его ученики *А. И. Иванов*, *М. Н. Николаева* и др.

Широкая и разносторонняя деятельность Н. И. Ашмарина нашла освещение в содержательных докладах, сообщениях и выступлениях канд. филол. наук *Т. И. Тепляшиной* (Москва) «Н. И. Ашмарин и вопросы финно-угорского языкознания», канд. филол. наук *Л. П. Сергеева* (Чебоксары) «Н. И. Ашмарин как диалектолог», канд. педагог. наук *Н. Г. Краснова* «Н. И. Ашмарин как соратник и последователь И. Я. Яковлева», аспиранта Института языкознания АН СССР *М. И. Скворцова* (Москва) «Терминология ремесел в «Словаре» Н. И. Ашмарина», аспиранта МГПИ *Г. П. Петрова* и др.

Сессия приняла рекомендации по дальнейшему изучению творческого наследия Н. И. Ашмарина и по разработке актуальных вопросов чувашского языкознания.

Л. П. Сергеев

PERSONALIA

АЛИОВСАТ ЗАКИР ОГЛЫ АБДУЛЛАЕВ

(К 50-летию со дня рождения)

Филологи республики 11-го декабря с. г. отметили 50-летие со дня рождения и 30-летие научно-педагогической деятельности доктора филологических наук, профессора А. З. Абдуллаева.

А. З. Абдуллаев — автор около 70 научных работ, изданных в республике и за ее пределами, в том числе и за рубежом.

Основное место в научных исследованиях А. З. Абдуллаева занимают актуальные проблемы синтаксиса азербайджанского языка. Его кандидатская диссертация (1953) была посвящена обособлению, а докторская (1963) — сложноподчиненному предложению в современном азербайджанском языке. Последняя работа отличается своей оригинальностью и научной глубиной. Здесь А. З. Абдуллаевым были впервые отмечены модели усложненных конструкций сложноподчиненных предложений.

Многие работы А. З. Абдуллаева посвящены проблемам синтаксиса сложного предложения, синтаксического строя языка.

А. З. Абдуллаев автор книг «Синтаксические связи в современном азербайджанском языке», «Согласование управления и примыкания», отдельных глав коллективных работ «Грамматика азербайджанского языка» и «Современный азербайджанский язык. Синтаксис», многих статей.

Проблемам морфологии посвящена работа А. З. Абдуллаева «Служебные слова». Признанием пользуются также его работы о грамматической природе частиц в азербайджанском языке.

А. З. Абдуллаев — активный участник многих научных сессий, конференций, совещаний и симпозиумов по различным вопросам языкознания, проводившихся в нашей стране и за рубежом. С интересом был встречен его доклад «Развитие форм дательного падежа в тюркских языках», сделанный им на двенадцатой сессии постоянного Международного конгресса по алтаеведению в Берлине осенью 1969 года.

А. З. Абдуллаев имеет большие заслуги в области педагогической работы и подго-

товки кадров. Он является также одним из основных авторов ряда учебников и пособий, в том числе двухтомника «Современный азербайджанский язык. Синтаксис».

А. З. Абдуллаев подготовил ряд молодых ученых-языковедов для Азербайджана и других тюркоязычных республик, успешно защитивших под его руководством диссертации.

А. З. Абдуллаев в настоящее время заведует кафедрой азербайджанского языкознания Азербайджанского государственного университета им. С. М. Кирова. Он главный редактор «Ученых записок» университета (серии языка и литературы) и член ученых советов ряда научных учреждений и вузов республики.

В настоящее время А. З. Абдуллаев продолжает активную научную и педагогическую деятельность. Нет сомнений, что он еще многое сделает в области азербайджанского языкознания и тюркологии в целом.

А. А. Ахундов

ХРОНИКА

АШУГСКИЙ СТИЛЬ В АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ПОЭЗИИ XIX в.

3-го ноября 1970 года на заседании филологической секции Ученого совета Отделения общественных наук Академии наук Азербайджанской ССР состоялась защита Азизой Мамед кызы Джафарзаде диссертации «Ашугский стиль в азербайджанской поэзии XIX в.», представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук.

Научным консультантом диссертанта был академик АН Азербайджанской ССР Ф. С. Касумзаде.

Официальными оппонентами на защите выступили академик АН Азербайджанской ССР Г. М. Араслы, член-корреспондент АН Азербайджанской ССР М. З. Джафаров и доктор филологических наук, профессор М. Ю. Гулизаде.

Ашугский стиль в азербайджанской поэзии XIX в. по своему значению и влиянию на последующее развитие литературы заслуживает специального исследования. Более пятидесяти поэтов писали в этом стиле. Их творчество способствовало укреплению и развитию реалистических тенденций в азербайджанской литературе. Исследование произведений этих поэтов имеет важное значение для правильного понимания сложного литературного процесса, проходившего в Азербайджане в XIX в. Тесная связь творчества этих поэтов с народной средой, с ашугской поэзией придает особую значимость исследованию их поэтического наследия.

Диссертант проделала большую работу

по сбору и изучению произведений поэтов, писавших в ашугском стиле. Автору диссертации удалось выявить ряд новых имен.

Диссертант установила также, какие литературные традиции (как классической, так и ашугской поэзии) были использованы поэтами, писавшими в ашугском стиле, проследила пути дальнейшего развития этих традиций.

В диссертации много внимания уделяется особенностям творчества отдельных представителей ашугского стиля и характеристике всего направления в целом. Диссертант подробно проанализировала использованные поэтами этого направления поэтические формы, художественные приемы и средства. Особо рассматривалась связь поэзии ашугского стиля, с одной стороны, с классической поэзией, и с другой — с устным народным творчеством. Благодаря этой тесной связи поэзия ашугского стиля обогащалась прогрессивными идеями народности, гуманизма и реализма. В работе говорится также о месте, занимаемом поэзией ашугского стиля в истории азербайджанской литературы, о роли представителей этого стиля в развитии общественной и художественной мысли азербайджанского народа, в подготовке почвы для зарождавшейся в тот период литературы критического реализма.

Ученый совет вынес решение ходатайствовать перед ВАК о присуждении А. М. Джафарзаде ученой степени доктора филологических наук.

НАУЧНО-КРИТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ХАТАИ

Шах Исмаил Хатаи занимает видное место в истории азербайджанской литературы. Однако до последнего времени не было научного издания его поэтического наследия. Для восполнения этого пробела необходимо было провести соответствующие текстологические исследования, взяв за основу наиболее достоверные, близкие к поэту по времени рукописи его произведений. Создание научно-критического текста требовало длительного и напряженного труда, скрупулезного анализа произведений поэта. Только после проведения тщательного текстологического исследования списков произведений Хатаи можно было восстановить текст его произведений, наиболее близкий к подлиннику.

Вся эта работа была осуществлена старшим научным сотрудником Республиканского рукописного фонда АН Азербайджанской ССР А. Г. Мамедовым в процессе подготовки диссертации «Текстологическое исследование и научно-критический текст произведений Шах Исмаила Хатаи», представленной им к защите на соискание ученой степени доктора филологических наук.

Консультировал диссертанта академик АН Азербайджанской ССР Г. М. Араслы.

Защита диссертации состоялась 8 декабря 1970 года на заседании филологической секции Ученого совета Отделения общественных наук Академии наук Азербайджан-

ской ССР при официальных оппонентах академике АН Азербайджанской ССР М. Ш. Шираллиеве, д-ре филологических наук, профессоре М. Ю. Гулизаде, д-ре филологических наук Г. Р. Мамедзаде.

В диссертации излагаются принципы, на основании которых проводилось исследование и составлялся научно-критический текст произведений Хатаи. Автор специально оговаривает устраненные им ошибки каллиграфов и переписчиков, обнаруженные при тщательном сличении рукописей.

Диссертация включает научно-критический текст как лирики поэта, так и его месневи «Дехнаме» и «Насихатнаме». К тексту прилагаются разночтения и примечания.

В процессе текстологического исследования в некоторых стихотворениях Хатаи диссертант обнаружил отголоски важных исторических событий того времени. Диссертанту удалось также установить авторство Хатаи в ряде стихотворений, ранее приписывавшихся другим авторам, и, наоборот, выявить ошибочность в некоторых случаях приписывания Хатаи стихов, принадлежавших перу других поэтов.

Члены Ученого совета высказались за присвоение Азизага Гаджиали оглы Мамедову ученой степени доктора филологических наук.

Н. Г. Наджафов

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ
«СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ» В 1970 ГОДУ (№№ 1—6)

	№	Стр.
<i>Гулизаде М. Ю.</i> (Баку). Азербайджанское советское литературоведение	5	13
<i>Дадашзаде М. А.</i> (Баку). Образ В. И. Ленина в литературе	2	3
<i>Кононов А. И.</i> (Ленинград). П. М. Мелноранский и отечественная тюркология	1	16
<i>Кононов А. И.</i> (Ленинград). Слово о Юсуфе из Баласагуна и его поэме «Кутадгу билиг»	4	3
<i>Рагимов М. Ш., Алекперов А. К.</i> (Баку). Современное состояние и перспективы развития азербайджанского языкознания	5	3
<i>Ширалиев М. Ш., Асадуллаев С. Г.</i> (Баку). Советская тюркская филология и задачи журнала «Советская тюркология»	1	3
<i>Эфендиева Т. А.</i> (Баку). Ленинские идеи — основа языкового строительства в нашей стране	2	11

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

<i>Абдуллаев А. З.</i> (Баку). Пути возникновения сложноподчиненных предложений в тюркских языках	3	53
<i>Абдурахманов Г. А.</i> (Фергана). Изучение синтаксиса тюркских языков	1	42
<i>Амиров Р. С.</i> (Алма-Ата). Способы актуального членения в казахском языке	6	34
<i>Асланов В. И.</i> (Баку). М. Казем-Бек — языковед	6	62
<i>Асланов В. И.</i> (Баку). О лексических параллелях в «Кутадгу билиг» и в азербайджанском языке	4	43
<i>Ахмедов Дж. С.</i> (Баку). Выражение отрицания предикативами с констатирующей функцией в современном азербайджанском языке	2	82
<i>Баскаков А. Н.</i> (Москва). Сложносочиненные союзные предложения в современном турецком языке	3	17
<i>Баскаков Н. А.</i> (Москва). Бинарные оппозиции в структуре синтаксиса тюркских языков	6	17
<i>Баскаков Н. А.</i> (Москва). Основные теоретические направления в изучении алтайской семьи языков	1	24
<i>Баскаков Н. А.</i> (Москва). Роль уйгуро-карлукского литературного языка Караханидского государства в развитии литературных тюркских языков средневековья	4	13
<i>Благова Г. Ф.</i> (Москва). «Кутадгу билиг», «Бабур-наме» и методика историко-лингвистического сопоставления	4	32
<i>Боргояков М. И.</i> (Абакан). К вопросу об этимологии гидронима «молочный»	5	85
<i>Гаджиева Н. З.</i> (Москва). Природа изафета в тюркских языках	2	18
<i>Добродомов И. Г.</i> (Москва). К истории культурных терминов тюркского происхождения	3	67
<i>Журавский А. И.</i> (Минск). Лексикографическая обработка тюркизмов старобелорусского языка	5	70

	№	Стр.
Зейналов Ф. Р. (Баку). Категория модальности и способы ее выражения в тюркских языках	2	95
Исенгалиева В. А. (Алма-Ата). Интернациональные основы в тюркских языках	5	36
Кайдаров А. Т. (Алма-Ата). О фразеологических вариантах в уйгурском языке	2	70
Кенесбаев С. К., Пиотровский Р. Г., Бектаев К. Б. (Алма-Ата). Инженерная лингвистика и тюркология	6	3
Кононов А. Н. (Ленинград). В. В. Бартольд — выдающийся востоковед	6	56
Кулиев Г. К. (Баку). О форме винительного падежа типа <i>sözün, tewesin</i> в тексте « <i>Divanü lûgat-it-türk</i> » Махмуда Кашгари	4	67
Любимов К. М. (Москва). Система грамматических времен в современном турецком языке	2	41
Мамедов А. М. (Баку). Древнетюркская акцентуация и некоторые вопросы развития фонологических систем тюркских языков	5	58
Мельников Г. П. (Москва). К этимологии отрицания <i>teğül</i>	4	57
Мельников Г. П. (Москва). Причины нарушений симметрии в системе киргизских гласных	1	54
Наджиб Э. Н. (Москва). О некоторых недостатках в изучении истории тюркских языков	6	48
Насилов Д. М., Храковский В. С. (Ленинград). Применение принципа деривации к описанию синтаксических структур предложения в тюркских языках	5	25
Нигматов Х. Г. (Ленинград). О глагольных корнях типа СГС и СГ по материалам Словаря Махмуда Кашгарского	3	39
Нигматов Х. Г. (Бухара). Соотношение категорий времени и склонения в тюркском глаголе	5	51
Оглоблин Н. А. (Ленинград). Артикуляционные и акустические характеристики хакасских гласных /i/ и /i/	6	39
Покровская Л. А. (Москва). О состоянии изучения и развитии гагаузского языка	2	27
Рабинович А. И. (Алма-Ата). Сочетаемость согласных в казахском языке	5	77
Раджабов А. А. (Баку). Об Олгнском памятнике	2	33
Своргян Э. В. (Москва). Несколько замечаний к тюркологическим исследованиям по грамматике	3	3
Серебрянников Б. А. (Москва). О некоторых частных деталях процесса образования аффикса множественного числа <i>-lar</i> в тюркских языках	1	49
Сетаров Д. С. (Карши). Тюркизмы в русских названиях птиц	2	86
Соксолов С. А. (Москва). Категория числа в турецком литературном языке и ее взаимосвязь со смежными лексико-грамматическими категориями	4	71
Тенишев Э. Р. (Москва). «Кутадгу билиг» и «Алтур ярук»	4	24
Тенишев Э. Р. (Москва). Новый источник чагатайского языка раннего периода	1	82
Трофимов М. И. (Самарканд). О влиянии длительных согласных на слоговое деление в уйгурском языке	3	33
Умаров Э. А. (Ташкент). К истории одного фразеологизма из словаря В. В. Радлова	1	84
Фазылов Э. И. (Ташкент). Лексика «Кутадгу билиг» в Древнетюркском словаре	4	48
Федотов М. Р. (Чебоксары). О чувашском каритивном аффиксе <i>-SÄP (-SÄR), -SĖP (-SĖR)</i> и его рефлексе в некоторых финно-угорских языках	3	60
Финкельштейн М. Б. (Ташкент). Структурные особенности некоторых узбекских синтаксических конструкций	3	45
Хабичев М. А. (Карачаевск). О древнетюркских рунических надписях в Аланских катакомбах	2	64
Хыдыров М. И. (Ашхабад). Отношение туркменского языка к языку «Кутадгу билиг»	4	40

	№	Стр.
<i>Ширалиев М. Ш.</i> (Баку). Н. И. Ашмарин и развитие азербайджанской диалектологии	6	70
<i>Ширалиев М. Ш.</i> (Баку). Новые диалектные данные для истории тюркских языков	5	20
<i>Щербак А. М.</i> (Ленинград). К вопросу о формах на -га, -ги, -гу в тюркских языках	6	28
<i>Щербак А. М.</i> (Ленинград). О фонетических особенностях языка «Кутадгу билиг» и древнейугурском консонантизме	4	20
<i>Юлдашев А. А.</i> (Москва). Конверсия в тюркских языках и ее отражение в словарях	1	70

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ И ТЕОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ

<i>Абдурахманов Г. А.</i> (Фергана). К переводу «Кутадгу билиг» на русский язык	4	120
<i>Абилов Ш.</i> (Казань). «Кутадгу билиг» в болгаро-татарской литературе	6	77
<i>Ахметгалесва Я. С.</i> (Казань). Несколько слов о языке «Кисекбаш китабы»	4	127
<i>Гусейнов Р. А.</i> (Баку). Титулатура и тамга Ильдегизидов (из истории феодальной символики и атрибутики XII в.)	4	87
<i>Каскабасов С.</i> (Алма-Ата). Герои казахской волшебной сказки	3	109
<i>Кляшторный С. Г.</i> (Ленинград). Эпоха «Кутадгу билиг»	4	82
<i>Короглы Х.</i> (Москва). Алп Эр Тонга и Афрасияб по Юсуфу Баласагуни, Махмуду Кашгари и другим авторам	4	108
<i>Наджип Э. Н.</i> (Москва). О средневековых литературных традициях и смешанных письменных тюркских языках	1	87
<i>Рустамова А.</i> (Баку). О некоторых параллелях в «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагуни и средневековой азербайджанской поэзии	4	116
<i>Сейидов М. А.</i> (Баку). Заметки о гуинской мифологии	2	107
<i>Сикалиев А.</i> (Черкесск). Древнетюркские письменные памятники и погайцы	4	131
<i>Стеблева И. В.</i> (Москва). Некоторые особенности тюркского стиха	5	98
<i>Стеблева И. В.</i> (Москва). Поэтика «Кутадгу билиг»	4	94
<i>Стеблева И. В.</i> (Москва). Рифма в тюркоязычной поэзии XI века	1	93
<i>Тугушева Л. Ю.</i> (Ленинград). Древнейугурская поэзия	4	101
<i>Тугушева Л. Ю.</i> (Ленинград). Древние уйгурские стихи	2	102
<i>Унговичкая М. А.</i> (Абакан). Проблема фольклоризма в тюркских литературах	5	88

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

<i>Джидалаев Н. С.</i> (Баку). О диахронии тюрко-дагестанских языковых контактов	3	99
--	---	----

ОНОМАСТИКА, ТОПОНИМИКА, ЭТНОНИМИКА

<i>Бакаева Х. Д.</i> (Ленинград). О золотом шитье Бухары и связанных с ним терминах	3	94
<i>Гусейнзаде А.</i> (Баку). О происхождении топонима <i>Баку</i>	3	82
Насилов В. М. (Москва). Ономастика охотничьего быта тувинцев, уйгуров и казахов	5	71
<i>Потапов Л. П.</i> (Москва). К семантике названий шаманских бубнов у народов Алтая	3	86
<i>Супруненко Г. П.</i> (Фрунзе). Из древнекыргызской ономастики	3	79

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Арсланов Л. Ш.</i> (Елабуга). Современный татарский литературный язык	6	123
<i>Ахметьянов Р. Г.</i> (Казань). Сравнительная фонетика тюркских языков	5	125

	№	Стр.
Ганиев Ф. (Казань). К. З. Зиннатуллина. Залогн глагола в современном татарском литературном языке	6	125
Кормушин И. В. (Ленинград). Тюркологический сборник 1970	6	114
Кулиев Г. (Баку). А. С. Аманжолов. Глагольное управление в языке древнетюркских памятников	3	129
Латыпов Ч. Ю. (Уфа). М. Х. Ахтямов. Словарь омонимов башкирского языка	6	121
Мамедов М. Б. (Баку). Изучаются стилистические особенности азербайджанского языка	5	129
Мухамадиев М. Г. (Казань). «Вопросы тюркологии»	6	117
Султанов Р. (Баку). О книге д-ра Надира Вазин Пура «Структура глагола в тюркском языке (с точки зрения языковедения)»	3	119
Тскишев Э. Р. (Москва). А. Т. Кайдаров. Развитие современного уйгурского литературного языка, ч. I. Уйгурские диалекты и диалектная основа литературного языка	2	117
Умаров Э. А. (Ташкент). З. К. Жарашуева. Материалы по карачаево-балкарской фразеологии	2	124
Шукюрли А. (Баку). Об узбекском переводе «Ат-тухфат-уз-закийя фил-лугат-ит-туркийя»	1	104
Юлдашев А. А. (Москва). С. Н. Иванов. Родословное древо тюрков Абу-л-Гази-хана (имя и глагол. Грамматический очерк)	2	119

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

Махмутова Л. Т. (Казань). Современное состояние и перспективы развития татарского языкознания	6	90
Музафаров Р. (Москва). Об изучении фольклора крымских татар	6	110
Сергеев Л. П. (Чебоксары). О диалектологическом атласе чувашского языка	5	105
Сулейменова Б. А. (Алма-Ата). О состоянии исследования языка древнетюркских и средневековых письменных памятников в Казахстане	6	96
Умаров Э. А. (Ташкент). Фразеологические словари тюркских языков	5	121
Фасеев Ф. С. (Казань). Новый тип диалектологического словаря	6	102

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Абдуллаев А. З. (Баку), Мельников Г. П. (Москва). Берлинский форум алтаистов	1	109
Адиллов М. И., Асланов Г. Н. (Баку). Всесоюзная научная конференция по тюркским языкам	1	112
Алекперов А. К. (Баку). Научная сессия «Ленин и вопросы языкознания»	2	136
Бектаев К. Б., Ермоленко Г. В. (Алма-Ата). Всесоюзный семинар по вопросам статистического и информационного изучения тюркских языков	3	135
Гузев В. Г., Дулина Н. А., Тугушева Л. Ю. (Ленинград). О работе III Тюркологической конференции в Ленинграде	1	106
Гузев В. Г., Дулина Н. А., Тугушева Л. Ю. (Ленинград). IV Тюркологическая конференция, посвященная 900-летию «Кутадгу билиг» Юсуфа из Баласагуна	4	136
Добродомов И. Г. (Москва). Тюркские лексические элементы в восточных и западных славянских языках	3	131
Касумов М. (Баку). Обсуждение вопросов культуры речи	1	117
Мусаев К. Филологический год — 1969	2	126
Рагимов М. Ш., Асланов В. И. (Баку). Сравнительно-историческое изучение тюркских языков	5	130
Резолюция IV Тюркологической конференции, посвященной 900-летию «Кутадгу билиг» Юсуфа из Баласагуна	4	141
Сергеев Л. П. (Чебоксары). Памяти видного ученого-тюрколога Н. И. Ашмарина	6	128
Скворцов М. И. (Москва). Встреча уйгуроведов	5	135

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

<i>С. К. Кенесбаев, Р. Г. Пиотровский, К. Б. Бектаев.</i> (Алма-Ата). Инженерная лингвистика и тюркология	3
<i>Н. А. Баскаков</i> (Москва). Бинарные оппозиции в структуре синтаксиса тюркских языков	17
<i>А. М. Щербак</i> (Ленинград). К вопросу о формах на -га, -ги, -гу в тюркских языках	28
<i>Р. С. Амиров</i> (Алма-Ата). Способы актуального членения в казахском языке	34
<i>И. А. Оглоблин</i> (Ленинград). Артикуляционные и акустические характеристики хакасских кратких гласных [i] и [i̥]	39
<i>Э. Н. Наджип</i> (Москва). О некоторых недостатках в изучении истории тюркских языков	48
* * *	
<i>А. Н. Кононов</i> (Ленинград). В. В. Бартольд — выдающийся востоковед	56
<i>В. И. Асланов</i> (Баку). М. А. Казем-Бек — языковед	62
<i>М. Ш. Ширалиев</i> (Баку). Н. И. Ашмарин и развитие азербайджанской диалектологии	70

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ

<i>Ш. Абилов</i> (Казань). «Кутадгу билиг» в болгаро-татарской литературе	77
---	----

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

<i>Л. Т. Махмутова</i> (Казань). Современное состояние и перспективы развития татарского языкознания	90
<i>Б. А. Сулейменова</i> (Алма-Ата). О состоянии исследования языка древнетюркских и средневековых письменных памятников в Казахстане	96
<i>Ф. С. Фасеев</i> (Казань). Новый тип диалектологического словаря	102
<i>Р. Музафаров</i> (Москва). Об изучении фольклора крымских татар	110

РЕЦЕНЗИИ

<i>И. В. Кормушин</i> (Ленинград). Тюркологический сборник 1970	114
<i>М. Г. Мухамадиев</i> (Казань). «Вопросы тюркологии»	117
<i>Ч. Ю. Латыпов</i> (Уфа). М. Х. Ахтямов. Словарь омонимов башкирского языка	121
<i>Л. Ш. Арсланов</i> (Елабуга). «Современный татарский литературный язык»	123
<i>Ф. Ганиев</i> (Казань). К. З. Зиннатуллина. Залог глагола в современном татарском литературном языке	125

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Л. П. Сергеев</i> (Чебоксары). Памяти видного ученого-тюрколога Н. И. Ашмарина	128
---	-----

PERSONALIA

<i>А. А. Ахундов</i> (Баку). А. З. Абдуллаев	131
--	-----

ХРОНИКА

Ашугский стиль в азербайджанской поэзии XIX в.	132
Научно-критический текст произведений Хатаи	133

* * *

Указатель статей, опубликованных в журнале «Советская тюркология» в 1970 г. (№№ 1—6)	134
--	-----

CONTENTS

HISTORY AND THEORY OF LANGUAGE

<i>S. K. Kenesbayev, R. G. Piotrovsky, B. K. Bektayev</i> (Alma-Ata). Engineering Linguistics and Turkic Philology	3
<i>N. A. Baskakov</i> (Moscow). Binary Oppositions in the Structure of Syntax in Turkic Languages	17
<i>A. M. Scherbak</i> (Leningrad). Towards the Forms Ending with -ra, -ru, -ry in Turkic Languages	28
<i>R. S. Amirov</i> (Alma-Ata). Ways of Actual Segmentation in the Gazakh Language	34
<i>I. A. Ogloblin</i> (Leningrad). Articulatory-Acoustic Characteristics of Khakass Short Vowels /i/ and /i/	39
<i>E. N. Najip</i> (Moscow). On Some Shortcomings in the Study of the History of Turkic Languages	48
* * *	
<i>A. N. Kononov</i> (Leningrad). <i>V. V. Bartold</i> — Outstanding Orientalist	56
<i>V. I. Aslanov</i> (Baku). <i>M. A. Kazem-Bek</i> — Linguist	62
<i>M. Sh. Shiraliyev</i> (Baku). <i>N. I. Ashmarin</i> and the Development of Azerbaijanian Dialectology	70

PROBLEMS OF HISTORY OF LITERATURE

<i>Sh. Abilov</i> (Kazan). «Kutadgu Bilig» in Bulgaro-Tatar Literature	77
--	----

REPORTS, SURVEYS

<i>L. T. Makhmutova</i> (Kazan). The Modern State and Prospects in the Development of Tatar Linguistics	90
<i>B. A. Suleymenova</i> (Alma-Ata). The State of Studies of Ancient-Turkic and Medieval Manuscripts in Kazakhstan	96
<i>F. S. Faseyev</i> (Kazan). A New Type of Dialectological Dictionary	102
<i>R. Muzafarov</i> (Moscow). On the Study of the Crimean Tatars' Folk-lore	110

REVIEWS

<i>I. V. Kormushin</i> (Leningrad). Turkological Selections 1970	114
<i>M. G. Mukhamadiyev</i> (Kazan). Problems of Turkic Philology	117
<i>Ch. Iu. Latipov</i> (Ufa). <i>M. Kh. Akhtyamov</i> . Dictionary of Homonyms of the Bashkirian Language	121
<i>L. Sh. Arslanov</i> (Elabuga). Modern Tatar Literary Language	123
<i>F. Ganiyev</i> (Kazan). <i>K. Z. Zinnatullina</i> . Voices of verbs in Modern Tatar Literary Language	125

SCIENTIFIC LIFE

<i>L. P. Sergeyev</i> (Cheboksary). Commemorating <i>N. I. Ashmarin</i> , a Prominent Scientist-Turkologist	128
---	-----

PERSONALIA

<i>A. A. Akhundov</i> (Baku). <i>A. Z. Abdullayev</i>	131
---	-----

CHRONICLE

Ashug Style in the Azerbaijanian Poetry of the 19th century	132
Scientific-Critical Text of <i>Khatai's</i> Works	133

INDEX

Soviet Turkology 1970 Nos 1—6	134
---	-----

1 руб.

Индекс
70927

